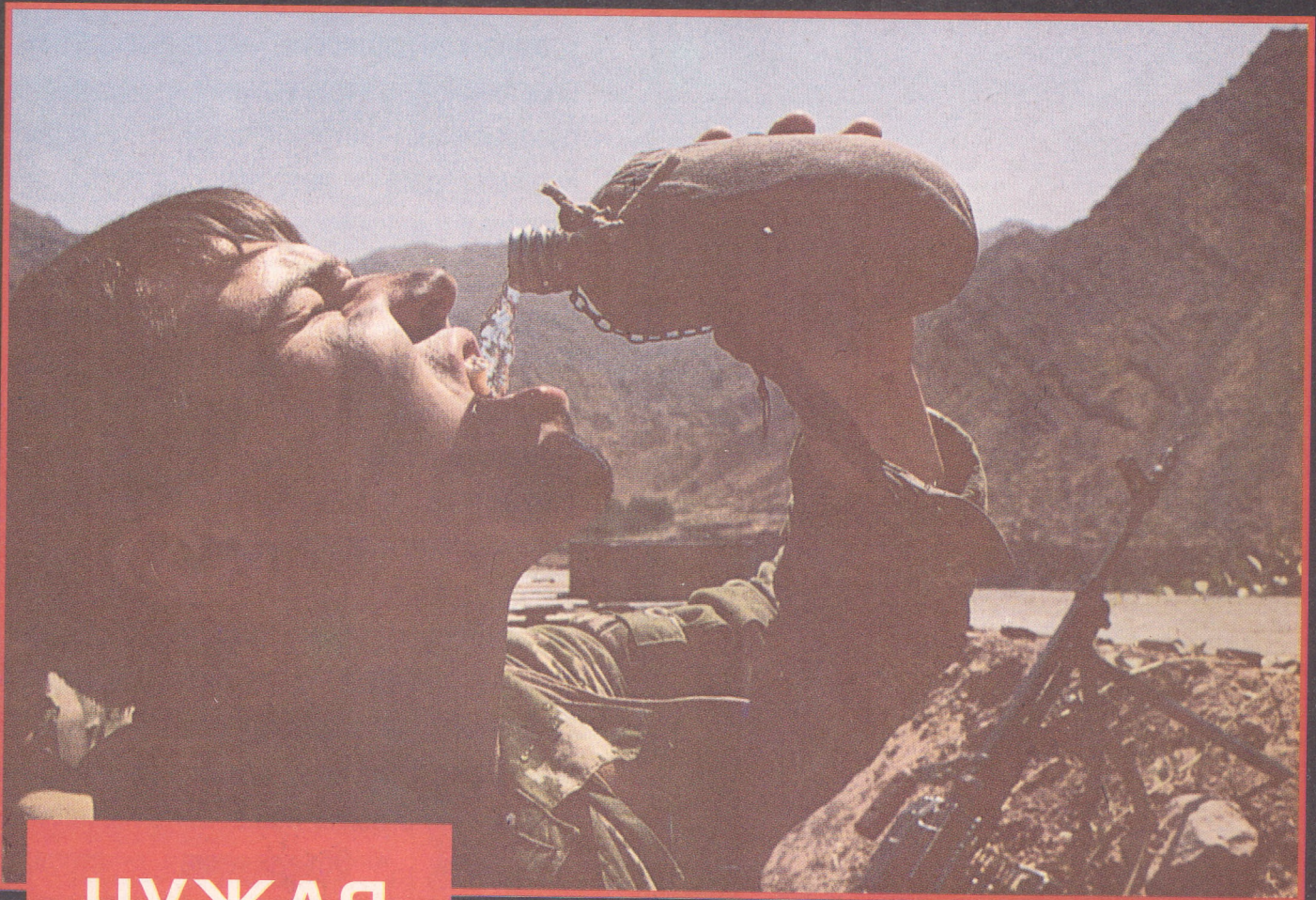

СТОЛИЦА

иллюстрированный еженедельник

№5 (167) 1994г.

**ЧУЖАЯ
ГРАНИЦА
РОССИИ**

Зап. 76878 страница 8

Фазиль ИСКАНДЕР:

„Жить должно
быть тяжело,
но дышать —
легко...“

страница 26

ЗАГОРОДНЫЕ ВИЛЛЫ —

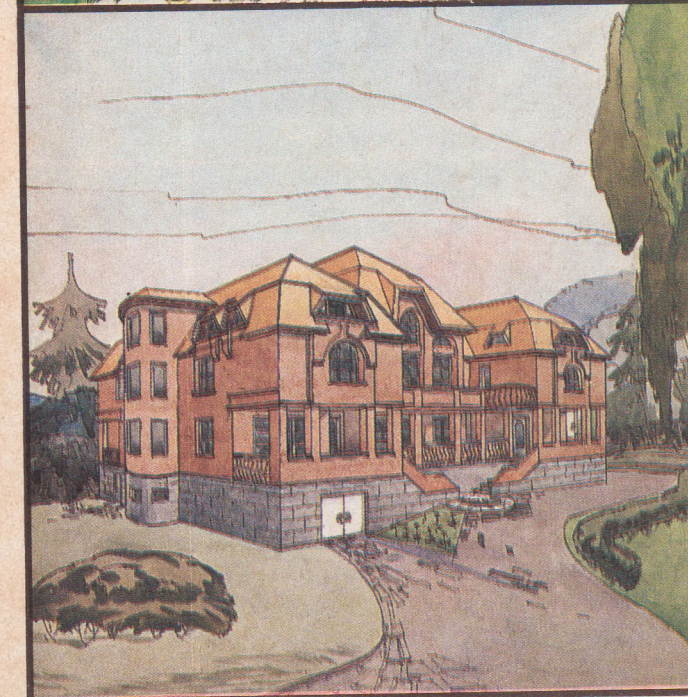
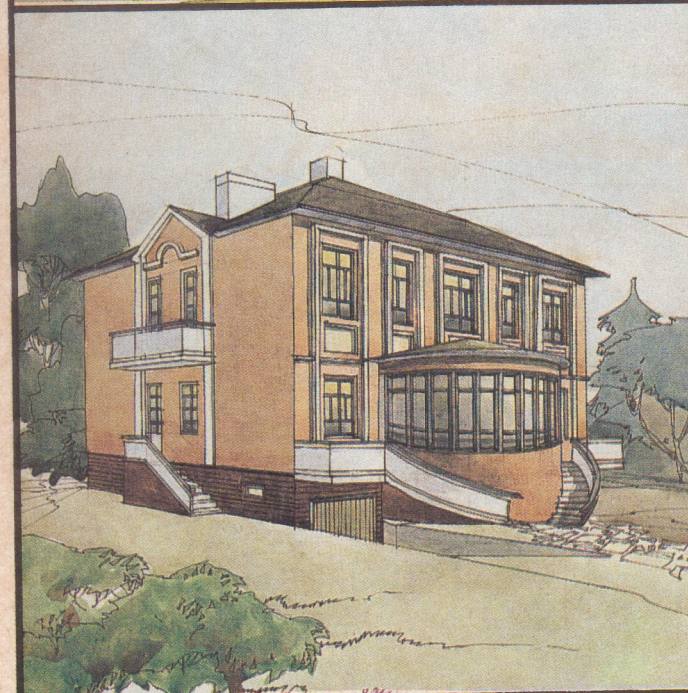
«ПОД КЛЮЧ»

Объединение «Интекс» — одна из ведущих фирм, занимающихся строительством загородных домов. Дома, построенные «Интексом», соответствуют мировому уровню комфортности. Фирма располагает собственной строительной базой и современной строительной техникой. Квалификация персонала позволяет строить с европейским качеством.

Фирма ведет строительство в наиболее известных и престижных районах ближнего Подмосковья: Жуковка, Барвиха, Раздоры, Николина Гора, Уборы и оказывает содействие в приобретении земельных участков под строительство.

Заказчику есть из чего выбирать: в каталоге фирмы — более 30 проектов. Возможна разработка и индивидуального проекта. «Интекс» строит «под ключ», при желании внутренняя отделка может быть полностью импортной. Объединение строило загородные дома для многих известных людей России. Недвижимость — лучшее вложение капитала!

Тел: (095) 180-40-31

ЖЕЛАНИЕ БЫТЬ СОКРАТОМ

Максим СОКОЛОВ

Слово «центризм» вернули в активный словарный запас русского языка А.И.Солженицын и М.С.Горбачев. Вермонтский изгнанник в начале 80-х годов опубликовал столыпинские главы «Красного колеса», проникнутые теплым сочувствием к судьбе обреченного премьера, изнемогающего в борьбе, когда «слева — красная сотня, справа — черная сотня». Из этих глав и пошло бесчисленно тиражируемое «труднее всего вычерчивать среднюю линию». До общественного сознания стало доходить, что слово «центрист» можно употреблять и не в ругательном смысле, а тут подоспел и первоцентрист в лице М.С.Горбачева: в феврале 1991 года он объявил, что искомым центристом, «вычерчивающим среднюю линию», он сам и является. Неизвестно, был ли рад вермонтский отшельник именно такой реализации центристского идеала, но усилиями великого писателя и великого перестройщика ящик Пандоры был уже открыт.

Оттуда в неописуемом количестве посыпались центристы, которые сами себя так называли: Н.И.Травкин, А.И.Вольский, В.Д.Зорькин, О.Г.Румянцев, В.С.Липицкий, А.В.Рущкой, Р.И.Хасбулатов. Имя центристам было легион, а недавно легион еще пополнился — в промежутке между угрозой закидать атомными бомбами Японию и угрозой сделать то же с Германией центристом объявил себя и В.В.Жириновский — чем, без сомнения, немцев и японцев совершенно успокоил.

Особенностью отечественных центристов, существенно дополнившей теорию и практику центризма как такового, было то, что — не в пример Столыпину — они в борьбе с красной и черной сотней не очень изнемогали, а, напротив, попеременно братались то с одной, то с другой, а иные, подобно А.В.Рущкому, с обеими разом. Хотя особенной народной любви (за исключением всеобщего любимца В.В.Жириновского, разумеется) центристы не стяжали, да и в плодотворной государственной деятельности не слишком преуспели, что даже побудило аналитиков с прискорбием говорить о провале центризма в России, наши прочерчиватели средней линии совершенно не огорчались — и правильно делали.

Отметив, что судьба центриста вообще трагична, ибо с обоих боков его мнут неистовые радикалы, а сбалансированная средняя линия вызывает обоюдные нарекания, центристы прибегли к логике и

утешили себя посредством простой логической операции. По принципу «всякий орел — птица, следовательно, всякая птица — орел» центристы рассудили, что поскольку всякий центрист является объектом нареканий, то, следовательно, всякое лицо, являющееся объектом нареканий, — центрист. А поскольку на отсутствие нареканий сказанные политики никак не могли пожаловаться, ясно, что с благородным титулом было все в порядке. Как по мотивам Н.А.Некрасова говорил Е.К.Лигачев, «мы слышим звуки одобрения в диких криках озлобленья». На то, конечно, можно возразить, что, допустим, человек, прилюдно наложивший кучу в гостиной, очевидно, вызовет нареkania, из чего, однако, еще не будет с несомненностью следовать, что он — центрист, но чрезмерный логический педантизм тут неуместен.

Но уместен вопрос, чем объяснить такой конфуз. То ли центризм вовсе не жизнеспособен на русской почве, то ли просто приключилось досадное недоразумение, выражающееся в том, что большей частью в центристы подались люди, которых нежелательно было бы пускать не то что в царские чертоги, но даже и в конюшню — из опасения за нравственность лошадей.

Версия о нежизнеспособности центризма в нынешней России сама по себе тут не рассматривается, но допустим, что она верна. Тогда решительно непонятно, отчего люди, отнюдь не грешившие твердолобью и готовые объявлять себя российским Медисоном, российским Эдисоном, а также равнином, далай-ламой, божественным старцем, кобелем рябым и вообще кем угодно — лишь бы удержаться на плаву, вдруг разом изменили своей привычной вертлявости и дружно поставили на совершенно нежизнеспособную фишку. Это тем более странно, что лица, именующие себя центристами, — горячие поборники особого, «третьего», российского пути развития, исключаяющего насильственное внедрение нежизнеспособных западных придумок.

Версия о массовом самозванстве вроде бы более правдоподобна — ведь по аналогии с центризмом точно такую же картину можно наблюдать и с просвещенным патриотизмом, которым кто только не занимался: С.Н.Бабурин, И.В.Константинов, С.Б.Станкевич, В.В.Аксюцич, А.В.Рущкой, О.Г.Румянцев, В.Д.Зорькин (последние трое — по совместительству с центризмом). Результат тоже был откровенно

странный, ибо, несмотря на такую похвальную саморекомендацию, просвещенный патриотизм обращался во вполне обыденный шовинизм, сами же просвещенные патриоты вылетали в политическое утильсырье еще быстрее, чем центристы. В сущности, просвещенный патриотизм есть как бы частная разновидность центризма: центризм, по замыслу, есть синтетическое примирение конфликта как такового, просвещенный патриотизм — примирение более частного конфликта между национальным и всечеловечным.

Тем более интересно, что примирителей можно сравнить с маленьким шариком, положенным на вершину большой полусферы — как ни вертись, обязательно скатишься. В физике это называется энергетически неустойчивым состоянием. Последний, но довольно эффектный пример вчистую провалившегося центризма — знаменитая «Независимая газета», начавшая с похвального желания выслушивать и сопоставлять различные точки зрения, а завершившая неудержимо-однообразной ненавистью издателя газеты В.Т.Третьякова к отвергнутому его любовью Б.Н.Ельцину.

Чтобы понять, почему кандидатов на звание постигает 100-процентная выбраковка, нужно задаться вопросом, в чем смысл так неудачно оспариваемого звания. Мысленно представив себе идеального центриста, мы видим, что этот человек должен обладать целым рядом превосходных черт: а) мудрость, необходимая как для того, чтобы правильно отличать хотя и с трудом, но достижимую цель от несбыточных фантазий, так и для того, чтобы уметь отличать достойную цель от недостойной; б) любовь к ближнему, позволяющая относиться к оппоненту с сердечным снисхождением, отыскивать и в его речах относительную правду и превозмогать разногласия деятельным участием к его истинным нуждам; в) мужество, дающее силы преодолевать несправедливые наветы и упорно «вычерчивать среднюю линию»; г) любовь к истине, позволяющая отвергать тонкие умственные соблазны.

В таком разе центрист — это человек, добровольно движимый любовью к истине и ближнему, взваливший на себя неудообоносимое бремя и мужественно отстаивающий свою истинную линию несмотря ни на что. Такой путь отнюдь не усеян розами, что мы можем видеть на примере трагической судьбы такого идеального

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

Н.Троицкий:

Думе некогда будет заниматься ни законодательством, ни экономикой... Ее ждут новые и новые приключения.

6

А.Касатов:

Пограничники были рады любым подаркам и вестям из России. Вот, подумал я, люди, которые, пожалуй, острее других понимают, что где-то есть родина, Россия, которая, правда, не всегда о них помнит, но иногда хотя бы вспоминает...

8

А.Суржанский:

Главная корысть Вашингтона сводится к следующему: хаос в России — это угроза безопасности всего мира, в том числе и его безопасности.

13

2 ЭКОНОМИКА

Д.Белов:

Проблема внешнего долга России при всей его важности все-таки не первична. Она является производной экономической ситуации в целом.

18

Ф.Харрисон, директор Центра, стимулирующего налогообложения (Лондон):

Мировой опыт говорит: чем выше составляющая земельной ренты в национальном доходе, тем быстрее произойдет переход к рыночной экономике.

Д.Львов, член-корреспондент, Центральный экономико-математический институт РАН:

Основой налоговой системы должны быть природные ресурсы или рента с них.

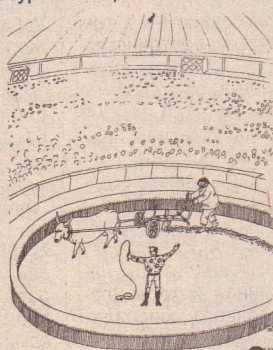

Рис. В. Сыслова

20

3 ЖИЗНЬ

Ф.Искандер:

Сегодня на людей думающих страшно давит невозможность понять, в чем же твой долг, к чему приложить силы.

26

Е.Аверина:

С одной стороны, рыбки — как бы живность в доме, но с другой — их не надо выгуливать, они не вернутся под ногами, требуя еще немножечко «Вискас»...

31

Е.Салина:

Бухгалтер со знанием языка — это «крупняк», это песня, это фантастика. Это порода специалистов, которая в России пока еще не выведена.

37

А.Митрофанов:

Новое течение пришлось Манежу по душе. Мечи переквали на рули, рули на краски, краски на рубли. И сейчас в том здании автосалон, банк, А/О...

41

4 КУЛЬТУРА

Е.Коренева:

Живя на Западе, я повзрослела, потеряла многие иллюзии. Но я сторонница того, чтобы иллюзии терять.

48

П.Коган:

Мое поколение — почти все с поломанными крыльями. Но моя дирижерская судьба все же складывалась вполне удачно.

56

В.Соловьев:

Так и лежу мертвец мертвого, а на мне муха. Вот такими и найдут нас спустя дни, недели, месяцы, годы, столетия, как в Помпеях, потому что ангелы отлетели, звонки молчат, литература отменена за ненадобностью...

59

Л.Петрушевская
Дикие животные
сказки

63

Москва, 101425, ГСП-4, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г.

Зарегистрирован Министерством печати и информации Российской Федерации 25 октября 1993 г. (№ 0110344).

Учредитель: редакция журнала «Столица». Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефонам:

923-19-71, 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора: Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков

Директор издательства: Борис Рабкин

Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Главный художник: Владимир Петров

Отдел общественно-политической жизни: Александр Касатов

Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен

Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел международной жизни: Консуэло Сегура

Отдел оперативной информации: Кирилл Рыбак

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан»

Номер подписан в печать 28.01.1994 г.

Тираж 87 000

Цена договорная.

Над номером работали:

В.Старчевский, Н.Ударцева, Р.Катеева

© «Столица», 1994

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д.7. Зак. 0100

го центриста, как Сократ, который, по словам В.С.Соловьева, «косвенным, а иногда и прямым смыслом своих речей... говорил обоим сторонам вещи, окончательно для них нестерпимые и против которых у них не находилось разумного возражения... Вина Сократа помимо всякой прямой полемики против охранителей и разрушителей состояла в том, что самая точка зрения его открывала идейную наготу и тех и других».

В нем был луч истинного света, открывающего и себя самого, и чужую тьму. Перед лицом лжеохранителей, утверждавших, что должно безусловно, без всяких рассуждений принимать народные верования и повиноваться отеческим уставам (см. кипучую деятельность В.Д.Зорькина. — М.С.) потому, что они даны и установлены, положены прежде нас, и перед лицом лжеммыслителей, учивших, что никакой безусловной обязанности не может быть, что не нужно повиноваться вовсе ничему, а только искать своей выгоды и успеха (см. new russians. — М.С.), — перед этой двойной ложью Сократ и словами, и жизнью своей утверждал: есть безусловная обязанность, но лишь к тому, что само безусловно, что по существу и, следовательно, всегда и везде хорошо или достойно».

Пока все вроде бы вполне благобно, и такая речь хоть бы философу А.С.Ципко впору, но не все так просто — «Охранителям Сократ как бы говорил так: «Вы совершенно правы и заслуживаете всякой похвалы за то, что хотите охранять основы гражданского общежития, — это дело самое важное. Прекрасно, что вы охраняете, беда лишь в том, что вы — плохие охранители: вы не знаете и не умеете, что и как охранять. Вы действуете ослепло, как попало, подобно слепым. Слепота ваша происходит от самомнения, а это самомнение хотя несправедливо и пагубно для вас и для других, однако заслуживает извинения, ибо зависит не от злой воли, а от вашей глупости и невежества». — Чем же можно на это ответить, кроме темницы и яда?».

Именно в этой кроткой, но твердой манере Е.Т.Гайдар изъяснялся перед нашим ареопагом, т.е. ВС РФ, и такого рода центризм, как мы помним, приходился ВС совершенно не по нутру. Слыша такое, наши подлинные центристы разрывались от гнева и видели в Е.Т.Гайдаре погубителя добрых нравов и развратителя молодежи: В.Д.Зорькин объяснил, что не видит разницы между Е.Т.Гайдаром и В.И.Анпильковым, А.С.Ципко вкупе с «Независимой» и «Новой ежедневной» газетами отождествлял развратителя с В.В.Жириновским. Получается, что даже минимальное подражание центризму в том его виде, который являл собою Сократ, приводит к тому, что лица, сами отрекомендовавшие себя центристами, страшно скрежещут зубами и, похоже, сильно огорчаются тому, что сегодня яд и темница недостаточно используются для утверждения подлинного центризма.

Столь болезненная реакция, доходящая прямо до каких-то корчей, более всего напоминает поведение самозванца перед лицом того, кто своим жизненным примером грозит это самозванство разоблачить. Знакомство с таким репрезентативным органом отечественного центризма (самозванства тож), как «Независимая

газета», в особенности с колонками главного редактора, вызывает в памяти место из уже вполне мистического сочинения В.С.Соловьева «Повесть об антихристе»: «Он совершенно потерял внутреннее равновесие, и (...) делал нечеловеческие усилия, чтобы не броситься с диким воплем на говорившего и не начать грызть его зубами». Естественно, я далек от столь смелого отождествления издателя газеты с антихристом и, скорее, солидарен с одним из героев соловьевских диалогов: «Ну, не лично, не он лично: далеко кулику до Петрова дня! А все-таки на той линии».

Но оставим мистику и обратимся к грамматике. Существуют в языке такие слова, которые, вообще говоря, неупотребимы в первом лице — нельзя сказать: «я мудрец», «я святой», «я умница», «я прелесть» и т.д. То есть, конечно, можно — но говорящего так сочтут самовлюбленным болваном, если не кем-нибудь похуже. Вышеописанные превосходные свойства идеального центриста, так обаятельно выраженные в личности Сократа, заставляют признать, что фразы «я центрист», «я просвещенный патриот» по своей неосновательной самовлюбленности вполне равнозначны фразам «я мудрец», «я красавец» etc. По сути дела, это фразы самозванца, возможно, впрочем, искренно не понимающего, что достоинство, на которое он претендует, с одной стороны, дается беспрестанным духовным усилием, с другой стороны, оценка итогов этого усилия и утверждение человека в таком высококом достоинстве — никак не дело претендента на это звание.

Грамматический казус загадочен не столько поведением самоцентристов — тут загадки мало, ибо самозванство в том и состоит, чтобы заявлять о достоинстве, которым не обладаешь, — сколько реакцией публики, которая сокрушается отсутствием центризма, но совсем не огорчается изобилием самозванцев. Казалось, все должно бы быть наоборот.

Провал центризма — факт, конечно, огорчительный, но объясняемый общим несовершенством общества и человеческой природы, это достойно сожаления и исправления. Но тут нет острой и необычной патологии — это есть обычная и хроническая патология поврежденного мироздания. Не то со всплеском самозванства — тут речь идет уже о какой-то сиюминутной и потому особенно опасной по своей необычности эпидемии.

В качестве достойного венца плетяду самоцентристов украшает уже В.В.Жириновский — но нет ни боязни самозванства, ни даже осознания того, что лидер ЛДПР — лишь наиболее эффектная фигура в длинном ряду своих вышеупомянутых предшественников. Вспомнив Г.А.Явлинского, снова процитируем В.С.Соловьева: «...Не многие их слушали, когда они указывали во всем, что писал и говорил «грядущий человек», признаки совершенно исключительного, напряженного самолюбия и самомнения при отсутствии истинной простоты, прямоты и сердечности». Как то и положено, интеллигентному Ивану Карамазову—Явлинскому соответствует несколько менее интеллигентный, но обаянный тем же напряженным самолюбием Смердяков—Жириновский. Однако даже такие профессиональ-

ные исследователи творчества Ф.М.Достоевского, как Л.И.Сараскина, не отмечают актуальности пророчеств мрачного гения.

Как раз по причине такой невнимательности не будем чрезмерно строги к самоцентристам — в конце концов, они лишь исполняют заказ образованного (для не образованного есть В.В.Жириновский) общества, которое требует центризма, т.е. всепримиряющей и всеудовлетворяющей программы, но в одном — в том, что само оно, это образованное общество, не хочет ничем жертвовать, не хочет тяжелого внутреннего усилия, не хочет в лице каждого своего члена преодолевать свое несовершенство и свою односторонность. Ничего этого не надо, а надо иметь взвешенную центристскую программу, которая введет нас в нужный алгоритм, и все будет очень хорошо.

Отчасти это похоже на нынешний триумф христианства на Руси: публика в массовом порядке ломанулась в церковную ограду, совершенно не собираясь разделить с Христом его ношу, а здраво полагая найти там полезные сеансы психотерапии с национальным колоритом. Когда колоритная психотерапия (нечто вроде духовного «Гербалайфа» — и жрешь от пизды, и талия в порядке) почему-то не привела к всеобщему благообразию, стало ясно, что во всем виновата Церковь, хотя она виновата только в одном — в том, что сразу не сказала со всей возможной ясностью: «Здесь мы исповедуем Христа распятого, воскресшего и паки грядущего со славою судити живых и мертвых, а модный психотерапевт, извините, за углом».

Если уж в вопросах душевспасения, где вроде бы речь идет о вечности, публика желает приятной терапии при собственном ничегонеделании — за что и получает требуемое, т.е. чудовищный расцвет религиозного шарлатанства и прямой бесовщины, то уже тем более в низменных мирских делах публика желает иметь Сократа, но такого Сократа, который ни прямо, ни косвенно не станет указывать ей на ее односторонность, требовать встречного духовного (а впрочем, и банального трудового) усилия, а будет рассказывать, какие все дураки и негодники, кроме меня и вас, мои дорогие, ибо мы-то с вами знаем, что такое центризм, будучи сами замечательными центристами. Такому Сократу, конечно, не придется ни в прямом, ни в переносном смысле пить цикуту, ибо — зас он напоит вкусным «Гербалайфом», а сам выпьет шампанского на очередном телешоу.

А Гайдар? — ну, что же Гайдар? Нельзя же всерьез понимать центризм и просвещенный патриотизм, как тяжкий и повседневный труд и как неудобноосимое бремя, налагаемое и на себя, и на общество. За свою дурацкую серьезность и получил 12 декабря.

Таков приятный итог поисков приятного Сократа, имевших место в 1993 году. В духе святочного рассказа остается только пожелать, чтобы в 1994-м обществе — если ему взаправду прискучили приятные сократы и сократики — попыталось поискать немножко меньше приятности и немножко больше серьезности.

Вокруг да около парламента

ДЕЛА ШАХРАЯ ТЕПЕРЬ У ЯРОВА...

Последние дни первых недель работы Думы были нервными. Это и понятно: в парламенте переживали за распределения портфелей в... правительстве. Потому как все здесь очень плотно переплетается — министры и вице-премьеры стали еще и депутатами, а депутаты хотят и далее оставаться министрами да вице-преьерами.

...Из дверей зала заседаний показались до боли знакомые усы, а вслед за ними и сама стройная фигура Сергея Шахрая. Было уже известно, что Шахрай остался министром, хотя и без портфеля вице-преьера.

Я подошел к новому-старому министру-депутату:

— Сергей Михайлович, в интервью нашему журналу за месяц до выборов вы сказали, что ожидаете в 1994 году крупных социальных конфликтов, в основном на почве межнациональных отношений. Вы подтверждаете этот мрачный прогноз?

— К сожалению, прогноз мой не потерял актуальности. Больше того, ситуация продолжает обостряться... Здесь же, в центре, во властных федеральных структурах, идет своя жизнь: как будто ничего в стране не происходит. Федеральный центр занят лишь политическими разборками и конфликтами. В центре воюют друг с другом, условно говоря, демократы, коммунисты и националисты, а регионы предоставлены как бы сами себе. Значит, появляется большой простор для действий сепаратистов.

— Неужели дело только в слабости центра?

— Не только, конечно, но во многом. Тут все связано. Экономическая ситуация такова, что усиливает социально-экономическую и политическую базу конфликтов. И всегда было заманчивым использовать межнациональные формы для политической и экономической борьбы. Поэтому я предупреждаю: пока мы здесь, в центре, не придем к согласованным позициям между парла-

ментом, правительством и всеми политическими силами России, ее целостности угрожают межнациональные конфликты...

— А что можете предложить вы? Как министр, как лидер фракции?

— Министром я только что назначен, а вот как лидер ПРЕС скажу, что суть наших подходов в том, чтобы предложить пакет экономических региональных программ. Мы поддерживаем те восемь недавно образованных территориальных ассоциаций, которые помогут обеспечить экономическое пространство внутри России и встать как бы над различием в интересах республик, краев и областей. Кроме того, нужна целая серия шагов по государственной поддержке национальных традиций, языка, культуры, образования, вернуть к жизни концепцию национально-культурной автономии.

Словом, мы знаем, что надо делать. Главное сейчас — приступить к практической работе. Ведь никто ничего не сможет, пока все «висит»...

— Сейчас тут и там раздаются голоса несогласных с принятой Конституцией: они не считают ее принятой, так как она не получила одобрения почти половины республик и ряда других субъектов Федерации. Учитываете ли вы в своих планах этот фактор?

— Да... Это как раз один из факторов, который заставляет меня подтверждать тот мрачный прогноз, о котором мы говорили вначале. Усиление в принятом варианте Конституции унитарных начал и, наоборот, ослабление начал федеративных — огромная проблема, которая может принести нам немало неприятностей. Здесь нужна очень кропотливая работа: переговорная, экономическая прежде всего.

— Кажется, вы ею и пытаетесь заниматься в прежней должности вице-преьера и председателя Госкомфедерации? Значит, просто будете продолжать начатое?

— К сожалению, появились проблемы — например, под-

готовительная работа по налаживанию взаимоотношений России с Татарстаном, которую я вел в течение целого года, сейчас передана другому человеку — вице-премьеру Ю.Ярову. Какой в этом смысл — не понимаю! Я очень уважаю этого человека, но, мне кажется, в таких тонких вопросах надо соблюдать преемственность.

— Вам не помешает, что теперь у министра Шахрая не будет такого сильного рычага, как вице-премьерский статус?

— Помешает, и очень сильно! И дело здесь не в Шахрае. Пусть это будет Иванов, Петров, Сидоров или еще кто-то... Все равно за региональную политику должен в правительстве отвечать человек со статусом вице-преьера.

— Значит, раз вы без такого статуса, то дело ваше безнадежное?

— Ну... может быть, удастся снизить отрицательные последствия этой ситуации. Например, вывести мое министерство из-под вице-премьеров — напрямую на премьеру. А самого министра включить в состав Президиума правительства и в Совет безопасности. Это позволит обеспечить необходимую координацию действий министерств экономики, финансов и по делам национальностей. И тогда вопрос о том, со статусом Шахрай или без статуса, становится несущественным.

— Премьер согласен с вашими соображениями?

— А иначе я бы не согласился быть министром. Мне обещали. А вот выполнят ли они свои обещания — посмотрим...

...Видать, не слишком-то депутат-министр Сергей Шахрай верит в премьерские обещания... Это показывают и самые последние события: по сведениям, как сейчас говорят, «из осведомленных источников», министр Шахрай вот-вот может стать простым депутатом. А пока наблюдает ситуацию и раздумывает, раздумывает... Следите за афишами...

Григорий КРОШИН

САМЫЙ
СОВЕТСКИЙ
СУД
В МИРЕ...

Когда читатели возьмут этот номер журнала в руки, химик Вил Мирзаянов, возможно, уже вновь окажется под стражей. За решетку может угодить и Владимир Углев, один из творцов современного отечественного химического оружия. Спектакль, затеянный военно-химическим лобби, верушкой «распущенного» МБ и Генеральной прокуратурой, подходит к ожидаемому финалу?

«Столица» неоднократно писала об этом деле (№ 51 за 1993 г. и № 2 за 1994 г.). Доктор наук Мирзаянов сделал достоянием гласности страшную «тайну»: российский генералитет не собирается отказываться ни от разработок новейшего химоружия, ни от его производства. За это учёного жадуют проучить.

Следователи Министерства безопасности вели это «дело» с грубейшими нарушениями Конституции и Уголовно-процессуального ко-

декса. Призванная следить за соблюдением законности, Генеральная прокуратура не уступала сотрудникам МБ в деле нарушения этой самой законности, отвергая ходатайства подследственного и его адвоката без всяких на то оснований.

Как заявил корреспонденту «Столицы» адвокат подсудимого Александр Аснис, не существует вообще никакой законной почвы для процесса: на основе никогда не публиковавшихся секретных инструкций не имеют права ни привлекать к ответственности, ни судить тем более. Все документы, затрагивающие права человека, права личности, в том числе и очерчивающие границы гостайны, должны быть открыто опубликованы. В противном случае они просто-напросто не действуют.

Но суд отверг даже ходатайства о приобщении к материалам дела всех этих «потайных» инструкций. По мнению юристов, тем самым судьи встали на неправоую почву и вслед за следствием и прокуратурой грубо нарушили статьи 15 и 29 Конституции и статью 9-ю Закона о гостайне.

Как удалось выяснить корреспонденту, материалы дела и обвинительное заключение попали в суд в обход генерального прокурора Казанника. Так, заключение завизировал один из его замов. Генпрокурор о суде над Мирзаяновым узнаёт из сообщений прессы! Ходатайства, направленные обвиняемым и его адвокатом на имя Казанника, так к нему и не попали. Словом, игра идет по старым «добрым» советским аппаратным правилам.

Поэтому Вил Мирзаянов принял решение не только отказаться от дачи показаний, но и вообще не являться в суд: «Зачем мне это нужно? Я не хочу участвовать в заранее спланированном и как по нотам разыгрываемом спектакле. Это просто расправа, которой пытаются придать видимость законности. Но о какой законности вообще может идти речь, если теперь уже и судьи грубо попирают саму Конституцию! Зачем мы тогда вообще принимали Конституцию, зачем она нужна?»

Владимир ВОРОНОВ

ВИКТОР ГЕРАЩЕНКО. ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ

О председателе Центробанка Викторе Геращенко говорят и пишут в последнее время столько, что будущий сборник «Геращенко в воспоминаниях современников» придется издать в нескольких томах.

Со своей стороны предлагаем грядущим исследователям биографии замечательного банкира один из документов,

попавших в распоряжение редакции.

Как известно, 16 июля 1992 года В.В.Геращенко приступил к исполнению обязанностей председателя Центрального банка России. А уже 22 июля, не доверяя машинистке, лично сел за пишущую машинку и сочинил следующее «личное» письмо В.Ф.Шумейко, отвечавшему в правительстве за кадры:

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК
РСФСР
(Банк России)
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

117049, Москва, Житная ул., 12

от 22 июля 1992 № личное

На № _____

Первому заместителю председателя
Правительства Российской Федерации

Шумейко В.Ф.

О замещении должностей в системе Центрального банка России офицерами действующего резерва органов внутренних дел и государственной безопасности.

Уважаемый Владимир Филиппович,

Для обеспечения безопасности Российской Федерации в денежно-кредитной сфере и банковском секторе путём привлечения для работы офицеров /генералов/ действующего резерва органов безопасности и внутренних дел, прошу Вас дать указание Министерству безопасности Российской Федерации, Министерству внутренних дел Российской Федерации, Службе внешней разведки при Президенте Российской Федерации заместить ряд руководящих должностей в системе Центрального банка России офицерами /генералами/ органов безопасности, внутренних и службы внешней разведки с зачислением в действующий резерв указанных органов в порядке и на условиях, предусмотренными указом Президента Российской Федерации от 15 октября 1991 года № 141.

исполняющий обязанности Председателя
Центрального банка России

В.В. Геращенко.

Прошло время... Теперь мы знаем, стала ли работать лучше банковская система страны после того, как вакансии в ЦБР заняли офицеры и генералы госбезопасности.

Николай ТРОИЦКИЙ

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПАРЛАМЕНТА В РОССИИ

Не успело новоизбранное отечественное Федеральное Собрание начать работу, как власти стали прикидывать и обдумывать: как бы избавиться от парламента? Он уже мешает. Закономерный итог для страны, где никто никогда не относился всерьез к законодательной власти, да и она сама активно способствовала скорейшему своему уничтожению.

Формально, согласно инструкциям, ведомственным бумагам и статьям Конституции, «парламентом» мы сегодня должны считать и называть две палаты Федерального Собрания в их загадочной совокупности. Но они получились настолько разными, что о каждой надо сказать отдельно.

Так вот, верхняя палата, Совет Федерации, не имеет почти никакого отношения к законодательной ветви власти, ни по форме, то есть составу ее «депутатского корпуса», ни по содержанию ее деятельности.

Две трети Совета Федерации (его еще полюбили именовать «сенатом») — это типичный правительственно-хозяйственный актив: чиновники, главы администрации, президенты и премьер-министры республик в составе России, генеральные директора. Ни один из них не оставил своей прежней должности, да и не имел право этого делать, ибо Конституция предписывает им «сенаторствовать» на непостоянной основе. И даже те немногие «депутаты», которые займут руководящие посты и никак не смогут совмещать их с прежними, даже они, по выражению спикера «сената» Владимира Шумейко, числятся откомандированными на два года с предыдущего места службы.

Конечно, в СФ есть около трех десятков членов, которых было некому отправлять в «командировку» в «сенат»: бывшие или доживающие последние председатели Советов, а то и просто «временные не работающие». Но эти люди не в состоянии изменить ситуацию в палате. Они будут исполнять роль «оппозиционной приправы», так как в основном — скрытые или явные коммунисты и настроены непримиримо.

Совету Федерации не дано мандата на законодательную работу. Его дело — «визировать» законы, принятые в Госдуме, отсекают и блокировать «вредные», одобряют «полезные». Первоначально задумывалось так, что «сенаторы» станут выражать точку зрения президента и правительства. Однако первая неделя работы нового органа власти показала, что, скорее, президенту и главе правительства придется выражать точку зрения влиятельных «сенаторов», особенно тех из них, что руководят исполнительной властью «на местах». Они не даром потрепали нервы президентской команде, поначалу едва не забаллотировав официального кандидата в председатели Владимира Шумейко. Теперь придется расплачиваться с региональными лидерами при распределении бюджетных средств, кредитов, квот, льгот, субвенций и дотаций.

Все это не имеет ничего общего с деятельностью парламента, зато напоминает недавний сюжет новейшей истории России.

В августе прошлого года Ельцин уже однажды попробовал создать «Совет Федерации». В него должны были войти по два руководителя от

каждого субъекта РФ, ему предстояло получить важные полномочия, а задумывался тот орган для борьбы с Верховным Советом. Потом с парламентом справились иными методами.

Но лукавая и ироничная российская история любит подбрасывать политикам парадоксальные «рифмы» и повторы. Старый ленинский завет «шаг вперед — два шага назад» — по-прежнему актуален. Все или почти все вернулось на круги своя. Совет Федерации возник, в него вошли те же самые руководители субъектов Федерации (не на сто процентов, правда, но иных уж нет, а те далеке, зато республиканская «квота» практически вся выбрана по августовским именклатурным рецептам). И мало того, смысл и содержание работы этого Совета Федерации, как и задумывалось, — борьба с парламентом, на сей раз в лице Государственной Думы.

Владимир Шумейко твердо и недвусмысленно заявил, что в крайнем случае (а у нас почти все случаи — крайние, золотой середины мы не уважаем) Совет Федерации обойдется без решений Госдумы и примет наиважнейшие законы подручными депутатскими средствами, благо почти половина «сенаторов» имеет законодательный опыт. Нарушение Конституции, как обычно, никого из власти имущих не беспокоит. Правда, понадобится согласие самих «сенаторов». Но его наверняка получат. И тем самым центральная власть все-таки рискует попасть под «жесткое излучение» субъектов Федерации, которые не преминут подиктовать свои условия. А Шумейко, как человек гибкий, уже намекнул, что он отнесется к такому «давлению регионов» с пониманием.

Спрашивается: где же укрепление «исполнительной вертикали»? Где сильный президент-гарант? Кто больше всех выиграет тогда от сентябрьско-октябрьской смуты? Те, кто «сражался на передовой» в столице, или те, кто молча отсиживался по республикам, краям и областям?

Ответы на эти риторические вопросы поможет дать сама Государственная Дума. Про нее пока не так уж много можно сказать. Но кое-что ясно.

Дума похожа на нечто вроде парламента гораздо больше, чем почивший в бозе Верховный Совет. В отличие от респектабельных «сенаторов» шумные и буйные думцы избрали своего спикера с первой попытки. Они четко разделились по фракциям и способны принимать решения без излишне продолжительных дискуссий. Это даже странно, ибо в первые два дня казалось, что подобного паноптикума свет не видывал. Однако это не предвещает новоявленному парламенту ничего хорошего.

Решения-то он принять может, но какие? А такие, которые пожелают

принять следующие дамы и господа и их фракции: Владимир Жириновский (Либерально-демократическая партия), Геннадий Зюганов (коммунисты), Михаил Лапшин (аграрники, мало чем отличающиеся от коммунистов), Николай Травкин (Демпартия России), Алевтина Федулова («Женщины России»), явно близкие к предыдущим политическим силам, и примкнувшие к ним независимые типа Сергея Бабурин или Александра Невзорова. Арифметика первых дней работы Думы показала, что они все вместе набирают чуть более половины списочного состава. Им и карты в руки.

«Выбор России» попробовал смешать эти карты с помощью «умеренно-независимых», попытавшись раздробить тело Думы на множество мелких групп-«сегментов» численностью в 12—14 человек. Не вышло. Партийные «крупняки» отстояли свои тактические разработки: минимальное число депутатов для группы, равноправной с фракцией, определили в 35 человек. Среди «независимых» тут же выделились так называемые центристы. Они образовали группу «Новая региональная политика».

Степень «независимости» этой группы определяет, видимо, ее лидеры: формальный — Владимир Медведев, президент Союза нефтяных работников России, личный друг Черномырдина, и неформальный — Владимир Квасов, руководитель аппарата правительства России, тоже человек Черномырдина, получивший ради более спокойной парламентской деятельности ранг министра.

Ясно, что эта «центристская» группа будет тесно сотрудничать с кабинетом министров. Но «Выбору России» от этого не легче. Пути его лидеров и пути правительства в середине января разошлись несколько в разные стороны.

«Выбороссам» ничего не осталось, как только осваивать непривычную роль непримиримой оппозиции. Им даже нельзя теперь сорвать кворум для заседания — он понижен с двух третей до половины. А половина у оппонентов «Выбора», как мы уже убедились, всегда наберется.

В странном и нелепом положении оказались все фракции, именуемые обычно «демократическими». Да, Шахрай с помощью умелых маневров удвоил число своей команды — до 40 человек. Да, Явлинский постоянно в центре внимания. Но у них нет никаких рычагов влияния в парламенте. Даже если они заблокируются с «Выбором России», до необходимого числа голосов — 223 — они не доберут. А заблокироваться с противоположной стороной, учитывая присутствие там господина Жириновского, тем более не хочется.

Исходя из всех вышеизложенных фактов и соображений, можно понять, почему власть (а парламент — это

у нас все-таки не власть) начала разрабатывать планы отстранения Госдумы от законодательных функций.

Быть может, надо снова разгонять, не дожидаясь истечения положенного по Конституции года?

Но на сей раз в разгоне Думы не заинтересована ни одна фракция. Даже «Выбор России». После крутых кадровых перемен в правительстве для многих влиятельных «выбороссов» сохранение парламента — единственная возможность сохраниться в политике. Какой ценой?

Как бы «Выбор России» ни дистанцировался от нынешнего правительства, ему поневоле придется исполнять роль всеобщего «козла отпущения» и объекта нападков в парламенте. Эта роль мало того что противна. Она наносит весомый ущерб популярности политиков. Что особенно неприятно в преддверии следующих парламентских выборов. А ведь все ответственные депутаты уже начали к ним готовиться.

И в первых рядах — все тот же Жириновский, открыто претендующий также на пост будущего президента России.

Он с первых часов работы Думы повел себя так, как будто не только не боится, но даже мечтает о скорейшем ее разгоне. Некоторые политологи по привычке называют его «клоуном», «шутком гороховым», «невменяемым» и т.д.

При ближайшем рассмотрении видно, что все истерики, хамские выкрики, выходки, вопли — это хладнокровно разыгранные концертные номера. Жириновский орет не на всех. Он нападает исключительно на «Выбор России», провоцирует на ответную грубость и часто достигает своей цели. Он готов сорвать работу Думы, во всяком случае, довести ее до крайней точки кипения. Он рискует расчетливо: знает, что коммунисты или родственные им фракции всегда его прикроют, а вину за срыв и раскол Думы свалят на «смутьянов-демороссов».

И дело не в злобешем «коммунофашистском» блоке. И коммунисты, и аграрники, и тем более Травкин с женщинами — тоже нормальные люди. В кулуарах они относятся к Жириновскому с безгильным отвращением. Но суровая реальность итогов декабрьских выборов заставляет смиряться. Им нужны голоса фракции Жириновского — они уже помогли быстро избрать спикером аграрно-коммунистического кандидата Ивана Рыбкина.

Жириновский пока, на внутривластном уровне, выиграл. Изолировать его не смогли, антифашистский «фронт» не создан, с ним вынуждены считаться.

«Выбор России» опять проиграл. В Думе он ни на что повлиять не может, и что он там делает — непонятно. А куда податься, кроме этой распрок-

лятой Думы, — опять-таки неясно.

Что дальше? Скорее всего, «агенты» враждебных фракций будут стараться расколоть ряды друг друга. Объективные законы исторической логики свидетельствуют, что гораздо легче расколоть политическую силу, которая теряет власть. Те, кто рвется к власти, сплочены общим интересом. Следовательно, наиболее вероятные кандидаты на раскол — это «Выбор России» и Партия российского единства и согласия под руководством Шахрая. Фракциям, оппозиционным к общероссийской власти, но составляющим большинство в Думе, раскалываться ни к чему. Они, правда, с легким сердцем откажутся от услуг ЛДП Жириновского, но лишь в том случае, если к ним в союзники придут Явлинский, Шахрай и «новорегиональные» центристы.

Странная комбинация? Не более странная, чем та, что сложилась в первую неделю. На всякий случай напомню, что ряды Аграрной партии укрывает действующий вице-премьер правительства Александр Заверюха; у «Женщин России» числится вчерашняя советница Бориса Ельцина Екатерина Лахова; ну а Травкин вроде бы давно славится бурным антикоммунизмом...

Но, возможно, никаких новых комбинаций в Думе и не возникнет. Ей дадут спокойно заседать, что-то решать и принимать и не станут обращать на эти решения ни малейшего внимания. Вот только кто будет осуществлять реальную власть в России? Администрация президента, покамест никак не связанная с новоявленными законодателями? Или правительство Черномырдина, располагающее прекрасными возможностями создать мощное лобби в парламенте? С аграрниками, Травкиным, «Женщинами» и даже с коммунистами не так уж и трудно договориться. Шахрай готов помочь, если ему предложат весомые посты в правительстве. Договориваться с «Выбором России», который уже и так все проиграл, что мог, — необязательно, но можно переманить оттуда кое-кого ценой постов и кабинетов. Не все же там идейные борцы, есть и «гибкие демократы» вроде Владимира Шумейко или Сергея Станкевича.

Такой неожиданный вариант тоже вполне вероятен. Не хуже и не лучше прочих.

Увы, любые комбинации и вариации чреваты бурными конфликтами. Думе некогда будет заниматься ни законодательством, ни экономикой. И затихнуть в парламенте не предвидится. Его ждут новые и новые приключения.

Пишем токмо о том, что видим.
А о том, чего не видим, не пишем.

Из старинной русской поэзии

Часть I

Александр КАСАТОВ

ТАДЖИКСКИЙ СЧЕТ: ПЯТЬ К ОДНОМУ, ОДИН ЗА ДВА,

Разгадка «мудреного» заголовка проста. В Таджикистане за российский рубль дают пять советских, а только они и ходили там еще до середины января; год службы у военных там засчитывается за два; определить время суток в Таджикистане можно, прибавив два часа к времени московскому.

А вот чтобы понять, что показывают социально-политические часы, кажется, нужно вернуться на бесконечность назад... Минус бесконечность...

Начало

Организовал поездку под Новый год к пограничникам в Таджикистан председатель Союза «Щит» Николай Московченко, ныне он еще и депутат Московской городской думы. Знаю я его достаточно давно: Московченко упорен и энергичен. «Упорствующий до предела почти всегда оказывается прав», говорил какой-то, кажется, британский, генерал. Когда Москов-

ПЛЮС ДВА...

ченко предложил мне лететь с ним на таджикско-афганскую границу, я сразу согласился: знал, что мы и туда долетим, и обратно вернемся.

Мы, а это люди из «Щита» и несколько московских журналистов, всего 10 человек, должны были лететь из Шереметьева, военным бортом. Новогодние подарки загрузили в самолет днем раньше, был готов и список с фамилиями участников поездки. Но летчики сказали, что могут взять

только четверых, иначе нарушится центровка самолета. Это у ИЛ-76! От семи человек! И это они сказали Москвиченко, который был авиационным техником! А кроме того, командир полка, чей самолет осуществлял полет, сказал, что не знает подписи Николаева, командующего погранвойсками России. Сказать-то сказал, но письменно отказать испугался. А кроме того, Николай Москвиченко был готов выгрузить подарки прямо в снег

на летное поле, если не возьмут всех, кого он внес в список с визой Николаева. Что ж, упорствующий до предела почти всегда оказывается прав.

Всего-то четыре часа споров — и мы сидим в са... нет в сарае, борт-то военный. Хотя, если честно, лететь военным бортом лучше, чем гражданским: можно лечь на лавочку, можно играть в карты хоть вшестером, можно под разложенную на газетке закуску пытаться «почувствовать разницу», и никто не просит пристегиваться, не пытается предложить жареное крылышко птеродактиля. Нам еще повезло: всего четыре часа ждали решения своей судьбы. А многие военные, которые возвращаются из отпуска, ждали посадки в этот сарай по неделе!

...Как только прилетели в Душанбе, сразу поразило обилие вокруг людей с оружием, чувство такое, что оно есть у всех. Вышли из самолета — всех сразу отогнали в сторону. Подъехала БМП с автоматчиками, и под их охраной из самолета вынесли три или четыре огромных мешка. Как потом оказалось, это были давно ожидаемые тут пограничниками российские деньги. Потом многие нам говорили, что этого хватило, чтобы расплатиться с долгами по зарплате и другим выплатам.

Кладите голову на «Сапон»

Было уже больше десяти вечера по московскому времени да плюс два. Теперь главное — переночевать. Но одни гостиницы переполнены, другие не работали, третьи разрушены. Пытавшийся помочь нам в организации ночлега офицер-пограничник был слишком вежлив, совестлив. А потому ночевали мы в помещении комендатуры, в казарме вместе с солдатиками, находящимися под следствием за драки, побеги, о чем мы узнали только утром. При этом фотокоры, спавшие в обнимку со своими миллионными фотоаппаратами, многозначительно переглянулись.

Дальше нашей целью было добраться до Московского погранотряда, который называется так потому, что находится в поселке с таким названием, а может, и наоборот. Та самая, стертая с лица земли застава находится именно в этом отряде. Для непосвященных скажем: отряд — это как дирекция завода, главная контора, а застава — это цеха.

Вертолет должен быть, естественно, тоже военный, пограничный. Приехав на аэродром, мы увидели, как на нем заменяют двигатель — это

часа на три-четыре. И они уже почти его поставили, но оказалось, что этот новый пробит пулей, значит, все сначала.

Пока ждали, сел вертолет с ранеными во время перестрелки на 12-й заставе. Раненный в руку парень, москвич, был не бледный даже, а просто серый.

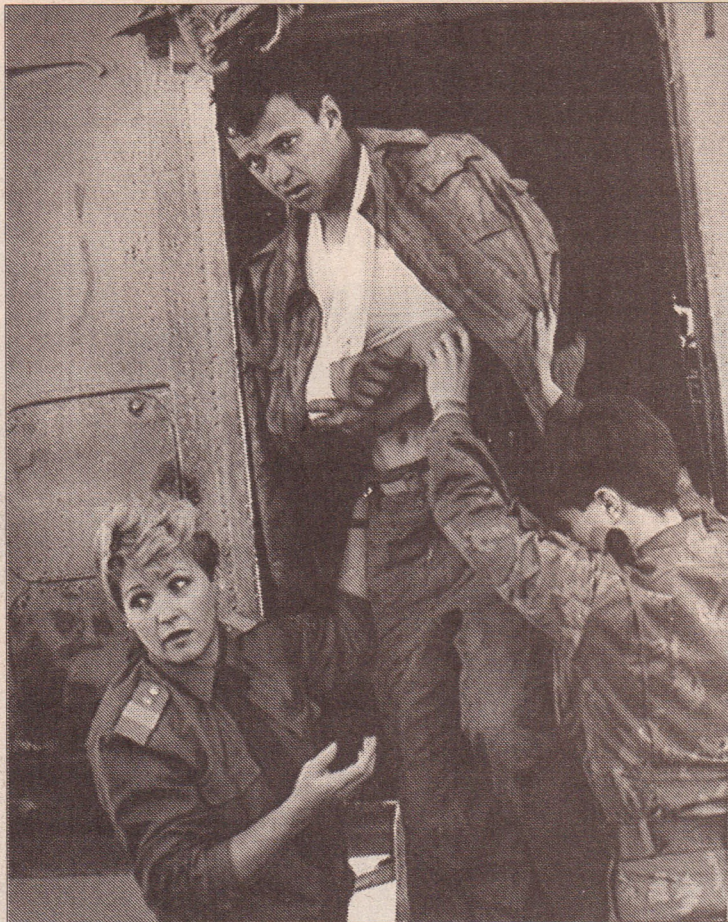
На этом же вертолете мы и полетели в Московский погранотряд.

Легкие снежинки и «дембель»

Средняя школа в Московском погранотряде — это пять-шесть очень чистых комнат, два учителя — парень и девушка и примерно 25 детей, поделенных на три класса. Мы молили Бога, чтобы утром, когда мы придем вручать детям подарки у елки, их было ровно 20 — именно столько у нас и было этих подарков. Я говорю все время «мы», хотя подарки-то на самом деле делал Николай Московченко как председатель «Щита». Елка, которую привезли и нарядили с утра пораньше, была хоть и искусственная, но великолепная, теперь уже и настоящую-то такую не найдешь! Дети были в восторге. Подарки оказались очень прагматичными: каждый получил целую кучу тетрадей, карандашей, ручек, фломастеров, ластиков, точилок, каких-то других весьма ценных для школьников штук. Учителя были рады не меньше! Среди прочих «мулек» были комплекты клеящихся на тетради и обложки ярких картиночек: машины, супермены, принцессы, диснеевские персонажи. Были там и изображения собак. Я видел, как одну наклейку с собакой, очень похожей на пограничную овчарку, меняли на три наклейки — две Барби и черешапку ниндзя, — что хотите: дети пограничников!

А накануне вечером, когда дети в клубе репетировали новогодний концерт, одна девочка прочитала стих, где говорилось, что вот, мол, мы, что-то такое, «легкие снежинки, летим, летим, летим», а потом были такие слова: «и тихо сядем рядом, такие же, как вы». Да нет, подумал я, совсем не такие же! Какие «такие же», когда дети рады карандашам, а учителя — тетрадкам? Какие «такие же», когда родители ваши мотаются по гарнизонам, заставам? То уходите, говорят им, то оставайтесь, и вечно у них, пограничников, то «один к пяти», то «плюс два» (а то все «плюс восемь»), то «один за два»...

Полностью довольным был в отряде, по-моему, только один человек — свежий «дембель». Русский, родом из Душанбе. Он был шикарен: по-

Таджикско—
афганская
граница.
Русская кровь

дембельски подшитый подворотничок, собранные в гармошку сапоги и, самое главное, — белые перчатки. Довольный службой, он сказал, что в армии многое понял, научился разбираться в людях и теперь умеет отличать хороших от плохих. В армии он вообще стал мужчиной, хотя трудности, сказал он, и у него были. Газет и журналов читать как-то не получалось, да и приходили они с трехмесячным опозданием, телевизор смотреть не очень-то успевал, да и работают они редко — сломаны. «В горах сидишь-сидишь, спускаешься, а чего делать? Остается — сон!» Об обстреле «Белого дома» они узнали только месяц спустя.

Вообще же пограничники были рады любым подаркам и вестям из России. Вот, подумал я, люди, которые, пожалуй, острее других понимают, что действительно где-то есть родина, Россия, которая, правда, не всегда о них помнит, но иногда хотя бы вспоминает. К тому же, встречаясь с этими людьми, чувствуешь, что работа журналиста хоть кому-то нужна, не то что в перекормленной прессой Москве: газеты и журналы, которые мы на заставы привезли, любые, разбирали моментально.

Плюс два. Что можно и чего нельзя в Таджикистане

Нельзя пытаться ехать в Душанбе без билета в троллейбусе, так как выходить нужно только через переднюю дверь, а там кондуктор.

Можно заплатить за проезд пять рублей (это старыми советскими деньгами, а российскими, значит, рубль!) и спокойно выйти.

Нельзя доставать на базаре российские деньги, так как сразу собирается толпа: «Российские деньги продаешь?». Если поломаться, то можно получить и по шесть рублей за один российский.

Один за два. Застава в горах

12-я погранзастава Московского пограничного отряда Группы пограничных войск Российской Федерации в Таджикистане (так полностью это все называется), которая была разгромлена в июле прошлого года, раньше находилась внизу, под горой, там тепло. Теперь — на высоте 1995 метров. Ветер такой, что через пять минут палец, высунутый из рукава куртки, становится, как протез, а глаза су-

*Дети
границы*

жаются до щелочек. В конце лета приезжал военный художник, пытался писать маслом, но ничего не получилось, вся картина покрылась слоем пыли — ветром нанесло. Все сооружения под землей. Недавно построили баню в каком-то вагончике-сарайчике.

Сейчас заставой командует Олег Буряков, старший лейтенант, 24 года, родом из Таганрога, окончил Московское пограничное училище. Не женат. Зарплату, а это около 350 тысяч рублей в месяц, только с ноября 1993-го стал получать российскими деньгами, а до этого давали старыми, советскими. За последние четыре месяца он только один раз на четыре дня оставил заставу — был в отряде на сборах.

Олег собрался в Москву, на награждение, поэтому с ним мы встретились, внизу, в отряде, на следующий день после боя в районе его заставы.

— Перед рассветом противник напал на пост КНБ (Комитет национальной безопасности Таджикистана), их окружили и с 30 метров, практически в упор, расстреляли из автоматов и гранатометов (моджахеды это оружие особенно любят, и наше, и китайское). Один погиб, остальные разбежались. Мы в ответ вели обстрел из боевых машин и тоже из гранатометов, потери у них тоже есть. А вообще «график обстрела» у нас выглядит примерно так: в октябре обстреливали каждый день, в ноябре — раза два в неделю, а вот в декабре — гораздо спокойней.

Июльские события на 12-й заставе стали для многих переломным момен-

том в понимании ситуации. Мы готовим и технику, и оружие, и кадры, и личный состав. Теперь это уже идет не по остаточному принципу, как раньше, когда колебались: выведут нас или не выведут. Сейчас решение принято: мы будем охранять границу Таджикистана. Вот мы и готовимся к тому, что в марте начнутся массовые боевые действия моджахедов. Что это будет так, легко можно определить: мы уже знаем характер их приготовлений, да и наши разведанные это подтверждают. Ну, например, они усиленно накапливают боеприпасы, продукты, для того, чтобы потом имели возможность действовать боевые группы — и по два-три человека, и более крупные. Конечно, это можно было бы увидеть и до июля! Но уроки Афганистана здесь, к сожалению, забыли, и многому приходится учиться снова.

А вообще-то мы, пограничники, впервые оказались в состоянии ведения боевых действий, обычно этим

занимается армия. Мы здесь теперь не столько охраняем границу по классическому варианту — ловим нарушителей, как нас учили, а ведем, еще раз говорю, боевые действия. И правильно некоторые начальники застав говорят, что теперь заставы охраняют практически сами себя, а нарушители свободно «гуляют» туда и сюда. Главная задача сейчас — не дать афганцам и таджикской оппозиции, которая находится на территории Афганистана, развязать крупномасштабные террористические акты, боевые

*Олег Буряков,
начальник 12-й
погранзаставы*

действия, втянуть местное население в войну.

С тех пор как я здесь, а это четыре месяца, слава Богу, с нашей стороны боевых потерь не было. Моя застава укомплектована россиянами процентов на двадцать: военнослужащими срочной службы и контрактниками. А остальные — это узбеки, которые проживают в Таджикистане, и, естественно, таджики.

— Что заставляет вас, человека молодого, в мирное время подставлять голову под пули?

— Каждый может сказать по-своему. Может быть, надо говорить только обо мне, Бурякове, начальнике 12-й заставы. Пока человек молод, он должен сам попробовать выбрать путь и пройти по нему сколько сможет. Я сам выбирал свою профессию, сознательно. Я знал, на что шел, я и получил это...

— Когда вы выбирали профессию, учились, этой войны не было...

— Мы: все — граждане государства,

а я к тому же военнотружующий. Мне сказали — Родина ли, государство ли, командир ли, как хотите, — сказали, что мое место здесь. А если я стану еще и выбирать или отказываться, мне уже перед самим собой будет противно, что смалодушничал, ушел.

— Но ведь многие уезжают отсюда...

— Это их дело. Я отвечаю за себя.

— Произошли ли в вас какие-то изменения за то время, которое вы здесь находитесь?

— Да... Говорят ведь, что война — дело грязное: кровь, грязь и пот... Становишься жестче, многое упрощается. А кое-что наоборот. Но шелуха с человека спадает... Открывается нечто в человеке — хорошее или плохое, о чем, может быть, он и не подозревал. То же самое можно сказать и о солдатах, с которыми я служу: и в плане воинской дисциплины, и проявления инициативы. Они или становятся лучше, или ломаются. По крайней мере, тем, кто служит в России, до моих далеко!

Года полтора еще повоюю здесь и, если буду живым и здоровым, пойду учиться, пока чувствую в себе способности и знания. Надо расти.

— Вы женаты?

— Пока я здесь служу, вряд ли я женюсь! Я же на 12-й заставе, там жить невозможно!

Плюс два. Что можно и чего нельзя в Таджикистане

Нельзя поселиться ни в какой гостинице: они как бы не работают. А все-таки поселившись, нельзя получить чистое белье: «У нас были бе-

Фельдшер Ира

женцы, они все белье разворовали, а кровати жгли», — говорит дежурная по этажу.

Можно, поселившись в гостинице, посмотреть, если есть такое желание, хоть четыре раза в день порнуху в «видеозале» (это вот и есть фундаментализм?) вместе с таджиками, вместе с ними же пить местную водку под интернациональные «сникерсы» по 5 тысяч, не пугайтесь, это на советские деньги!

Нельзя дозвониться из гостиницы до Москвы — нет автоматической связи. Но нельзя оттуда и заказать разговор: дежурная (ее власть велика!) говорит, что не знает номера своего телефона!

Можно все-таки получить в гостинице чистое белье, если заплатить российскими деньгами.

Астрал и промедол

Зато 15-я застава Московского полкранотряда расположена внизу, в тепле. Это как-то странно — из кишлака по ту сторону Пянджа можно запросто расстрелять ее из чего угодно, хоть из рогатки.

Там уже три месяца работает фельдшер Ира, ей 21 год, родилась она в Таджикистане. Она «русскоязычная», но прямо скажем, нетипичная: «Мать — осетинка, отец — русский. В паспорте написано: русская. Кто я?». Ее подруги и родители не знают, где она, думают, в самом худшем случае — в Кулябе.

В основном обращаются с ОРЗ, хотя вот недавно привезли одного молодого солдата-таджика, у него начались судороги. Оказалось, что у него была травма позвоночника, а его в военкомате обследовали плохо. Вот на нервной почве и начались припадки, четыре приступа за два дня. Именно столько он и прослужил на заставе. Отправили.

А вообще лечит она чем приходится, есть немного антибиотиков, в основном же — протившоковое, промедол. Она регулярно ездит и просит лекарства, но ей так же регулярно говорят, что ничего нет, хотя склады, считает она, полны. Зато в коммерческую сеть лекарства как-то попадают. Их просто разворовывают, таково ее мнение. Взять может и начальник склада, и врачи, хотя они и неплохие люди.

— О чем вы говорите с ребятами?

— О тонких мирах, астрале, йоге, религии. Их это интересует, мы даже эксперименты проводим. А всякие тонкие материи помогают ребятам жить.

Те таджики, которые служат, становятся не то чтобы цивилизованнее,

но как бы обрусевшими, многое узнают. Некоторые остаются на контракт. Все равно им проходить службу, но в таджикской армии служить надо три года, а тут — полтора.

— Как вам платят?

— За пять месяцев я еще ни разу не получала зарплату, я даже не знаю, сколько должна получать, и не интересуюсь.

— Почему? Некуда тратить?

— Я шла сюда не за деньгами. Просто хотела попасть на границу и попасть. Жаль людей, потому что... Это не их война. Они пешки в большой политической игре, а расплачиваются они.

— Сколько вы здесь пробудете? Что собираетесь делать дальше?

— Я человек не свободный. Может быть, сегодня отсюда снимут. В 1995 году собираюсь поступать в Ленинградскую военно-медицинскую академию, хочу стать хирургом.

— А чем вы занимаетесь кроме работы и астрала, что вам еще интересно?

— Ничего.

— Вот вы говорите, что людьми, как пешками, играют политические силы, вам об этих силах ничего не хотелось бы узнать?

— Нет, не хочу. Я сделала вывод, что объективное мнение, тем более из прессы, получить невозможно. Просто политикам дана в руки власть, а власть — это сила. Сначала было страшно: люди с автоматами были хозяевами. Человек с оружием в магазине брал все, что надо, и уходил. Или — приходит человек в больницу, ставит мне к виску автомат и говорит: «Если мой друг умрет, я тебя пристрелю!» Это страшно. Сначала страшно. Потом привыкаешь... Я помню, работала в гражданской больнице, когда вводили 201-ю дивизию.

Была, конечно, какая-то на чисто национальной почве давка, а потом они поняли, что русские-то много решают, хотя бы в той же больнице, они же специалисты! Само присутствие 201-й дивизии уже сказывается на отношении к русским — не трогают.

— Все больше русских уезжает, говорят, что нет смысла здесь жить.

— Я живу в 201-й дивизии, на заставе, здесь другие отношения.

— Что вам снится?

— Иногда летаю...

— О чем вы думаете, когда остаетесь одна?

— Пытаюсь разбираться в людях...

Пришел начальник заставы, сказал, что Иру забирают в 201-ю дивизию, ей надо собираться. Он жалел, что ее не будет. У него в первый раз на заставе был медработник.

Фото Г.Михеева и А.Галева
(Продолжение следует)

Первый официальный визит Билла Клинтона на российскую землю прошел, как говорится, по «полной программе»: нахлобучив русскую ушанку, 42-й президент США успел побродить по московским улицам, мимоходом заглянуть в столичные магазины, а заодно и пообщаться с трудовым людом. Сам факт пребывания в Москве американского руководителя, безусловно, обеспечил пристальное внимание к этому событию всего мира.

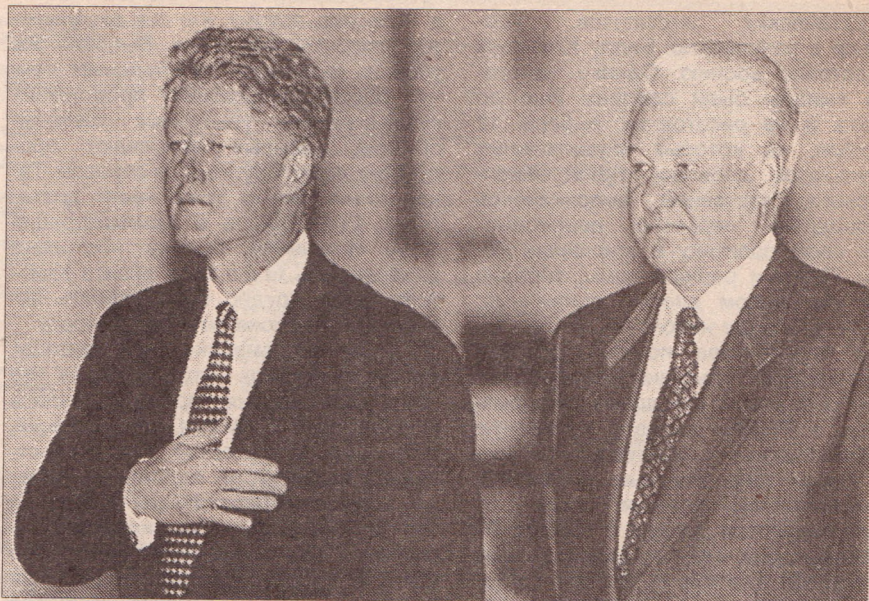

Фото ИТАР—ТАСС

Андрей СУРЖАНСКИЙ

«ХОРОШУЮ ФОРМУЛУ» ЕЩЕ ПРЕДСТОИТ НАПИСАТЬ

Чтобы ответить на вопрос, насколько удачными и продуктивными оказались российско-американские переговоры на высшем уровне, вероятно, следует исходить из того, какие цели изначально ставила перед собой каждая из сторон. Как заявляли накануне представители американской администрации, нынешний визит Билла Клинтона призван «оказать моральную поддержку Борису Ельцину, поощрить россиян к продолжению реформ, а также подтвердить обещания относительно предоставления Западом помощи России». С этой точки зрения администрация США может назвать визит определенно удавшимся: моральная поддержка действительно оказана, россияне поощрены (сколько в эти дни им пришлось услышать о себе приятного), а обещания о помощи розданы.

Более того, Белому дому удалось удачно разрешить «ядерный вопрос», который хотя и был отнесен на второй план в повестке дня переговоров, но, думается, имел для американцев высший приоритет. Однако достиг-

нутое в Москве соглашение между США, Россией и Украиной о ликвидации «жовто-блакитного» ядерного оружия многим представляется весьма туманным. Смущает непредсказуемая и жесткая позиция парламента этой республики и украинских националистов.

Позиция российской стороны была вполне предсказуемой и оригинальностью не отличалась: постараться получить обещанную помощь, а главное, как неоднократно подчеркивалось нашим президентом, убедить американцев в необходимости более активного экономического сотрудничества.

Многие американские специалисты отмечают, что компании США не решаются сегодня вкладывать крупные капиталы в российскую промышленность из-за нашей экономической и политической нестабильности. Какая из них представляет более серьезное препятствие такому сотрудничеству, сказать сложно.

Если взять экономическую сферу, то здесь российское правительство ведет отчаянную борьбу: падает про-

изводство, закрываются заводы, увеличивая армию безработных, наконец, как это ни печально, продолжается стремительный рост цен. После вancouverской встречи двух руководителей именно экономические вопросы оказались в центре внимания двусторонних отношений России и США. Как член большой «семерки», США до сих пор выступали самым активным поборником экономических преобразований в России и оказания ей в этих целях финансовой помощи. В Ванкувере США взяли на себя обязательство выделить на различные программы двусторонней помощи России 1,6 миллиарда долларов. Кроме того, Билл Клинтон обратился к конгрессу с просьбой о выделении дополнительно 2,5 миллиарда долларов.

Свой первый официальный визит в Россию Билл Клинтон нанес ровно через месяц после выборов в Государственную Думу и голосования по проекту Конституции. Администрация США не раз заявляла о том, что рассматривает эти выборы как важный этап на пути к созданию прочных де-

мократических институтов. Убедиться в результатах Биллу Клинтону предстояло воочию. Однако некоторые выводы были сделаны еще до визита и на расстоянии: выборы 12 декабря, на которых внушительных результатов добилась ЛДПР Жириновского, заставили американское руководство серьезно переосмыслить свою политику в отношении России. Путчи и референдумы, ставшие для нас делом вполне привычным, уже и на Западе никого не пугали. Однако перспектива получить крайне радикальную ультранационалистическую оппозицию нынешним реформаторам в России вызвала серьезную озабоченность в политических кругах Вашингтона. Впервые заговорили о недостаточной помощи России и об ответственности Запада в поражении реформаторов. Так что Жириновский, заявивший, что «он их на уши поставил», кое в чем оказался прав.

Наиболее характерной стала реакция вице-президента США Альберта Гора, обвинившего Международный валютный фонд и Всемирный банк в том, что они вынуждают Москву идти на такие шаги по направлению к рыночной экономике, которые оказались слишком тяжелыми для россиян. Он возложил на эти две международные финансовые организации ответственность и за то, что они воздерживаются от оказания помощи в тех случаях, когда не выполняются поставленные ими цели. А это прежде всего — обуздание инфляции и сокращение бюджетного дефицита. По мнению Гора, нужно сбавить темп реформ и обратить внимание на программы социального обеспечения населения. Кстати, сочетание «социальное обеспечение» стало после российских выборов наиболее употребимым в комментариях американских политологов.

Гора поддержал и другой высокопоставленный представитель администрации Клинтона, специальный посол по особым поручениям Струоб Тэлботт, которому журналисты приписывают широко разошедшуюся фразу: «России нужно меньше шока и больше терапии». При этом он заверил, что впредь международная помощь России будет «своевременной и значительной».

Однако в самой администрации, судя по всему, нет полного согласия по этому вопросу. Так, министр финансов США Ллойд Бентсен, сопровождавший Клинтона во время его московского визита, поддержал позицию МВФ в вопросе предоставления помощи России. Министр убежден, что правительство России сталкивается с серьезными трудностями не потому, что реформы идут слишком быстро,

а, напротив, потому, что они развиваются слишком медленно. Высокий же уровень инфляции он объясняет тем, что российский кабинет продолжает субсидировать убыточные госпредприятия, которые выпускают продукцию, не пользующуюся спросом. Такая точка зрения тоже имеет достаточное сторонников в администрации США. И мнения, похоже, настолько разделились, что в ходе визита Клинтона очень трудно было уловить позицию Вашингтона по этому вопросу.

Говоря об американской помощи, следует сказать, что большая ее часть до сих пор предоставлялась Москве либо в форме консультаций, либо шла в качестве правительственных гарантий на поддержку своих же компаний, работающих в России. Это признают сами американские эксперты. Как отмечает профессор Центра русских исследований при Гарвардском университете Маршалл Голдман, конкретные проекты, которые бы убедили россиян в том, что реформы действительно ведут к улучшению жизни, оставались пока на втором плане.

При этом, правда, сразу следует исключить какие бы то ни было альтернативные мотивы в стремлении США помочь России. Надо помнить, что Соединенные Штаты прежде всего преследуют свои собственные интересы. Было бы странным, если бы американцы бросили все усилия на оказание поддержки стране, которая в силу своих геополитических интересов всегда была и будет оставаться ее главным соперником. Еще раз подчеркнем: именно соперником, а не противником. (Насколько ревностно Вашингтон защищает свои экономические интересы, мы помним по печально известной сделке на поставку в Индию российских криогенных двигателей.) Главная корысть Вашингтона сводится к следующему: хаос в России — это угроза безопасности всего мира, в том числе и его безопасности.

Но слово «помощь» звучит не слишком гордо. Гораздо больше греет душу термин «взаимовыгодное сотрудничество». Поэтому впервые из уст президента во всеуслышание прозвучали слова о том, что Россия отныне не будет рассчитывать на прямую социальную помощь. Если США стремятся к взаимовыгодному сотрудничеству, то они должны открыть свой рынок для российских товаров и технологий, а также снять торговые ограничения. Уже в ходе переговоров был достигнут некоторый прогресс: стало известно, что снимаются ограничения почти на 4400 видов российских товаров. Кроме того, США поддержали вступление России в

ГАТТ. Отечественные специалисты подчеркивают, что речь в данном случае следует вести прежде всего о производственных товарах, а не о сырьевом бартере. Подписанное двумя сторонами соглашение о продаже Соединенным Штатам высокообогащенного российского урана — вещь, конечно, хорошая, но дальновидные люди делают ставку на подъем отечественного производства, без которого восстановление российской экономики невозможно.

Если говорить о конкретных проектах, то здесь еще предстоит большая работа. Наиболее существенным ее результатом могли бы стать крупные совместные производства. Правительством США подписаны документы, обязывающие американскую Корпорацию частных капиталовложений за границей предоставлять кредитные гарантии и страховку от политического риска компаниям «Паккард» и «Катерпиллар». Эти две крупнейшие американские компании объявили о своем желании участвовать совместно с российским производственным объединением «ЗИЛ» в создании новых тяжелых грузовиков. На нынешних переговорах эта тема не затрагивалась, и все же Билл Клинтон пообещал направить в марте нынешнего года в Россию миссию во главе с министром торговли США, в которую войдут президенты больших компаний.

Еще одним пунктом российско-американских переговоров, который нельзя назвать рядовым, стало обсуждение американской инициативы «Партнерство во имя мира». Как известно, она предусматривает расширение НАТО за счет ряда восточноевропейских государств, являвшихся ранее членами Варшавского Договора, и стран Балтии. Безусловно, США заинтересованы в усилении Североатлантического альянса, видя в этом гарантию безопасности Европы. Вместе с тем Белый дом понимает, что перенос к Востоку военных реактив может вызвать негативную реакцию Кремля. В качестве компромисса Москве было предложено партнерство в этой программе, и Борис Ельцин назвал выдвинутое предложение «хорошей формулой». Однако в этом случае роль НАТО станет несколько расплывчатой: при создании любого военно-политического блока предусматривается потенциальный противник, и этим противником в свое время был СССР, а затем его «правопреемница» Россия.

Что ж, российско-американский саммит оставил еще много вопросов, и на их решении в определенной степени скажутся те политические процессы, которые сегодня происходят в России.

Раньше говорили, что все пути ведут в Рим, сегодня пути делового человека, желающего хорошо работать и хорошо зарабатывать, ведут в корпорацию «Галактик».

Крупная Международная Акционерная холдинговая финансовая корпорация «Галактик», хорошо известная в нашей стране и за рубежом, объявляет конкурс на замещение вакантных должностей:

1. Председателя правления Акционерного коммерческого банка;
2. Генерального директора Акционерной финансовой компании;
3. Генерального директора Страховой акционерной компании;
4. Генерального директора Акционерной юридической компании;
5. Генерального директора инвестиционного фонда;
6. Генерального директора электронной (компьютерной) биржи;
7. Генерального директора Акционерной трастовой компании;
8. Генерального директора Акционерного торгового дома;
9. Генерального директора Акционерного магазина недвижимости;
10. Генерального директора Акционерного издательского дома;
11. Генерального директора Акционерной рекламной компании;
12. Генерального директора Акционерного международного информационного агентства;
13. Генерального директора Акционерного бюро переводов;
14. Генерального директора Акционерной аудиторской фирмы;
15. Генерального директора Нотариальной фирмы;
16. Генерального директора Акционерной транспортной компании;
17. Генерального директора Акционерной туристической компании;
18. Генерального директора «Бизнес-школы»;
19. Генерального директора коммерческого детского сада;
20. Генерального директора яхт-клуба;
21. Генерального директора Акционерного дома моделей;
22. Генерального директора Акционерной шоу-компании;
23. Генерального директора Акционерного коммерческого кафе;
24. Генерального директора Акционерной компании по общественному питанию;
25. Генерального директора Акционерной компании по сельскому хозяйству;
26. Генерального директора службы безопасности корпорации;
27. Генерального директора Акционерной компании по медицинскому обслуживанию;
28. Управляющего Коммерческим банком;
29. Главного редактора детского ежемесячного бизнес-журнала;
30. Коммерческого директора детского ежемесячного бизнес-журнала;
31. Главного редактора коммерческого ежемесячного журнала;
32. Коммерческого директора коммерческого ежемесячного журнала;
33. Главного редактора коммерческой газеты;
34. Коммерческого директора коммерческой газеты;
35. Директора департамента социально-бытового обслуживания сотрудников корпорации;
36. Организатора работы с бойскаутами;
37. Пресс-секретаря (секретарь по связям с общественностью);
38. Психолога;
39. Начальника автотранспортного хозяйства;
40. Начальника департамента благотворительности;
41. Начальников департаментов и отделов рекламы и маркетинга структур корпорации;
42. Режиссеров театра, кино, эстрады;
43. Телевизионных ведущих, журналистов;
44. Фотомоделей (мужчин и женщин любого возраста);

45. Художников;
46. Авторов радио- и телепередач;
47. Актёров любого жанра;
48. Фотографа;
49. Видеооператора;
50. Фитодизайнера;
51. Дизайнеров по интерьеру;
52. Архитектора-ландшафтника;
53. Рекламных агентов;
54. Сотрудников финансово-кредитного департамента;
55. Главных бухгалтеров;
56. Экономистов, плановиков;
57. Финансистов;
58. Банковских операционистов;
59. Инкассаторов;
60. Брокеров;
61. Юристов, адвокатов, нотариусов;
62. Секретарей-референтов;
63. Начальника службы таможенных операций;
64. Начальника службы озеленения;
65. Организаторов производства сувениров;
66. Организатора создания музея корпорации;
67. Сотрудников службы безопасности и охраны;
68. Переводчиков;
69. Организаторов деревообрабатывающего производства;
70. Организаторов швейного производства;
71. Организаторов производства строительных материалов;
72. Шоферов на легковые, грузовые и специальные автомашины;
73. Рабочих всех строительных специальностей;
74. Каменщиков (срочно);
75. Машинистку;
76. Помощницу по хозяйству, умеющую готовить;
77. Уборщицу.

Для участия в конкурсе Вам необходимо в течение 15 дней с момента публикации этого объявления срочно выслать по адресу: 103050, Москва, а/я 140 следующие материалы:

1. Заявление с указанием выбранной специальности;
2. Копии документов об образовании (если имеется);
3. Копию трудовой книжки;
4. Личный листок по учету кадров;
5. Одну фотографию 3х4;
6. Автобиографию;
7. Концепцию своего видения работы или развития дела (для всех кандидатур, кроме позиций 72—77).

Справки по телефонам: 925-46-46, 279-22-08.

Желаем Вам удачи!

**Мы будем рады не только маститым специалистам,
но и начинающим!**

Торопитесь! Свято место пусто не бывает!

Правительство Москвы

Корпорация «Медицина для Вас»,
А/О «Экспоцентр»

Проводит с 21 марта 1994 г. в Выставочном центре на
Краснопресненской набережной Первую Народную Выставку

МЕДИЦИНА ДЛЯ ВАС

(095) 255-00-06

На выставке:

- прием лучших врачей, народных целителей, экстрасенсов;
- лечение и диагностика — **БЕСПЛАТНО**;
- **ДЕШЕВО** продаются лекарства и травы;
- медтехника для каждого;
- медицинское страхование;
- товары для семьи;
- диетпитание;
- эстрадное шоу с участием звезд;
- и еще мно-ого интересного.

**При финансовой поддержке
Торгового дома «Медицина для Вас»**

Вся прибыль от выставки будет
направлена на развитие
материально-технической базы
московского здравоохранения

За российских участников
платят иностранные

Благодаря организаторам и спонсорам ВСЕ ОЧЕНЬ ДЕШЕВО!

ГОРЬКО! Потому что сахар нынче дорог

«Осторожно: белая смерть» — грозно предупреждали когда-то диетологи, относя устрашающий эпитет то к сахару, то к соли. Народ, впрочем, не особенно тугался. А что касается сахара, то лучшим «профилактическим средством» оказались не медицинские призывы, а его дефицит и цена, которая за последние годы возросла более чем в 600 раз. Так что привычка к сахаровоздержанию пришла сама собой, безо всякой моды. Еще в бывшем СССР.

Надо сказать, что для России сахар всегда был товаром как бы «колониальным», поскольку собственной сахарной свеклы для его производства (как и много другого) у нас не хватало и не хватает. А как же, спрашивается, северная Финляндия, которая вопреки географии еще недавно поставляла в СССР фруктозу? Ее пример и вселяет надежду в младорыночные души: уж когда-нибудь сахару (по приемлемым ценам, разумеется) будет вдоволь... Только когда?

Россия к концу 80-х годов обеспечивала себя сахаром на 30—40 процентов, потребляя ежегодно 7—7,5 млн тонн. Остальное привозилось с Украины (2,8—3,3 млн тонн белого сахара) и импортировалось с Кубы (2—2,5 млн

тонн сахара-сырца). В 1987—1990 гг. россияне потребляли ежегодно 45—50 кг «белой смерти» на живую душу, что значительно превышало рекомендованную норму в 38 кг и аналогичные показатели в США, Франции, Нидерландах и т.д. Такими суперсластенами нас делало отсутствие в продаже сахарозаменителей типа глюкозно-фруктозных сиропов, патоки и прочего (для примера: в США на их долю приходится около половины производства сахаропродуктов) и традиционная, увы, несбалансированность нашего питания.

Ныне Украина производит сахара почти вдвое меньше, чем прежде, и предлагает его по ценам выше мировых. На Кубе тоже спад — с 7 до 4,2 млн тонн. Не приходится рас-

считывать и на импорт из Индии. Остается, как говаривали в известные времена, опора на собственные силы. Но велики ли они?

Уже полтора — два года назад Россия могла увеличить самообеспечение сахаром до 45—47 процентов, даже сохранив его производство на уровне 1986—1990 годов. Однако производство резко снизилось. Упало при этом и потребление, достигнув в 1992 году 38 кг на человека. Но это среднестатистический показатель, а реально наш народ потребляет сахар, так сказать, неравномерно: это зависит от региона, от социального положения людей, от ввоза и вывоза, наконец, от давней народной традиции — самогонварения. Даже при быстром росте цен на сахар экономическая эффективность этого промысла остается более чем заманчивой и рентабельностью «труда» по-прежнему может вызвать зависть у всяких там «смирновых», «кристаллов» и прочих грандов алкогольной индустрии.

Разумеется, производство сахара в том или ином регионе еще не определяет уровень его потребления — из-за «ножниц» между ценой и платежеспособностью населения. А там, где сахар не производят, он охотно принимается местными предприятиями в обмен на свою продукцию.

Что же нужно, чтобы сахара было больше? Больше свеклы, скажете вы, и будете правы, но только отчасти. Нужно уметь собрать урожай, сохранить его и эффективно переработать. А наши урожаи (175 центнеров с гектара, в среднем по России) куда ниже мировых. В США, например, собирают до 450 центнеров, в Венгрии, Дании, Италии, Франции — более 500, а в Бельгии и Финляндии — около 600 центнеров. При этом в России сокращаются площади, отведенные под свеклу, и именно в тех регионах, где условия для нее благоприятны. Хотя нет худа без добра — высокая цена на сахар способствует некоторому увеличению посевов свеклы в местах, ранее к ней равнодушных, так что рынок как-то начинает работать. Правда, рынок пока получается диким: цены на оборудование, запчасти, горючее выросли неимоверно (буртоуладчик, к примеру, стоил 3 тыс. рублей, теперь — 30 млн!), перерабатывающие

заводы тоже выкручивают руки крестьянам, диктуя свои условия. А потери при хранении и переработке свеклы достигают 25—30 процентов. Чтобы все это компенсировать, никакими урожаями не хватит.

Теперь посмотрим, что делается на перерабатывающих предприятиях. Их технический уровень — день позавчерашний. Достаточно сказать, что переработка свеклы занимает у нас 130—140, а то и 160 дней, тогда как в западных странах — 30—40. Это не просто календарные сроки: пока свекла томится в ожидании, у нее вдвое снижается сахаристость (которая, к слову, и так меньше, чем в других странах). Чтобы было понятнее — в масштабах России это равнозначно потере 200 тысяч тонн сахара в год. Еще столько же теряется из-за того, что выход сахара на наших предприятиях на 17—20 процентов ниже, чем при современных технологиях.

Короче говоря, технологически приблизив российские заводы к мировому уровню, мы смогли бы решить наши проблемы с сахаром. Стоит помнить и о том, что на свекле свет клином не сошелся — сахарные продукты получают из земляной груши, арбузов и дынь, из сахарного сорго и даже из цикория, причем, все это рентабельно. А мы уже 25 лет внедряем такой отличный заменитель, как «желтый» сахар.

Конечно, в ближайшие годы России не обойтись без сахарного импорта — не скоро еще фермеры дадут вдоволь свеклы, не скоро ветхие заводы смогут стать современными предприятиями, да и новые надо строить, поскольку большинство из них теперь за границей, на Украине. А самое главное — на все это нужны деньги, нужна государственная программа. Коли нет средств у правительства, пусть их вкладывают отечественные и западные бизнесмены: готовый продукт-то нынче дорог, всегда обеспечен спрос, а значит, и выгода. Государство же должно «заманить» инвесторов налоговыми и иными льготами, все это окупится.

Борис ЛАГУТЕНКО,
кандидат экономических наук,
Владимир СТЕПЕНЕВ,
кандидат сельскохозяйственных наук

Фотоколлаж В. Шишова

НА ВКУС ЛЮБОГО ПОКУПАТЕЛЯ

Телевизоры, видеомагнитофоны, плееры, магнитофоны, музыкальные центры с маркой «JVC» пользуются огромной популярностью во всем мире. А где дешевле всего может купить аппаратуру мирового уровня российский потребитель? Чтобы ответить на этот вопрос, мы исследовали предложения частных фирм, занимающихся продажей импортной видеоаппаратуры. Анализ показал, что за последние шесть месяцев наиболее низкими (на 10—15 процентов ниже, чем в среднем по Москве) были цены в московской фирме «МОРТИ» — официальном представителе европейского отделения «JVC» — фирмы-производителя аудио- и видеотехники.

— Дело в том, что фирма «МОРТИ» делает ставку на быстрый оборот средств и реализацию товара по низким ценам, — раскрыл «секрет фирмы» Сергей КУМΠΑИ. Мы продаем не только технику «JVC», но и бытовую технику ведущих европейских фирм, а также сопутствующие изделия из итальянской пластмассы для дома и офисов, сигареты отечественного и импортного производства в широком ассортименте. Так что многим есть смысл заглянуть в гости к «МОРТИ». Весь спектр наших товаров постоянно представлен в павильоне «Вычислительная техника» на бывшей ВДНХ. Мы предлагаем нашим клиентам бесплатные услуги по гарантийному обслуживанию. Хотя я не помню ни одного случая рекламации. Фирма «МОРТИ» проводит лотерею для обладателей гарантийных талонов, их ожидают крупные выигрыши.

Игорь ГЛАГОЛЕВ

Контактные телефоны в Москве:

195-21-03 (факс), 940-06-76.

Публикуется на правах рекламы

Быть стройным и здоровым
поможет Вам

ГЕРБАЛАЙФ

— трава жизни

Используя американский экологически чистый продукт питания на основе трав всех континентов, Вы сможете избавиться от лишнего веса, нормализовать давление, прекрасно выглядеть, быть энергичным и бодрым. Об эффективности ГЕРБАЛАЙФА читайте в журнале «Столица» № 43, 1993, стр. 61.

Объявление — талон на льготную покупку. Инвалидам и пенсионерам — скидка 5%.

Проводим обучение
и квалифицируем дистрибьюторов.

НОМЕРА ТЕЛЕФОНОВ И ФАКСОВ ОРГКОМИТЕТА
АССОЦИАЦИИ НЕЗАВИСИМЫХ РАСПРОСТРАНТЕЛЕЙ
ГЕРБАЛАЙФА — 245-59-56, 245-40-72.

АДРЕС: МОСКВА,

УЛ. КООПЕРАТИВНАЯ, 10, РЯДОМ СО
СТАНЦИЕЙ МЕТРО «СПОРТИВНАЯ».

Часы работы: с 10.00 до 18.00.
Ежедневно, кроме воскресенья.

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

КОЛЬЕ НА УЖИН,

на завтрак — пара сережек, в обед — браслеты под соусом... Примерно так можно представить меню работников Кусинского завода точных технических камней, что в Челябинской области. По сообщению агентства ЕАН, в связи с отсутствием наличности зарплату на предприятии стали выдавать собственной продукцией — ювелирными украшениями или товарами, полученными по бартеру. Но пока, слава Богу, желудочные расстройства мастерам алмазных граней не грозят: заезжие южане охотно меняют кусинскую «зарплату» на вполне съедобные продукты.

РЮМКУ УКСУСА? С УДОВОЛЬСТВИЕМ!

А вот агентство «ВЕТТА» рассказало другую гастрономическую историю. В славный город Пермь прибыл из Тбилиси вагон винного уксуса, весьма дефицитного в здешних краях. Но местных таможенников удивило не количество дефицита, а то, что вместо уксуса, означенного в документах, вагон был заполнен бутылками с коньяком. По-настоящему это тоже товар не из последних, но за поставку коньяка надо платить акцизный налог, а за уксус, даже винный, — не надо. Поэтому, видимо, и решили тбилисские поставщики сэкономить. А в итоге попали под конфискацию груза.

УВАЖАЕМЫЕ МОСКОВСКИЕ ЧИТАТЕЛИ «СТОЛИЦЫ»!

Если вы имеете возможность приезжать за нашим журналом в редакцию, мы подпишем вас на первое полугодие 1994 года по льготной цене:
3900 рублей (на полгода),
1950 рублей (на квартал),
650 рублей (на один месяц).
Подписку можно оформить в редакции по адресу: Петровка, 22, комн. № 610.
Справки по телефону: 928-27-69

МЫ
БЛИЖЕ,
ЧЕМ
ШВЕЙЦАРИЯ

РИГА

ул. Смилшу, 3, центральный офис
ул. Валдемара, 8, отделение «Валдемара»
ул. Валдемара, 1Б, отделение «Цитадель»

Кодированные счета тел. (0132) 331970
325208
322539

Наличная валюта за
безналичную; 222291
доставка клиенту 325220
тел./факс 222464

Покупка-продажа СКВ за 213768
российские рубли 223378
321341
тел./факс 221385

Факс-автоматы (0132) 215201
224576
телекс 161207 PAREX SU
телетайп 161493 BNK

Дмитрий БЕЛОВ

Рис. Е.Виноградовой

К человеку приходит сосед и просит одолжить ему на несколько лет крупную сумму денег. Получив исконое, он твердо обещает вернуть долг в срок и на оговоренных условиях. Но когда приходит пора расплачиваться, сосед занимает агрессивную позицию: за это время, мол, у меня родилось пятеро детей, кормить их нечем, так что ты уж, браток, подожди, может, когда-нибудь деньги у меня и появятся...

Чью сторону вы займете в этом житейском конфликте? Наверное, не плодового соседа. Хотя, при всех оговорках и условностях, «позиция соседа», раздутая до мировых масштабов, долгое время навязывалась нам советской пропагандой. Речь идет о проблеме внешнего долга, проблеме, которая занимает умы миллионов людей и которой посвящены тысячи очень умных книжек. Вот заглавия только нескольких из них, вышедших из-под пера советских авторов: «В долговой петле неокolonизаторов», «Современный механизм финансовой эксплуатации», «В

сетях финансовой зависимости»... Рассматривая внешнюю задолженность исключительно сквозь призму «борьбы с империализмом», наши идеологи нередко предлагали развивающимся странам выход, сформулированный в старой русской поговорке: «Есть долг, не спорю, отдам не скоро; а станешь докучать, и вовек не видать». До воплощения этой формулы на практике дело, правда, доходило редко: средства для развития экономики многим государствам брать неоткуда, кроме как у финансовых организаций Запада. Последние, кстати говоря, отнюдь не ангелы: и проценты берут немаленькие — хотя имеют выгоду от предоставления кредитов, а уж терять вложенные средства — ну никак не желают. Потому и «докучают», тем паче (повторюсь), что спрос на их услуги по-прежнему высок.

На начало 90-х годов общая сумма внешней задолженности развивающихся стран вплотную приблизилась к отметке 1400 миллиардов долларов. До такой цифры (которую, заметим, довольно трудно себе представить) она поднялась со смешных 60 миллиардов долларов в 1970 году под влиянием многих факторов: увеличения цен на сырье, замедления темпов развития внешней торговли, осложнения экономической ситуации в целом. Впрочем, корень долговой проблемы как таковой не в этом, а в непроизводительном использовании властями предоставляемых им кредитов. Средства разбазаривали еще те правительства, которые были у власти лет пятнадцать—двадцать назад. Сегодня займы не очень-то и потражишь: уже в прошлом десятилетии до 80 процентов новых кредитов, предоставленных многим крупнейшим должникам третьего мира, пошло исключительно на выплату процентов по старой задолженности.

Сказать, что долги — головная боль руководства десятков стран, это ничего не сказать. У многих развивающихся государств выплата процентов и непосредственно долгов — тех, по которым подходят сроки, — забирает более трети всех экспорт-

ных поступлений. Это, в свою очередь, существенно ограничивает возможности их импорта, практически единственным источником финансирования которого являются доходы от экспорта. А ведь в беднейших странах из-за неразвитости или даже полного отсутствия отраслей тяжелой промышленности индустриализация осуществляется именно на основе импорта — машин, станков, оборудова-

На встречных курсах

До какого-то момента интерес к проблеме у нас был, пожалуй, чисто познавательным. Информация о внешней задолженности СССР, появившаяся в «постзастойные» годы, явилась для подавляющего большинства людей откровением. Сегодня для кого уже не секрет, что долг России Западу составляет более 80 миллиардов долларов. Только в 1992 году финансовые инъекции извне в экономику нашей страны в сумме превысили 20 миллиардов долларов. С одной стороны, это вроде бы логично: проведение столь кардинальных реформ требует мощного финансового «прикрытия». С другой, и у самих кредиторов, и у мало-мальски интересующихся экономикой граждан России возникает вопрос: а не уходят ли эти деньги в песок? Эффективность структур, которые распределяют западные капиталы, вызывает большие сомнения. И, наконец, известно, что разовые обращения к иностранным займам легко трансформируются в привычку ориентироваться на влияния капитала из-за границы. Слава Богу, отказываться от долга Россия не собирается. Как писал бывший министр финансов Б.Федоров, «...появились безответственные заявления о желательности списания долгов, то есть фактически признания за Россией статуса беспомощного государства «третьего мира». С этим нельзя согласиться...». Тут я с Федоровым абсолютно солидарен, но продолжим цитату: «...тем более, что отказ от платежей по долгам равнозначен прекращению новых кредитов и инвестиций». Что же получается: мы соглашаемся выполнять свои обязательства по долгу в основном («тем более») для того, чтобы брать новые кредиты?

Для их получения, кстати, необходимо выполнять немало условий. Первая половина (1,5 млрд долл.) так называемого кредита системных преобразований, предназначенного для преодоления трудностей переходного периода, была получена от МВФ в июне текущего года после заявления правительства и Центрального банка

об ужесточении валютно-финансовой политики. Продолжавшееся ухудшение экономической ситуации в России привело к тому, что в сентябре в Москве побывала делегация МВФ, выводы которой были неутешительны: в условиях, когда правительство допускает большое количество ошибок в области финансов и экономики в целом, а также политической нестабильности предоставление России второй половины кредита откладывается на неопределенный срок. В дальнейшем, однако, возможно, в связи с тем, что вопрос о политической нестабильности был неожиданно быстро снят с повестки дня (по крайней мере, на время), МВФ свою позицию пересмотрел. Недавно появились сообщения о том, что в январе предполагается достичь соглашения между этой организацией и правительством России о предоставлении нам второй части кредита. Важной составляющей соглашения будут обязательства Москвы снизить инфляцию и дефицит госбюджета к декабрю 1994 года до уровня менее пяти процентов. Одновременно власти планируют активно стимулировать экспорт и прекратить стимулировать импорт.

Ну что ж, если для реализации таких в наших условиях в целом-то естественных мероприятий непременно нужен стимул в виде маячащего на горизонте кредита, то обращение нашего правительства за помощью к МВФ можно только приветствовать.

Пока же платежеспособность России расценивается экспертами как невысокая. Не видно перспектив не то что сокращения долга, но даже просто поддержания его на нынешнем уровне. И самое главное — навстречу иностранному кредиту бежит капитал из самой России: отток финансовых средств намного превышает их приток из-за границы.

Национальная традиция?

Пусть и слабым, но все-таки утешением для нас может служить тот факт, что в истории России уже были периоды, когда внешний долг, скажем так, выходил за разумные пределы. Если обратиться к дням минувшим, то мы увидим, что со второй половины XVIII века — периода царствования Екатерины, когда первые русские займы были сделаны у частных банковских фирм Амстердама и Генуи, и до начала 90-х годов прошлого столетия внешняя задолженность России росла относительно медленно. В 1892 году ее размер составил примерно полтора миллиарда рублей. Превышение экспорта над импортом было

достаточно велико, чтобы не только вовремя выплачивать проценты, но даже и несколько сокращать долг. К сожалению, затем целый ряд причин, среди которых последовавшие один за другим несколько неурожайных лет, падение цен на зерно на мировом рынке, военные расходы, необходимость проведения экономических реформ и преобразования денежной системы, привели к его «обвальному» росту. Уже в 1906 году один немецкий ученый пишет, что «никогда еще в истории Земли ни одна страна не имела столь громадной внешней задолженности, как Россия». Мы не могли выполнять свои внешние обязательства без того, чтобы не прибегать к новым займам (исключения — рекордно урожайные годы). После некоторой стабилизации на уровне четырех миллиардов рублей долг опять пополз вверх в начале 1910-х годов. Еще до вступления России в первую мировую войну ситуация была критической; за военные же годы внешняя задолженность возросла еще более чем в два раза.

Как известно, пришедшие к власти в 1917 году большевики решили проблему незамысловато: согласно декрету ВЦИК от 21 января 1918 года, все государственные долги как царского, так и Временного правительства были аннулированы «при сохранении интересов мелких держателей государственных бумаг». Такой вариант применительно к проблемам нынешним мы рассматривать не будем (а заодно опустим все нюансы попыток урегулирования «царской» задолженности в советский период). Обратимся к более близкому нам — и по времени, и по методам — опыту зарубежных стран.

У долга и век долгов

Честно говоря, несмотря на широкие дискуссии, надо признать, что проблема внешней задолженности не решена и поныне. Речь может идти всего лишь о смягчении ее остроты; рассчитывать же всерьез на оплату большей части долгов пока не приходится. Вынырнуть из «долговорота», разорвав порочный круг (нехватка собственных средств вынуждает выходить на рынок ссудных капиталов не столько для финансирования национального развития, сколько для выплаты процентов по уже имеющемуся долгу), можно, конечно, при помощи переоформления задолженности. Такое переоформление — читай, продление сроков погашения займов — явилось ответом на участвовавшие случаи временных мораториев развивающихся стран на выплату своих долгов. Правда, помимо известных

льгот западные банки резко ограничили таким государствам доступ к новым кредитам. Россия, по сути, уже идет по этому пути, который никоим образом нельзя назвать приемлемым.

Я не призываю кидаться в другую крайность и в ущерб всему и вся сокращать долг. Такие примеры история, в том числе и недавняя, знает. Все мы помним, как подобный эксперимент не вытерпели румыны, решившие, что лучше жить с долгами, но без экспериментатора Чаушеску.

А вот у стран латиноамериканского региона, где за последние годы объемом долга стабилизировался, снизилась острота отношений между кредиторами и должниками, не грех и поучиться. Заслуживают внимания, в частности, следующие операции: в обмен на разрешение участвовать в приватизации того или иного предприятия иностранная фирма выкупает часть долговых обязательств данной страны. В Аргентине продажа зарубежным приватизаторам акций только двух государственных компаний — авиационной и телефонной — позволила уменьшить внешнюю задолженность на 7 миллиардов долларов. Заметим, что подобные сделки препятствуют (или, точнее, не способствуют) росту инфляции: не происходит существенного увеличения денежной массы на внутреннем рынке, так как часть уплаченной за покупку суммы уходит кредиторам за границу.

Нет необходимости говорить, что увязка урегулирования внешних обязательств с программой приватизации более чем актуальна для России.

Очевидно, что проблема внешнего долга при всей ее важности все-таки не первична. Она является производной экономической ситуации в целом. Если экономика страны на подъеме, если серьезные инвесторы не боятся вкладывать в нее свои капиталы, то и вопрос о задолженности отступает на второй план. Это относится к большинству промышленно развитых государств, азиатским «тиграм»... Если же, наоборот, хозяйство лихорадит, происходит массовое бегство капитала из страны — всеми возможными и невозможными путями, то долг становится притчей во языцех.

Для страны с нормальной экономикой сумма, которую уже сегодня каждый житель России, включая новорожденных и стариков, должен иностранным банкам — примерно пятьсот долларов, — не выглядит шокирующей: ее можно заработать максимум за месяц. У нас она близка к средней по стране зарплате за год. Что-то будет завтра...

ТРУДНО НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКУ В РОССИИ...

Налоговая система, верой и правдой служившая централизованной государственной экономике, в сегодняшних условиях оказалась откровенно непригодной.

Она душит производителей, стимулирует ресурсопожирающие технологии, подстегивает инфляцию. О путях реформирования налоговой системы России и шла речь на конференции, прошедшей недавно в Москве. Собравшиеся на ней специалисты обсуждали несколько вариантов изменения налоговой политики.

Ф.ХАРИСОН, директор Центра стимулирующего налогообложения (Лондон):

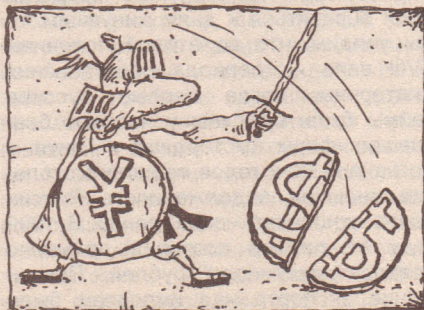
— Давайте обратимся к истории. 1870 год, Японии угрожают Соединенные Штаты. В качестве ультиматума США выставляют условие — предоставить им разрешение на продажу американских товаров в Японии. Япония отвечает: если вы хотите заставить нас войти в мировой рынок, мы должны сначала перестроить свою промышленность. А хозяйство страны в то время являлось, по сути, феодальным. Что же сделала Япония? Она

приняла решение формировать основную часть своего бюджета за счет земельной ренты, при этом освободив от налогов прибыль предприятий и доходы трудящихся. Именно этот подход позволил японской экономике практически через 20 лет стать одной из самых мощных экономик в мире.

На Западе, как правило, выделяют три оптимальные функции налоговой системы — это повышение доходов государства, освобождение экономики и гарантия социальной справедливости. И любой налог, который вы хотите применить, необходимо проверить: будет ли он работать по этим трем составляющим?

Кроме того, мировой опыт говорит: чем выше составляющая земельной ренты в национальном доходе, тем быстрее произойдет переход к рыночной экономике, и чем тяжелее налоговое бремя, тем медленнее идет переориентация производства.

Если сравнить два вида доходов государства — тот, который дает земельная рента, и тот, который форми-

руется за счет прочих налогов, то очевидно, что первый не влияет на уровень цен и капиталовложения, в то время как второй способствует росту цен и оказывает деструктивное влияние на экономику. Больше того, если доход формируется за счет земельной ренты, это стимулирует расширение рынка рабочей силы.

Конечно, может показаться загадкой — если все так очевидно, то почему на Западе не применяется оптимальный подход, где в основе лежит земельная рента? Проблема в том, что там существует класс собственников земли, которые не заинтересованы в проведении такой политики, и они имеют достаточное политическое влияние. В России же сейчас сложилась действительно уникальная ситуация. Можно перенести центр тяжести на земельную ренту, освободив предприятия от налога на прибыль, а население — от подоходного налога, и тем не менее казна получит практически ту же самую сумму.

А.РЫЖОВ, начальник сводного отдела налоговой реформы Государственной налоговой службы:

— В условиях, когда мы отпустили цены и пришли к гиперинфляции, обвинять во всех бедах только налоговую систему, которая действует в России всего два года, было бы кощунством. Сами налоги в течение двух лет постепенно снижались, вводились новые и новые льготы, например, НДС был уменьшен с 28 до 20 процентов. Но цены все равно продолжали расти. Значит, спад производства зависит не от этого. Что от-

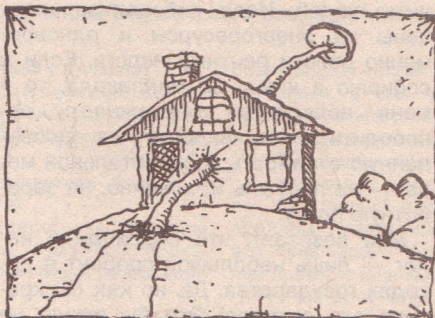

личает нашу налоговую систему от западной? У них 50 процентов доходов бюджета составляют налоги с населения. Мы сегодня возлагать на людей такое бремя не можем, поэтому и сделан упор на налоги с предприятий.

Вводя же земельный налог, мы станем завтра банкротами, потому что у нас нет ни оценки земли, ни оценки имущества предприятий и физических лиц. А если провести сейчас эти оценки, то мы понесем затрат больше, чем возьмем налогов. Необходимо сначала решить все организаци-

онные вопросы, разобраться со стоимостными показателями, а потом уже переходить к налоговой системе, пересматривать ставки налогов.

Конечно, если говорить откровенно, сейчас никакого научного подхода к налогам нет. Мы принимаем ставки налогов, по сути дела, «с голоса». Вот правительство выпускает постановление о содействии малому предпринимательству, обязывает предоставить ему льготы, и мы идем по этому пути. Но путь-то научно не обоснован, вот в чем наша беда.

Г.МИКЕРИН, директор Центра исследований и развития:

— Я могу с полной убежденностью сказать, что сегодня осознанно тормозится объективная оценка всех факторов производства, всех видов имущества, и тормозится по политическим соображениям — так государству легче перераспределять собственность.

Я не верю в возможность полного перевода налоговой системы только на один вид налога, как бы он красиво ни выглядел. Но нужно сделать все возможное, чтобы правильно определить земельную ренту и включить ее в экономический оборот. Главное препятствие, которое стоит перед системой г-на Харрисона, — это наша сегодняшняя структура государства, экономические взаимоотношения по поводу земли и недвижимости, находящихся во всех наших суверенных республиках. И эта проблема может оказаться чрезвычайно сложной. Я боюсь, что такой простой, легкий и изящный маневр, который предлагает г-н Харрисон, не к нашему двору.

Ф.ХАРРИСОН:

— Очень важно, чтобы все, имеющие землю, в равной степени платили за нее обществу. Меня меньше всего волнует передача предприятий в руки трудовых коллективов, если речь идет только об оборудовании и обо всем, что связано непосредственно с производственным процессом. Но меня в первую очередь беспокоит бесп-

латная раздача земли, на которой стоят эти предприятия. Потому что истинная ценность — это не здания на земле, а сама земля. И если не будут разработаны научный подход, соответствующие правовые документы, то Россия допустит самую большую и трагическую ошибку в своей истории.

Ю.ФОКИН, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН:

— Мы сейчас работаем над изменениями в системе налогообложения. Но наверху нас вообще не слышат, потому что они там сами ученые, а внизу все заняты политикой. Поэтому у нас сегодня единственный выход — на предприятия. Предприятия должны правильно формулировать свои требования. В 1992 году они затратили всю свою энергию на то, чтобы сбить НДС с 28 до 20 процентов. Смотрите, как красиво выступает г-н Рыжов: «Мы пошли навстречу и снизили НДС». Но он молчит о том, что вместо этого налога добавили налог на имущество с последующей переоценкой этого самого имущества. То есть сразу все то, что казна потеряла на НДС, компенсировали налогом на имущество, и даже с излишком.

Я постоянно слежу за выступлениями г-на Черномырдина. Когда он был

в «Газпроме», то говорил: налоги — это страшная вещь, они задавили газовиков, производство задыхается. Как только он вошел в правительство, то стал говорить: нет, налоги маленькие, их снижать нельзя.

Сейчас необходимо разработать систему налогов, ориентированную на развитие собственного производства. И мы предлагаем следующий подход: все дееспособные люди работают, образно говоря, четыре часа на себя, а четыре — на общество. То есть всю вторую «половину» отдают в бюджет. И больше никаких платежей — ни НДС, ни налога на прибыль. С одной стороны — это единая норма платежей, с другой — гарантированное поступление в бюджет. Государство получает налог в размере нормативной заработной платы предприятия, но при этом часть его

прибыли идет на оплату труда, а другая часть — на развитие производства, расширение рынка товаров и услуг. Таким образом производитель будет заинтересован в снижении издержек производства, и самое главное — он становится хозяином достигнутого эффекта, а значит — свободным хозяином.

Д-ЛЬВОВ, член-корреспондент, Центральный экономико-математический институт РАН:

— Если провести анализ нашей экономики в мировых ценах, то она выглядит иначе, чем думают г-н Гайдар и его окружение. Это совсем другая, незнакомая нам экономика. К примеру, сердцевинной нашей промышленности всегда считалось машиностроение — 33 процента в структуре межотраслевых связей. На самом деле, в объективных ценах мирового рынка, сердцевинной этой всегда был топливно-энергетический комплекс.

Если пересчитать в мировых ценах совокупную прибыль, которую получила наша экономика в 1991 году, то она составит 208 миллиардов долларов. 72 процента этой суммы формировал топливно-энергетический комплекс с сопутствующими ему отраслями. Наши расчеты подтверждают, что ни труд, ни капитал во многих отраслях не имеют сколь-нибудь значимой цены. Действительно ценится земля и то, что в ней находится. Так что систему налогообложения, которая сегодня существует, не нужно модернизировать. Она бездарна по своей основе, ее необходимо менять принципиально.

Основой налоговой системы должны быть природные ресурсы или рента с них. Возьмем хотя бы нефть и газ. Если бы мы ввели действительную либерализацию цен на энергоресурсы, то имели бы следующие результаты: по нефти, при ее падающем реальном объеме, в 1993 году суммарная рента составила бы 9,1 миллиарда долларов, в 1994 — 6,5 и в 1995 — 4,3. Подчеркиваю, это по самым пессимистическим прогнозам. По газу: соответственно 23,2; 24,5 и 24,8 миллиарда. Суммарно мы могли бы получать порядка 32 миллиардов долларов ренты. И этих средств достаточно, чтобы закрыть все дыры бюджета и пенсионного фонда.

Нам же все время вбивают в голову, что если отпустить цены на энергоносители и продавать нефть по мировой цене, то произойдет резкий скачок инфляции. По данным западных экспертов, которые изучали факторы инфляции за 1992-й и 11 месяцев 1993 года, корреляция между отпуском цен на энергоносители и инфля-

цией — нулевая! Все это нужно нашей пропаганде для того, чтобы одурачить людей. Надо либерализовать цены на энергоресурсы и одновременно ввести рентные налоги. Если я собираю в казну 32 миллиарда, то у меня появляется возможность освободиться от налогов на добавленную стоимость, в значительной мере — на прибыль и, конечно, на заработную плату.

Мне возражат, что подоходный налог — лишь небольшой процент в доходах государства. Да, но как бы красиво это сыграло! Это бы имело не только и не столько экономического, сколько политический резонанс. Но за всем этим уже стоит новая реформа. Мы избавились бы от лицензий, квотирования — за счет того, что ввели мировые цены. И это отнюдь не означает, что нужно гнать цены дальше, по цепочке; мы ведь уже собрали один раз ренту. Тогда наша промышленность получит реальные возможности для своего развития.

В основе двух из предложенных на конференции вариантов налогообложения лежит рента. Что же такое земельная рента? Это та сумма, которую люди готовы заплатить за получение права пользоваться преимуществами, связанными с конкретным участком земли. Предложение заменить все налоги земельной рентой выглядит заманчиво. Но, даже не углубляясь в дебри экономической политики, трудно поверить, что один земельный налог сам по себе сразу поставит на ноги нашу экономику. Кроме того, говоря о земельном налоге, г-н Харрисон предполагает, что землепользование окружено необходимым для этого правовым обеспечением. Чего у нас — увы! — до сих пор нет. Нет земельного кадастра, нет четких границ землепользования, нет как такового института оценки земли. И не следует забывать, что огромное ее количество уже роздано бесплатно, за взятки или за чисто символическую цену. Навяно надеяться, что такую массу проблем можно решить за короткий срок.

А вследствие всей этой «земельной неразберихи» структура цен у нас принципиально отличается от мировых стандартов: энергоносители в 5—10 раз дешевле, а машины и оборудование в 2—3 раза дороже. Введение ренты на природные ресурсы, безусловно, позволило бы решить многие проблемы. Но почему академик Львов ведет речь только о топливно-энергетическом комплексе? А золото, например? Сегодня по России закрывается огромное количество приисков, золотодобыча не окупает себя, нечем платить зарплату старателям.

Не надо забывать и о том, что любая реформа, любое нововведение в нашей специфической стране приобретают гипертрофированный характер. При полной, без государственного регулирования, либерализации цен на энергоресурсы цены на бензин и горюче-смазочные материалы наверняка тоже подскочат до уровня мировых, что бы там ни говорили западные эксперты. А ведь уже сейчас, при мировой цене на нефть около 120 долларов за тонну, стоимость бензина у нас скоро догонит таковую в США, а до их зарплаты нам еще ой как далеко. И уже при этих ценах встало сельское хозяйство. Так что, отпустить цены и опять давать субсидии?

В свое время в Высшем экономическом совете разрабатывалась система налогообложения, которая так и не была востребована. Она затрагивала налоги и на землю, и на природные ресурсы, собственность России за рубежом, научно-технические разработки. Система охватывала огромный круг проблем, не замыкаясь только на налогах. По словам М.Бочарова, одного из разработчиков этой программы, мы могли бы получить, по грубым подсчетам, порядка 350—400 миллиардов долларов (исходя из сегодняшних цен), то есть около 500 триллионов рублей (напомним, что валовой национальный продукт России составляет 80 триллионов рублей).

Изменения в налоговой политике необходимы. Но все эти программы так и останутся интеллектуальными играми, в которых вместо фишек используются налогоплательщики, если экономисты — и теоретики, и практики — не сядут за один стол с правительством и не выберут оптимальный вариант. Пока же, как дело доходит до принятия конкретных решений, за которые нужно нести ответственность, теории рассыпаются в прах...

Светлана КАРТАШОВА

Рис. А.Зайца

...под влиянием бумажных делопроизводств у жителя советской империи Велосипеда, помимо его физического тела, его астральной сути и его души, возникло еще четвертое, бумажное тело, которое и расположилось в кулуарах бумажного пейзажа...

В.Аксенов. В поисках грустного баби

БУМАЖНЫЙ ПЕЙЗАЖ

Что самое интересное — бумажное делопроизводство в России неистребимо так же, как, пожалуй, взяточничество. Оно будет существовать всегда — даже если исчезнет и бумага, и бумажные деньги. Но с деньгами, судя по количеству и размеру взятков, у нас все в порядке, а вот с бумагой... Что-то в последние несколько лет не раздают в редакциях ни блокнотов, ни ежедневников, не говоря о том, что и писчую бумагу стали считать за дефицит. В связи со всем вышесказанным задаю вопрос генеральному директору акционерного общества «Папирус» Ильязу МУСЛИМОВУ:

— **Что, в стране по-прежнему «напряженка» с бумагой?**

— Ничего подобного. «Напряженка» не с бумагой, а с ее ценой. Цена на бумагу любого качества головокружительно растет. Свидетельство тому — последний нашумевший конфликт между полиграфистами и прессой.

— **Ваша фирма — поставщик и производитель бумаги. В чем вы видите разрешение этого конфликта?**

— Я бы не стал так однозначно определять направление нашей деятельности. «Папирус» означает бумажное производство, начиная с самых его основ и заканчивая реализацией конечного продукта.

— **Пожалуйста, подробнее.**

— Пожалуйста. АО «Папирус» было основано два года тому назад. Его учредителями выступили такие ведущие производства России, как Архангельский целлюлозно-бумажный комбинат, Краснокамский комбинат, фирма «Мифис». Сплотиться предприятиям из разных регионов предписала та тяжелая обстановка, которая в последнее время возникла у всех без исключения производств. При вступлении в рынок почти все предприятия вдруг или закономерно — сейчас это уже не имеет значения — столкнулись с определенными проблемами, самая насущная из которых — неплатежеспособность. Вот тогда к нам и пришла спасительная идея.

— **В чем же она заключалась?**

— Идея была очень проста, можно сказать, даже примитивна: в связи с некредитоспособностью предприятий надо было подумать, как существовать, мало того, работать дальше. Тогда и родилось решение сотрудничать напрямую. То есть, например, мы поставляем тому же целлюлозно-бумажному комбинату химикаты, необходимые для производства бумаги, а комбинат, в свою очередь, расплачивается с нами не деньгами, которые с каждым днем обесцениваются и по безналичному расчету приходят только через месяц, а то и через два, а готовой продукцией, реализацией которой берет на себя наше акционерное общество «Папирус».

— **И как, эта идея нашла успешное воплощение?**

— Весьма. Эта система работает уже два года и вполне себя оправдала. Примером тому служит заключение договоров с обоими крупнейшими производителями бумаги в России — фабриками «Гознак» — на реализацию их продукции фирмой «Папирус». Мы имеем эксклюзивные права на реализацию бумаги потребительских форматов на территории Москвы и Московской области, которую производит Краснокамская фабрика «Гознак». Это поистине беспрецедентный факт.

— **В чем причина такой популярности?**

— Популярность — это, извините, у рок-звезд. У нас же дело посерьезнее. Дело в том, что, после того как упразднили министерство и главки, какое-никакое, но все-таки снабжение бумагой, которое раньше было централизованным, сошло практически на нет. И пусть это не будет воспринято как бахвальство, но многие функции бывшего министерства (и совсем нелегкие) мы взяли на себя. Сегодня «Папирус» — это даже не акционерное общество, а объединение, которое снабжает бумагой Центральный регион России, Поволжье, Московскую область и саму столицу. В Москве, например,

реализацией нашей продукции занимаются около семидесяти магазинов, в том числе такие известные, как «Журналист», «Беларуськнига», «Молодая гвардия». Причем продукцию в магазины мы завозим сами.

— **Вы выигрываете на дешевизне, рекламе, качестве?**

— Рекламой мы практически еще и не занимались. Качество, безусловно, имеется, а что касается дешевизны — мы продаем бумагу почти что по себестоимости. Конечно же, это привлекает партнеров, и мы имеем, особенно в последнее время, очень много предложений.

Тут же хочу отметить, что наш стиль работы весьма отличается от стиля «капиталистических акул бизнеса». Если мы чувствуем, что новый партнер, как бы сказать точнее, надежен, что ли, если наши отношения изначально складываются успешно и при полном взаимном понимании, то мы можем пойти на значительные уступки, как, например, передать нашу продукцию на консигнацию. Это означает, что какой-либо магазин может, в общем-то бесплатно получив от нас бумагу, реализовывать её какое-то время, скажем, месяц, и только потом, после получения прибыли, выплачивать нам деньги. Поверьте, что сейчас это делают совсем не многие.

— **И в заключение расскажите, какие именно товары и услуги вы предлагаете своим партнерам, которые заслужили ваше доверие и расположение?**

— Во-первых, мы снабжаем всеми необходимыми химикатами те комбинаты, которые входят в поле нашего зрения. А сейчас снабжение сырьем — одна из жизненно важных задач любого нашего производства. Кроме этого мы имеем возможность поставить в любую точку России практически все — от бумаги разного формата до гофротары, картона, конвертов, ну, одним словом, что пожелаете. Причем даже если вдруг у клиента возникнет необходимость в той продукции, которой нет на линии производства, — нет ничего невозможного: по спецзаказу будет изготовлено именно то, что нужно.

В последнее время у нас уже нарабатаны связи со странами ближнего зарубежья: мы успешно сотрудничаем с Украиной и даже с Узбекистаном. Ведь по сути «Папирус» не коммерческая структура, а, если можно сказать, жизненно необходимая для «бумажного мира» России. И поверьте, кроме «наживы» мы очень даже думаем и о многом другом. И вполне вероятно, что ближайшим нашим шагом будет поддержка российской прессы, которая сегодня оказалась в затруднительном положении из-за расценок на типографские работы и бумагу.

...Вот так, господа! Велосипеды, надеюсь, уже вымерли за ненадобностью, но мы-то живы. И хотим читать те же газеты, бумагу для которых поставляет «Папирус». Поэтому звоните:

324-54-91, 324-54-93

Беседовала Юлия ТРАНКВИЛИЦКАЯ

ЗМЕЯ ПО ПРОЗВИЩУ «КУРАРЕ»

Как просто было раньше — большинство магазинов имели если не одно лицо, то одно имя: «Прод- или промтовары», а то и попросту — «Магазин» или, для разнообразия, — «Универмаг». Зато сейчас — раздолье для фантазии новых хозяев. Как хочешь — так себя и обзывай. Хочешь «груздем», а хочешь — «кузовом». Лишь бы покупателей это привлекало.

Что, интересно, может продаваться в магазине с таким экзотическим названием, как «Кураре»? Разве что ядохимикаты для полей, шестиногих домашних животных или очень уж сварливых коммунальных соседей. А может, стрелы с отравленными наконечниками для рыцарей плаща и кинжала? Ничего подобного! Стандартный магазинно-джентльменский набор: шубы, обувь, бытовая электроника; тут же колбасы, плавленые сыры, йогурты, ветчина... Все свеженькое, прямо из Европы, без малейшего ядовитого запаха или привкуса. Покупаешь, приносишь домой и небрежно так жене: вот, мол, дорогая, тебе к ужину, от «Кураре»... Приятного аппетита!

Впрочем, самих продавцов нисколько не смущает название их заведения. Досталось оно от предыдущих хозяев, вместе с магазином. Смена вывески стоит недешево, да и зачем, если она, по мнению работников, не мешает? Правда, некоторые из них почему-то считают, что «кураре» — это не экстракт, выработываемый из некоторых произрастающих в Южной Америке растений и в те-

ние многих веков использовавшийся туземцами в качестве ядовитой начинки для стрел, как утверждает Большая Советская Энциклопедия, а вовсе даже ядовитая змея. Принципиальной разницы тут нет. И, наверное, мы не очень удивимся, если где-нибудь откроется ресторан с поэтическим названием «Цианид».

Вадим КАНТОР

Фото автора

РОБИНЗОН МЕЧТАЕТ О БАНЕ

Об Алексее Воробьеве, отшельнике, живущем в глухом лесу на берегу Камы, «Осколки» уже рассказывали в минувшем году («Столица», № 35). Напомним: Алексей Петрович удалился от людской суеты после двух инфарктов — чтобы «пожить еще немного». Было это больше восьми лет назад. Недавно журналисты газеты «Нижнекамск» вновь посетили Воробьева в его шалаше, перестроенном почти до кондиции небольшого дома.

Напарник, поселившийся у нашего Робинзона прошлой весной, оказался человеком неординарным: во время краткой отлучки Воробьева в город «Пятница» сбежал, прихватив с собой удочки и улов. Тем не менее Алексей Петрович веру в людей не потерял, к весне ждет появления нового Пятницы, с которым намеревается отстроить собственную баньку.

Один из старых знакомых

Вадим КАНТОР

«АБЫРВАЛГ» ПО-МЕДИЦИНСКИ

Нейрофизиологи утверждают, что человек все видит вверх ногами: так уж устроен человеческий глаз. А хитрый мозг уже «переворачивает» изображение с ног на голову. Поэтому наш мир выглядит именно таким. Но с некоторых пор на улицах Москвы

стали появляться машины «скорой помощи» с очень странной надписью на передке, сделанной мало того что справа налево, так еще и зеркально перевернутыми буквами. Немного поломав голову, можно догадаться, что написано: «Резаниция».

Неужто кто-то спяну наносил краску по перевернутому трафарету? Но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что надпись очень аккуратно выклеена красной пленкой — такое спяну сделать не удастся. Оставалось, следуя одному из законов Мерфи, гласящему: «Если ничего не получается — прочтите, наконец, инструкцию», спросить у водителя той самой машины, что же означает столь странная надпись. Разгадка оказалась проста, как все гениальное: водители впереди идущих машин в зеркале заднего вида читают надпись правильно (она резко выделяется на фоне зеркально перевернутых надписей на всех остальных машинах) и пропускают спешащую по вызову спецмашину. Поэтому подобным образом наносят надписи только на реанимационные автомобили. Новшество пришло к нам с Запада. И, наверное, приживется.

Вадим КАНТОР

Фото автора

подарил Робинзону радиоприемник, от тещи досталась черная кошка (белая собака у него уже была). Так что очередной Новый год наш герой встречал в своей хибарке отнюдь не в одиночестве.

К привычным занятиям (рыбная ловля, выращивание грибов и ягод) добавилось плетение корзин — научил кто-то из гостей.

И еще приятная новость: Алексей Петрович практически полностью отказался от лекарств. После того, как не смог найти нужных пилюль в аптеке. И чувствует себя прекрасно, хотя прежде жил на таблетках.

А вы говорите: «Медицина, медицина...».

Георгий КУЗНЕЦОВ
«Вечерняя Казань»

СЛЕДУЕТ ШИТЬ. ЭТО ВЫГОДНО

Необычное соглашение заключено недавно между Омским академическим театром драмы и токийской театральной компанией «Дартс»: омичи теперь будут шить костюмы не только для собственных нужд, но и для японских театров. Гости из Страны восходящего солнца, говорят, были поражены мастерством сибирских портных. Коммерческий интерес, впрочем, тоже наличествует: артистические наряды в Японии очень и очень недешевы, изготовление же их в Омске обойдется минимум на двадцать процентов дешевле.

В ближайшее время в Сибирь прибудет специально командированный токийский художник, под чьим руководством и будут трудиться театральные костюмеры. Шить они будут все, за исключением кимоно. Изготовление этого традиционного наряда японцы нам пока доверить не могут, невзирая ни на какие экономические выгоды.

Игорь БАРИНОВ

ИСТЦА ПРИГОВОРИЛИ К ГОРЯЧЕМУ ДУШУ

Необычный судебный процесс закончился недавно в Омске. Некто Юрий Галахов, измученный переборами с горячим водоснабжением, подал в суд на производственное объединение «Сибирские приборы и системы» (на балансе именно этого предприятия находится дом, где со своей семьей обитает истец). Въедливый гражданин подсчитал, что в течение четырех последних лет горячая вода в его квартире отсутствовала 295 дней, и потребовал выплатить ему в качестве компенсации за моральный ущерб по сто минимальных зарплат на каждого члена семьи, то есть около четырех миллионов рублей. Суд признал объединение виновным в нарушении законного права на комфортное мытье и обязал ответчика выплатить неустойку в размере одной тысячи рублей. Не возразили судьбы и против моральных притязаний истца. Правда, размер ущерба оценили более чем скромно — всего в девять тысяч.

Однако Галахов решил не сдаваться. Теперь он готовит сразу два исковых заявления и собирается вновь судиться

с объединением по поводу отопления и лифта. Думается, жилец сумеет-таки получить свои миллионы — не уменьшем, так числом процессов.

Игорь БАРИНОВ

АНТИФАШИСТСКИЙ ФРОНТ — БЕЗ ФЛАНГОВ

Владимир Жириновский, оказывается, готов в любой момент вытащить из рукава не только теневой кабинет федеральных министров, но и целую горсть теневых губернаторов.

Теневой либерально-демократический губернатор Пермской области Александр Чулков — из мо-

лодых да ранних. Ему девятнадцать лет, в свободное от выполнения своих теневых обязанностей время он учится в местном мединституте.

Первые шаги молодого либерал-демократа на общественном поприще свидетельствуют о нестандартности его мышления, что в политике, как мы уже успели убедиться, очень важно. Когда в Перми по инициативе социал-демократов и под впечатлением послевыборной истерики господ «реформаторов» стал спешно создаваться антифашистский фронт, Чулков среагировал мгновенно: подал заявку о вхождении пермского отделения ЛДПР в стройные ряды антифашистов.

Юрий БЕЛИКОВ

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Однажды утром в переполненном троллейбусе я осознала, что стала бояться людей. Я сжимаюсь от страха, если случайно задену кого-то в толпе, потому что скорее всего меня обругают, несмотря ни на какие извинения. Я боюсь очередей, потому что там настолько раскаленный скандалами воздух, что можно случайно попасть кому-то под руку и снова стать жертвой человеческой не деликатности. Мне страшно случайно улыбнуться — просто так, от хорошего настроения, — потому что кто-нибудь обязательно шепнет: «Смотри, придурочная» — и настроение будет испорчено.

А недавно (снова в троллейбусе) случилось вот что. Открылась дверь, вошел человек. На его лице не было ничего привычного нам — муниципально-транспортной тол-

Ирина ХАЛИП

БЛАЖЕННЫ ПРИХОДЯЩИЕ ИЗ ТЬМЫ

пе. Оно светилось изнутри, свет отражался на лицах стоящих рядом, и они отводили глаза и отодвигались подале, в тень, в полумрак. А человек, не замечая ничего, обвел всех нежным взглядом и сказал: «Ребята, я вас всех так люблю...»

Кромешное молчание было ему ответом. Но он был слишком счастлив (или слишком пьян, не все ли равно?) и повторил еще раз: «Ребята, я вас правда очень люблю» —

словно боясь, что не поверим. Потом добавил: «А давайте вместе что-нибудь споем!»

Я видела, как на лицах птенцами проклеивались какие-то подобия улыбок — и тут же прятались за железобетонные каркасы непроницаемости. А он решил, что в нем сомневаются.

«Нет, вы не думайте, я, конечно, не спою вам так, как Лучано Паваротти. Но если мы вместе... Однажды вече-

ром, вечером, вечером... Не нравится? Давайте другое! Песнь моя летит с мольбой... Ну что же вы, ребята?..»

Но все уже справились с легким шоком и молчали уверенно и спокойно. Он снова посмотрел на нас и — тут как раз троллейбус остановился — вышел, махнув рукой.

Человека проводили дружным вздохом облегчения. А я, уже не в силах сдерживать улыбку, вышла на следующей остановке. На меня падал снег, я слизывала снежинки с губ, мне было хорошо... И лишь в родном заплеванном подъезде вместе с чувством благодарности к исчезнувшему незнакомцу, не претендующему на лавры Паваротти, пришло печальное и ясное осознание того, что это не повод для радости и надежды. Потому что пока мы трезвы — не ждите от нас искренности.

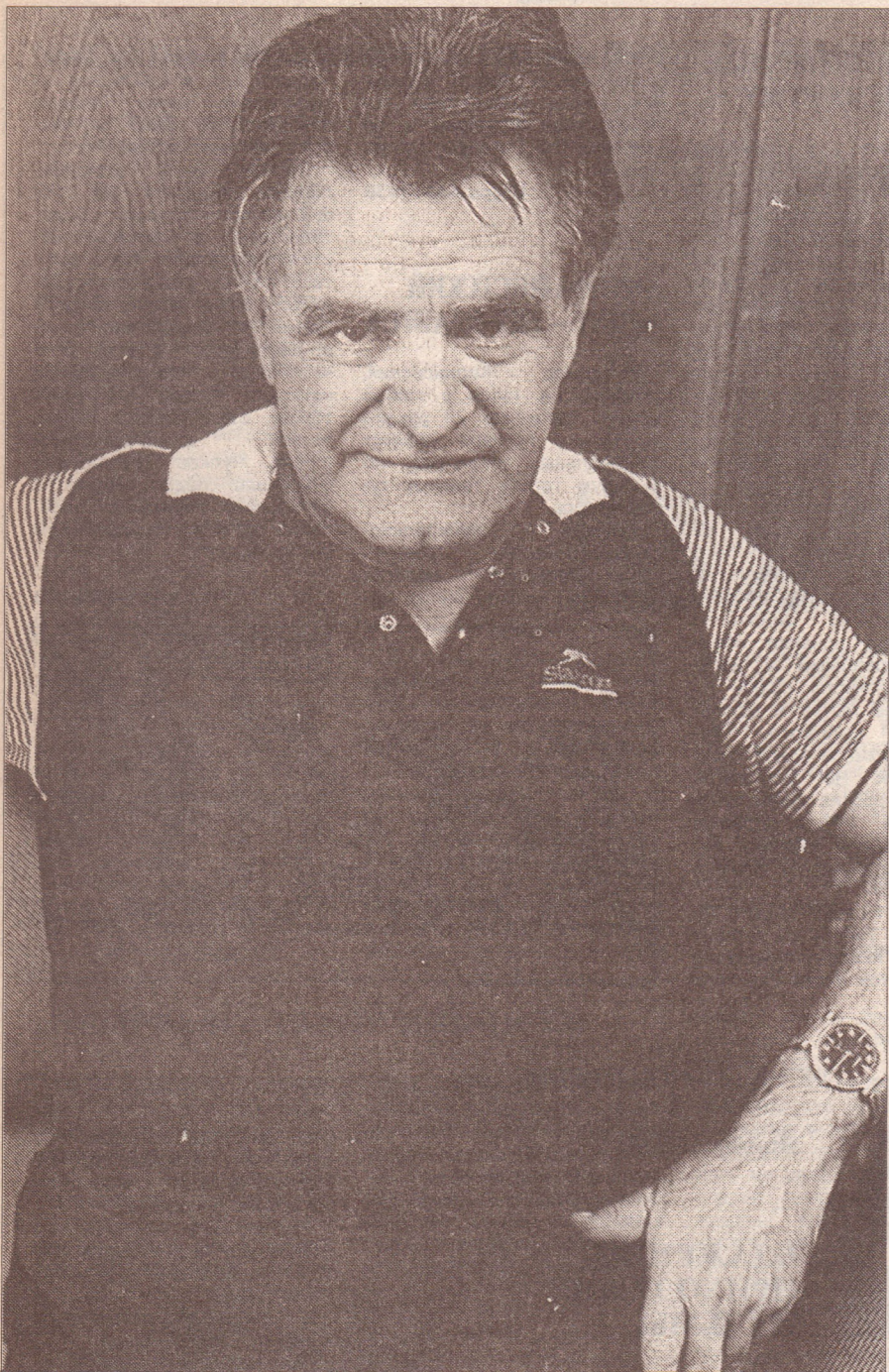

Фото Е. Федоровского

ФАЗИЛЬ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

С писателем Ф.А.ИСКАНДЕРОМ беседует
обозреватель «Столицы» Михаил Поздняев

— Юлий Ким три года назад в беседе для «Столицы» сказал мне, что не может себе позволить роскошь поддаться всеобщей панике, всеобщему страху перед завтрашним днем. Ему в эти годы — весело жить. И он, по счастью, не одинок. Вот Фазиль, к примеру, своим путевым заметкам предпослал подзаголовок: «Попытка поднять настроение себе и другим». А я — сразу вспомнил фотографию Валерия Плотникова, групповой портрет авторов альманаха «Метрополь» — это весна 79-го года, — и у всех лица серьезные, важные, хитрые, гордые, только у вас — совершенно счастливая улыбка, по-детски блаженная. И я подумал, что, в общем, вся ваша жизнь — попытка поднять настроение себе и другим. Как вам она сегодня дается, эта попытка? Не пытка?

— Я думаю, есть очень разные оттенки природы человека, но все-таки отчаяние — это серьезное отклонение от нормы. Если бы невозможно было возвращение к норме — то и все разговоры о Боге были бы бессмысленны.

Страх, о котором вы говорите, связан с тем, что была в последние годы какая-то иллюзия у всех людей, критически настроенных по отношению к советской власти: казалось, вот еще один толчок — и жизнь наладится. Мы в прошлые глухие времена приспособились находить некую нишу для внутреннего самооправдания. Если ты работаешь и смысл этой работы — в разрушении внешней несвободы, то есть у тебя чувство исполнения тобою высшего долга, и как-то тебе от этого спокойней. Сегодня на людей думающих страшно давит невозможность понять, в чем же твой долг, к чему приложить силы. Наша история приучила нас думать, что при ином строе или ином правительстве жить будет легче. Это — вредная привычка. Может быть, в этом действует на человека дьявол. Потому что человеку раз и навсегда предназначено Библией добывать хлеб насущный в поте лица своего. Я бы выразился так в конечной формуле: «Жить должно быть тяжело, но дышать — легко». На Западе этого в известной мере добились. Я не провожу какую-то непреодолимую грань между Востоком и Западом и считаю, что трагедия человеческих заблуждений — трагедия всемирная, но все-таки они ближе к истине.

Я в последние годы жил на Западе подолгу, чаще среди русских людей, и я очень внимательно наблюдал за тем, как они живут. Я видел, что все они живут напряженно, приходя домой с работы, шею не могут повернуть, с таким трудом добывают они свой хлеб, — но хлеб этот и сытнее и слаще нашего. А главное — его никто никогда не посмеет у них отнять.

Мне этот образ жизни близок, потому что он близок к патриархальному укладу. Человек, вскапывающий свой огород и

знающий, что копает он с утра до ночи для себя и своих детей, — такой человек дышит легко, как бы ни была тяжела его жизнь.

ВОЙНА И МИР

— Жить нам сегодня, слава Богу, тяжело. Хотя я никак не могу согласиться с теми, кто всерьез утверждает, будто сегодня жить тяжелее, чем двадцать или сорок лет назад. Но вот такой парадокс: никогда не было в России столь благоприятных условий для того, чтобы легко дышалось, — нет реальной угрозы войны, нет террора, уже несколько лет царит абсолютная свобода слова, духовная свобода, пал «железный занавес», Россия — страна открытая, так почему же все труднее и труднее дышится?

— Мы должны вспомнить нашу историю. Ее можно сравнить с долгой зимой. Человечество живет — и зимой он умудряется как-то согреться, устроить свой быт, зимой он даже более склонен отмечать праздники, и они запоминаются крепче, чем все остальные. Но это зима. Зимой, простите за резкость сравнения, трупы убитых не гниют. И вдруг — невероятное потепление, очень быстрое — и все эти ядовитые запахи сразу поднялись над землей, пропилили воздух.

У нынешнего общественного климата, общественной атмосферы сложный комплекс факторов. Сочетание безумия зла с безумием надежд и безумием обещаний дает страшный эффект — эффект как бы подтвержденности, оправданности зла. Я как-то приводил и повторю еще раз такой пример. Если человек сжег дом на своей улице, про него скажут: «Безумец». Но если он сожжет целый квартал, то первое, что придет людям в голову, это вопрос: «А почему он это сделал? Вдруг это для чего-то нужно, чем-то оправданно?» И величайшие обещания наших правителей в течение всего этого века, сопровождавшиеся величайшим злом, триумфом зла, создали в итоге в глубине души такой фантастический эффект: «Ну, не может быть, чтобы столько крови — и задарма!» Море крови приобрело привлекательный оттенок, подсвеченное всевозможными высокими идеалами.

Я признаюсь, что не придаю слишком большого значения тому, что народ побежал за одним известным джентльменом, обещавшим после победы на выборах не только водку по 3,62, но и море нерусской крови. Народ отравлен злом, он заражен криминальностью. Не забудем, что мы все почему-то очень любили блатные песни. Что-то в них нас трогало. Мы закрывали глаза на то, что видел в них Варлам Шаламов: криминальный мир — это мир зла, это дно, и никакого благородства там нет. И в том джентльмене, о котором я вынужден говорить, народ очаровал тот же блатной артистизм, доведенный до своего преде-

ла. Такой артистизм сразу лопается при иных условиях, чем наши, а у нас торжествует всеобщая склонность к хулиганству: что за именины без мордобоя! Вот он говорит, что водка будет по 3,62, и реакция у народа самая естественная: конечно, по 3,62 она не будет, но раз он болеет за водку — значит, наш человек! Из нашей шайки... Люди голосовали как бы назло — а природа мелкого хулиганства в этом и заключается: выкинуть что-то такое назло.

Но все-таки последнее, на что я надеюсь, — это что народ все-таки не совсем забыл, что такое война, а так как упомянутый джентльмен в основание всего ставит именно перспективу войны, то люди раньше или позже от него отшатнутся.

— «Что угодно, лишь бы не было войны!» — эти слова прозвучали уже в первые минуты «нового политического года», во время постыдного ночного телешоу... Но мне кажется, привычка к злу, даже в форме войны, уже непоправимо искалечила психологию русского народа.

Я, когда в конце 91-го в Германии включил телевизор и увидел Чечню, яростную толпу в папахах с зелеными лентами, сразу воскликнул: «Хаджи-Мурат!» Я как-то сразу подумал, что без русской крови не обойдется. Вы прожили почти всю жизнь в России, вы сами себя считаете русским писателем — как вы оцениваете роль России в кавказском сюжете и какой она вам видится в идеале? Нужно ли вообще России лезть в кавказские дела?

— Если Кавказ хочет быть с Россией, то Россия должна влиять на все происходящее на Кавказе. Но влиять гуманно. Кавказ сейчас в тяжелейшем положении — я имею в виду моральное его состояние. То, что я говорил о свойствах советского человека — что завоеванная свобода неожиданно дала шанс главным образом криминальным элементам, дремавшим, обузданным при коммунистах, они ведь играли роль пахана в среде уголовников, разной мелкой сошки, а теперь мелкий хулиган почувал всевластье, — это все на Кавказе проявилось особенно страшно.

Россия сыграла в кавказском сюжете главную роль. И печальную. Первое, что мне непонятно по прошествии нескольких лет войны, охватившей Кавказ: откуда там столько оружия? Ну, допустим, какую-то его часть украли, оружие нетрудно купить, но подобными путями невозможно добыть столько и такого оружия. Я знаю, что в дни захвата Сухуми там оружия было на три года войны. Причем ведь от дан был приказ отвести войска обеим сторонам — а отводили только танки, бронетранспортеры, вышедшие из строя, разбитые. Все оружие, способное действовать, было спрятано на каких-то тихих улочках, где проверяющие не ходили. И проверяющих-то очень мало там было.

Ошибка — в лучшем случае ошибка, а

может быть, и преступление России при распаде страны — состояла в том, что немедленно надо было взять под контроль абсолютно все оружие на территории всего Союза. На охотничьих ружьях далеко пойти все эти войны не могли. А теперь, кроме атомной бомбы, уже все в ход было пущено. И я не сомневаюсь, что есть тысячи людей, способных применить и атомную бомбу.

Что дальше делать России, я просто не знаю. Контроль невозможен. Уговорить остановиться тоже невозможно. Даже не потому, что политики на Кавказе обезумели, но за эти несколько лет уже сложился новый тип человека, для которого смерть стала профессией. Это поколение, не боящееся смерти. Я встречал очень много людей, которые дрались там. У них страх — качество не только природное, если задуматься, но и нравственное — отсутствует совершенно. Обратная сторона страха быть убитым — это страх убить. Страх Божий, как это называли в старину.

Когда-то я написал в шутку, что молодой не боится умереть, потому что смерть далеко. Нужно жизнь положить, чтобы понять смерть и быть готовым к встрече с нею. А сегодня молодые люди, ежечасно рискующие жизнью и готовые убить первого встречного, о смерти даже не думают. И моя особенная печаль — что не безнравственные политики, а уже обычные люди проникаются потихоньку верой в то, что будто бы существуют некие цели, оправдывающие смерть хотя бы одного человека...

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

— Вы начинали как поэт, сегодня пишете стихи редко. Зато часто печатаются в газетах ваши эссе, публицистические статьи. Это что — восполнение неких пустот, «зияющих высот»?

— Публицистика, которой я сейчас действительно занимаюсь гораздо чаще, для меня неким образом более короткий путь к читателю. Искусство требует наращивания мяса, публицистика — дает четкую схему поведения, если вообще она верна... ну, когда пишешь, кажется, что верна, — иначе бы и не писал.

Что же касается темы моих статей — я все больше думаю о месте религии в обществе. В столь взбаламученном обществе, как наше, религия, по моему убеждению, должна занять место выше всего прочего. Она должна стать идеалом чистоты. Я не разделяю распространенного мнения, будто религия — что-то вроде заповедника, что она имеет сегодня право на особую роль в жизни общества, потому что она — часть истории, часть культуры. Напротив, все, что есть лучшего в нашей истории и в культуре, было продиктовано, вызвано к жизни существованием и сутью Церкви. Для меня это бесспорно. Вместе с тем я

вижу, что люди, возглавляющие Церковь, довольствуются как раз музейной ролью. Видимо, они сами чувствуют слабость своих сил для того, чтобы служить народу идеальным примером...

Я хорошо знал отца Александра Меня. Состоя в Комиссии по правам человека в Верховном Совете, я первое, что сказал, — мы должны во что бы то ни стало найти убийцу отца Меня. Но не похоже, чтобы кто-то искал. Все очень скоро заглохло, дело приобрело такой оборот, будто не великого пастыря по пути в храм убили, в нескольких шагах от его дома, а какой-то пьяный бродяга убил другого такого же бродягу. Впрочем, и в подобном случае найти убийцу надо.

Нераскрытие этого преступления — одно из поражений новой власти. Когда столь незаурядный человек в столь духовно обедневшей стране так страшно уничтожается, здоровые силы общества все же должны определить, что случилось. Где убийца? Какие силы стояли за ним? Почему отец Меня был в последние дни беспокоен? Почему на своих выступлениях он получал из зала угрожающие записки? На эти вопросы никто не ответил. Молчание.

— Я хочу в этой связи другое имя назвать — вы его, впрочем, уже и сами называли. Варлам Тихонович Шаламов. Ведь его уход — это тоже убийство. Хотя внешне все выглядело так, что инвалид-пенсия умирать от воспаления легких в психбольнице для одиноких и престарелых. Но он чуть ли не до последнего дня работал, писал стихи. А его заключению в приют предшествовала травля за «Колымские рассказы», принуждение к публичному отречению от этой великой книги, много чего еще...

— Во всей нашей духовной культуре, я думаю, должна сегодня выявиться новая глубина, соответствующая той бездне, над которой мы стоим. Это качество обязательно появится — хотя и в литературе плоды свободы вкушают сегодня все те же уголовники, но у наиболее талантливых людей наше грозное существование просто вырвет из глубины души совсем новые, неслыханные мотивы и образы, приближающиеся к миру Достоевского.

Шаламов нашим народом не усвоен. В этом повинна отчасти и критика, но главное — что мы все не способны войти в книгу, раскрытую им перед нами.

Книга Шаламова — одно из самых потрясающих явлений XX века. Это всемирно недооцененная книга. В ней нет никаких красок и нет никакого утешения. Каждое слово в ней предупреждает мир о зле, в которое он погружается все глубже. Понять это предстоит, я повторю, всему миру. Но прежде всех — нам. Колыма года через три-четыре опять может стать темой актуальной, в самом прямом смысле слова. «Колымские рассказы» — не воспоминание о Колыме, но предупреждение о Колыме грядущей. Тут уместно провести парал-

лель с Апокалипсисом. Что-то универсально пессимистическое, связанное с божественным и дьявольским в человеке, заставляет Шаламова довести до точки мысль, нам вообще недоступную: человечество очень легко и очень скоро может погибнуть. Исчезнуть. Как узники Колымы. У человечества все еще не выработались мощные защитные крепости в его единоборстве со злом. В общем, «Колымские рассказы» — книга не о случайности того, что случилось в России, но о случайности того, что вообще человечество еще живо. Ибо силы зла настолько организованнее «чувств добрых» в обществе, что удивления достойны не те злодеяния, которые были совершены в XX веке в России, а надо радостно изумляться, что во всем мире этого не случилось.

И я полагаю, наша публицистика должна сегодня сказать людям не правду о зле в лице того или иного человека, а высшую и грозную правду, нами в упор не видимую: «Вы все висите на волоске над пропастью! Очнитесь! Вспомните о душе своей!»

Увы, современный человек очень склонен утешиться минутой. Отсюда и то влияние, которое мы позволили иметь над собой телевидению. В этом проявилось глубокое противоречие цивилизации, обостряющееся в ненормальных государствах вроде нашего. Абхазцы в таких случаях говорят: «Буйвол сам пашет — сам и топчет».

Если говорить о телевидении, то я вернулся бы к итогам выборов. Ведь что, собственно, случилось? Победил не известный джентльмен — победило наше телевидение. В демократических странах по телевидению проходят дебаты — когда люди не произносят монологи, но вступают в диалог. И конкурент, и журналист, и эксперт, и рядовой телезритель, позвонив в студию, может задать вопрос, имеет право возразить. «Как же так? Что вы такое несете? Вы, значит, расист? Вы — за войну?» У нас в ходе выборов ничего подобного места не имело, и люди у экрана оказались по привычке заморожены, не в силу какого-нибудь таланта говорящего, а в силу того, что ему нельзя было возразить, нельзя было его перебить.

Это тоже следствие криминальной зараженности народа — и я, каким это ни покажется безумием, вообще рискну заявить, что такому народу не нужен парламент, не нужны никакие выборы. Такой народ и его избранные — ведь понятно, кого может избрать такой народ, — не способны спокойно вырабатывать законы, делать их более гуманными, цивилизованными, разумными. Когда-то и нам надо начинать — но не в такой момент. И при ссылах на парламенты других стран, что вот и они там ругаются и даже дерутся, я могу возразить: при их состоянии общества и нравов они имеют право себе позволить такую роскошь. Потому и выборы у них превращаются в национальный праз-

дник, где каждому разрешено прикоснуться к трону. Человеку приятно: вроде бы от него что-то зависит. На деле — мало чего: там все работает, все распределено, все охраняется законами и каждый гражданин убежден, что, кто бы к власти ни пришел, жизнь его семьи будет защищена. Она продолжится в итоге любых выборов.

А что могут дать выборы, даже самым лучшим образом проведенные, у нас? Я уверен: если нам с вами скажут, вот посидите вечер, подумайте, а утром назовите десять лучших поэтов страны, мы увидим в результате, что наши избиратели поголовно проголосуют за каких-то прохиндеев! Да, вот такой им представляется наша поэзия... Ну так откуда мы взяли, что они хорошо разбираются в политике?

Или, вообразите, играли бы еще один матч Карпов и Каспаров и страна разделалась бы на два лагеря и решала бы путем референдума, какой будет следующий ход Каспарова и Карпова. Это была бы игра, в лучшем случае, третьеразрядников.

В сто раз дешевле и полезнее выборов в России была бы какая-то ассамблея «сливок общества», духовной, интеллектуальной элиты, где люди из своих рядов отобрали бы тех, кто сможет управлять страной несколько лет, пока не придут новые, более молодые. И даже если избранные таким путем люди ошибутся — то на 20 процентов, а не на 80, как сейчас...

МОЦАРТ И САЛЬЕРИ

— Несколько дней назад вам за книгу «Человек и его окрестности» была вручена Государственная премия России — новая премия новой России. У вас там, говорят, произошла какая-то перепалка с лауреатом Сталинских премий Сергеем Владимировичем Михалковым?

— Перепалки никакой не было. Просто я на приеме выступил в том смысле, что вот как хорошо, что премии теперь присуждаются не по принципу приближенности к власти, а за конкретную работу. Михалкова, которого на банкет привел его сын, кстати, тоже удостоенный премии за последний фильм, почему-то мой тост задел. И он выступил с ответной, так сказать, речью. В общем, выглядело это довольно странно, и Ельцин, по-моему, остался в недоумении, что произошло. Ко мне потом подошел Ролан Быков и сказал, что зря я обидел старика.

— На юбилее Михалкова — сам видел по телевизору — Быков высказался определеннее: раньше, говорит, пока Церковь и всех святых не разрешили, их функции исполняла советская литература и Михалков был вроде Николая Угодника... Ну, я не об этом — Бог с нами совсем. Я хочу спросить вас об отношениях художника и власти в России: в эти вот, теперешние времена. Проблема такая в России всегда существовала, начиная с Толстого, с его «Не могу мол-

чать», да, пожалуй, и еще раньше. Что сегодня? Слышат ли вас? Прислушиваются ли? Нет ли у вас того ощущения, какое меня не оставляет: власти начать на все мои статейки? Мели, Емеля...

— Мне кажется, главное, в чем можно упрекнуть Ельцина и его правительство, — что они сегодня не находят ясного языка для разговора с народом. Можно все понять и очень многое простить правительству, осуществляющему реформы в подобных обстоятельствах, когда оно с тобой честно говорит. Я уверен, что Ельцин никаким не диктатор, и даже потенциально. Напротив, ему, на мой взгляд простого гражданина, авторитарной силы как раз не хватает. На приеме, о котором мы говорили, он показался мне безмерно усталым, угасшим, что ли. Это объяснимо. Но я не верю, что он или ведущие люди в правительстве не способны объяснить людям суть происходящего и перспективу. Такое впечатление, что правительство и народ не видят, не знают, не понимают друг друга. Это тем печальнее и опаснее, что нечто подобное было у нас и прежде, например, при Хрущеве. Хотя это была совсем другая власть. Как раз в таких ситуациях случайные фигуры вдруг оказываются особенно привлекательны — просто по контрасту.

Я не стал бы отделять писателей от народа в целом: правительство как с народом не говорит, так, думаю, им не о чем и с писателем говорить. О чем? О нищете писателей? Но в России они нищенствовали и в худшие и в лучшие времена. Нищий Платонов, нищий Мандельштам, нищая Ахматова... С другой стороны, вспомните, рукописи Пушкина пестрят столбиками денежных подсчетов, он об этом постоянно в письмах говорит, можно вспомнить и Достоевского...

Когда мы фотографировались на том приеме, нас с Олегом Чухонцевым поставили в задние ряды, а впереди, рядом с Ельциным, сели более привычные лица... Это было очень знакомо и оттого немного грустно. Меня никогда не соблазняло приближение к вождям, я полагаю, прав был Хлебников, сказавший, что писателю ничего не нужно, кроме краюхи хлеба и капли молока. Но я не могу не думать совсем о том, как стремительно падает культура в нашей стране. Профессор-филолог, знающий несколько древних языков и получающий в столько же раз меньше шофера, — зрелище кошмарное. Этот кошмар грозит затянуться — и тогда через несколько лет писателю суждено будет жить в варварской стране.

— «Жить должно быть тяжело, но дышать — легко»... Эти два состояния странным образом переплетены и взаимно зависимы. Вот в начале разговора вы сказали, что многие художники сегодня растерялись. У меня подозрение, что вы работаете не разгибаясь. Это привычка профессиональная или обостренное чувство долга?

— Я стараюсь работать побольше, но вообще тип работы у меня «запойный». Я работаю только по вдохновению. Скажем, месяц я работаю по десять, двенадцать, пятнадцать часов в день, не испытывая большой усталости. Потом месяц или два идет какое-то незаметное накопление.

— Лет семь назад вы опубликовали статью о Моцарте и Сальери.

— Да, было такое.

— Эта тема сегодня, по-моему, опять звучит современно. Но я хочу спросить вас о том, о чем спорили Ахматова с Мандельштамом, увидевшие в героях маленькой трагедии Пушкина два типа художника. Какой тип вам ближе — ремесленник или «гуляка праздный»? В вашей работе вас ведет замысел, идея — или музыка, шелест ангельских крыльев?

— Да! Звук, интонация! Я могу вам сказать, что с наибольшим подъемом я работал — когда писал «Сандро из Чегема» — над главой «Мул старого Хабуга». Атом замысла был в том, что мой зять рассказывал мне (он из деревни, его отец ездил на муле, которого они держали) — он рассказывал мне вещь, меня потрясшую. Когда мул пасется с лошадьми, при нападении волков, если там есть кобылица с жеребенком, она обычно бросает свое дитя на произвол судьбы и сама бежит. А мул остается защищать этого чужого жеребенка. Вскоре после того, как я это услышал от зятя, я поехал в Грецию и там постоянно об этом думал. Мул этот был для меня выражением патриархального сознания народного, в чистом виде — то, о чем, собственно, весь роман. И вот в Греции вдруг стали выскакивать слова, диалоги, обрывки фраз, я их записывал на чем придется. Потом вернулся в Москву — и месяц работал. Это была работа самая трудная, но я, сидя за машинкой, часами хохотал — так, как не смеялся никогда в жизни...

Что касается Моцарта и Сальери — это и вправду имеет грубую актуальность, прямое отношение к нашей сегодняшней жизни. В искусстве эта тема понятна: всегда и везде Бог отмерял таланты по собственному усмотрению, а не по справедливости, как бы ни понимал ее кто-то из нас. В искусстве нет точных критериев, все определяют вкус, степень внутренней свободы и мера благородства. У Гете есть замечательный ответ на этот вопрос: когда, пишет он, мы встречаем человека, который духовно богаче нас, нам ничего не остается, как сразу полюбить его. И тогда все, что мучает, станет тебе в радость.

Но я бы эту тему повернул и в сторону бытовую. Мне понятно раздражение людей, терпящих нужду. Их сегодня необычайно много. Но мне непонятна охватывшая народ даже не зависть, а ненависть к тем, кто своим трудом умудряется сегодня обеспечить себе и своим близким пристойную жизнь. Зверская ненависть к новым нашим предпринимателям — ведь

не все же они воры, в их среде есть очень много здорово работающих и профессиональных людей. Я бьюсь в нужде — так пусть и все кругом нищенствуют! Разве это достойно человека? Разве можно желать кому-то богатому стать нищим?

Или такое. Буквально вчера я прочел в газете, что сейчас, когда фирмы, расселяющие коммуналки в старом центре Москвы, предлагают их жильцам отдельные квартиры, то и дело кто-то отказывается. Человек всю жизнь мечтал об отдельной квартире — и вдруг говорит: «Нет. Я никуда не съеду!» Почему? Да потому, что Марья Иванна получила квартиру в 22 метра, а мне дают только 20! Скандал. И теперь эти фирмы решили вносить в коллективный договор дополнительный пункт: что данные о квартире, предоставленной соседу, будут держаться в тайне...

— Вам в этом хаосе громких, диких и резких звуков еще удается расслышать музыку? Или шум времени сегодня не содержит для вас ни малюга намека на гармонию? Спрашиваю — а перед глазами картина Бориса Биргера: Новый год в его мастерской, Окуджава с гитарой, вокруг — слушают его — Войнович, Копелев, Даниэль, Чухонцев, вы...

— Да, к сожалению, старая музыка ушла навсегда. Она отзвучала — новые резкие звуки ее не успели забить. Сейчас — какое-то промежуточное положение. Но вдруг — это что-то вроде того, как оркестр перед спектаклем настраивает инструменты?..

P.S. Спустя четыре часа мы встретили Новый год — в прекрасном доме прекрасных общих друзей. В последний час уходящего года взрослые и дети исполнили «Волшебную флейту» Моцарта — целый месяц репетировали. Аня Родионова, хозяйка, в паузах меж номерами читала «текст от автора» — фрагменты писем Вольфганга Амадея, — и во всю ночь про Владимира Вольфовича никто не вспомнил. Правда, у Фазилы его имечко где-то под утро сорвалось было с языка — но он тут же и осекся, под общий веселый визг.

Было — из писем Моцарта — прочтено и такое: «Я — как бы молод я ни был — никогда не ложусь в постель, не подумав, что на другой день, быть может, меня не станет. И все же ни один человек из всех знающих меня людей не может сказать, что я мрачен или печален...»

Я невольно взглянул на Искандера. Лоб его был нахмурен. Глаза серьезные. Губы сложены в младенческую блаженную улыбку.

БЛОКАДА КАК СРЕДСТВО БОРЬБЫ С НАРОДОМ

Народ не всегда обманешь, он тонко чувствует фальшь, хотя и принужден чаще всего молчаливо с нею соглашаться, такова извечная его доля. Порою кажется, что правительства существуют для того, чтобы создавать неразрешимые проблемы, а народ обязан их решать, преодолевать. В Великую Отечественную на два с половиной года затянулась блокада Ленинграда. А была ли возможность прорыва ее раньше? Конечно, была, но Кремль преднамеренно не топился ничего предпринимать. Во-первых, Ленинград сковывал огромную массу немецких войск, отвлекая их от Москвы. Во-вторых, маниакально подозрительный Коба, все три десятилетия припадочно дрожавший за свой трон, был не прочь поубавить свободолюбивый дух питерцев и сумел целый миллион их переселить на Пискаревское и другие кладбища. «Колыбель революции» не дала ему покоя более других городов, поэтому и был устранен тянувший на первый пост в державе, не любивший криводушия Киров, замененный тут же усердным лакеем Ждановым.

Если такое мнение не убеждает в коварстве «кремлевского горца», то вспомните другой факт. В том же 1944 году, в сентябре, когда наши войска приблизились к Варшаве и готовы были к ее штурму, из Кремля прилетел сигнал «стоп!». И наши армии на несколько недель замерли в полном бездействии, дали возможность Гитлеру утопить в крови восстание поляков и в прах разрушить их столицу. В чем причина такой сверхподлости, когда сомкнулись интересы фашистов и коммунистов? Поляки торопились успеть до вступления в их столицу Красной Армии, несшей новое закабаление, вернуть из Лондона эмигрантское демократическое правительство Миколайчика. Именно этого и не желал Кремль и отдал Варшаву на растерзание, а потом, захватив руины, привел с собою так называемое «народное правительство». Красная Армия не только освобождала Европу, но и захватывала, она захватила бы и весь мир, да приходит мороз и на гжугучу крапиву, нашлась на ее силу более грозная сила, имевшая ядерное оружие, и коммунистическим стал не весь мир.

Советскую историю всегда тошнило от полной правды, и она ее попросту обхо-

дила, отражая лишь «светлые» страницы. И нечего обставлять вескими причинами невозможность более раннего вызволения города на Неве из такой ужасающей беды, такого неслыханного адского кошмара, какого не выдвигал ни один город.

В. КОЖАНОВ

*Московская область,
Болшево-4*

ОТКУДА В ШКОЛЕ «ТРАВКА»?

Тяжелое впечатление произвела на меня статья Консуэло Сегуры «Убийца известен. Но неуловим?» в 51-м номере «Столицы» за прошлый год. Вернее, не сама статья, она написана мастерски, а выводы, к которым приходит автор. Они печальны: бороться с наркотиками бессмысленно, лечение практически бесполезно. Решение проблемы — в создании общества, где наркотики не нужны.

Что же это за общество такое? Рай на земле? Или мифическое общество «развитого социализма»: то есть бывший СССР, где, как нас уверяли долгие годы, проблемы наркотиков не существовало? Но все мы давно знаем, что была и есть у нас и наркомания, и наркомафия. Об этом сейчас много пишут и говорят, правда, на мой взгляд, все же не так откровенно, как, например, о наркомафии колумбийской.

Между тем это страшное зло приобрело у нас ужасающие размеры. Мой сын учится в одной из довольно престижных московских школ, и он говорит, что практически все старшеклассники курят «травку» и у них нет никаких проблем с тем, как ее достать, — пожалуй-ста, покупай тут же, в школьном туалете, у своих же товарищей. Разве это не страшно?

Каким же образом попадает эта «травка» к простому московскому школьнику (я имею в виду тех, кто ее продает)? Каков механизм работы нашей наркомафии? Такой же, как в Колумбии? И кто вообще эти люди, травящие собственных детей?

Я понимаю, насколько опасно журналистское расследование в этой области, но все же прошу «Столицу» не отказываться от темы наркомафии в нашей стране и по возможности поднять ее на своих страницах.

В. ДУБОВА

Москва

В ДЖАЗЕ ТОЛЬКО ЖИРИНОВЦЫ

На удивление многих, наш доселе тихий приуральский город Глазов стал неожиданно объектом пристального внимания либерал-демократов. И надо сказать, что жириновцы немало преуспели в пропагандистской деятельности. В городе не проходит, пожалуй, ни одного мало-мальски значительного спортивного соревнования (мотоциклистов, бегунов, шашкистов...), не «освященного» торжественным вручением «Приза Жириновского». Не обойден вниманием и джаз девушек — он выступает теперь под эгидой ЛДПР.

Или взять, например, такой вроде бы незначительный факт, как конфликт в общежитии пединститута, где администрация ограничила время пользования душем. Ерунда? А жириновцы и здесь подсуетились и, умело разжигая страсти, собрали около ста пятидесяти подписей в свою поддержку. Студенты, правда, объясняют это теперь каким-то наваждением.

Глазовчане шутят: в городе осталось всего три островка вне влияния ЛДПР — пивбар, сауна и парная в коммунальной бане. А если серьезно, то в Глазове, конечно, есть много причин для недовольства. Взять хотя бы Чепецкий механический завод, работа на котором едва-едва теплится, утрачены также многие льготы и привилегии. В этой ситуации ЛДПР удалось заполучить более 17 процентов голосов и свыше 14 процентов в поддержку своего думского кандидата.

А что касается денег, то они всегда найдутся. Ведь подарил же один из местных бизнесменов Жириновскому 15 миллионов рублей. Странно, однако, что предпринимательство, как детище демократических реформ, столь неразборчиво в выборе партнеров и, видимо, не вполне осознает, что «твердая рука» ЛДПР чревата утратой с таким трудом добытых экономических свобод.

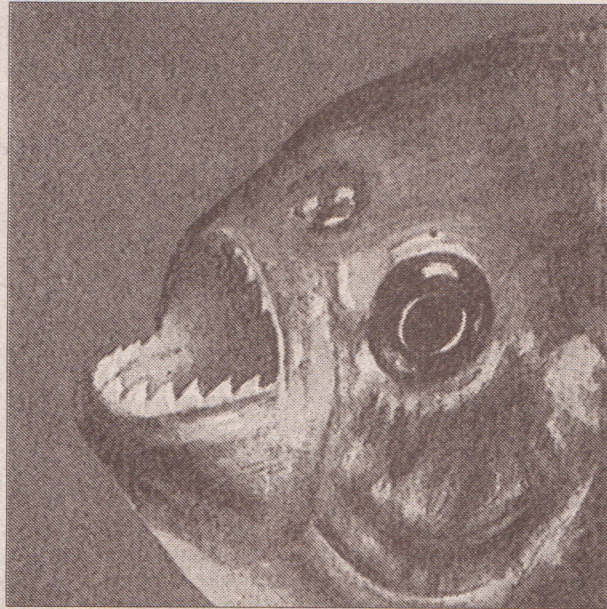
В. АНДРЕЕВ

г. Глазов

Елена АВЕРИНА

ЖИВАЯ РЫБА

Людам, которые считают, что жизнь ужасна, надо завести рыбок. И пусть снаружи жизнь действительно будет ужасна, опасна, глупа и однообразна. Внутри, дома, рядом с аквариумом, жизнь будет прекрасна, как разноцветное дно Карибского моря, и интересна, как фильм о приключениях команды Кусто. В аквариум можно смотреть так же неотрывно, как на огонь или в телевизор. С той лишь разницей, что аквариум не покажет бездарной рекламы и не сообщит дурную новость.

С одной стороны, рыбки — это как бы живность в доме, но с другой — их не надо выгуливать, они не вертятся под ногами, требуя еще немножечко «Вискас». Когда умирает собака или кошка — это горе. Над безвременно уснувшей рыбкой будет рыдать разве что неврастеник или фанатик-аквариумист, выложивший за нее большие деньги. Рыба — существо безмозглое, чего ее жалеть?

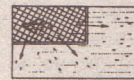
Я вот, «как и весь советский народ», жила себе спокойно, пребывая в уверенности, что рыбы вообще ничего не соображают, пока один томный аквариумный карп не зевнул мне прямо в лицо, нагло прикрыв свой рыбий глаз...

Основное достоинство рыбы, как известно, в том, что она молчит. К существующим уже на эту тему поговор-

кам аквариумисты даже добавили свою: «Рыбка умирает молча». Зато она прекрасно слышит, и поэтому, согласно народному поверью, у рыбок можно развить условный рефлекс: звенит колокольчик — значит, пора есть и надо всплывать на поверхность. Поэтому множество подростков по всей стране терроризируют родителей постоянным звоном колокольчика, свистом, энергичным пением и другими условными сигналами, но рыбки всплывают почему-то совершенно произвольно и все больше брюхом кверху.

Многие держали в детстве рыбок. И почти все бросили эту забаву. У взрослых аквариумистов все как-то масштабнее. И в первую очередь — аквариумы. Истинный аквариумист называет «аквариумом» емкость объемом более пятнадцати—

двадцати литров. Формы, вмещающие меньшее количество воды, презрительно именуются «банками».

Аквариумистика — это хобби. А у всех, кто посвящает себя хобби, не все в порядке с чувством меры. Некоторые держат в обычных московских квартирах множество аквариумов и «банок» общим объемом пять тысяч литров. Естественно, климат в такой квартире — как в джунглях Амазонки.

Приверженность к гигантизму объясняется очень просто: чем больше аквариум — тем легче в нем содержать рыб. В больших аквариумах реже надо менять воду. Долгое время даже существовала теория «старой» воды, сторонники которой были убеждены в том, что воду в аквариуме можно не менять годами. Первые несколько недель будет трудно, а потом наступит непоколебимое биологическое равновесие. Но возникли более современные исследования и опрокинули теорию «старой» воды. В настоящее время победила идея «протока». Из одного крана (водопроводного) вода в аквариум вливается, из другого (если он есть)

выливается. Ну или черпается. А хлорка — это даже хорошо, дезинфицирует.

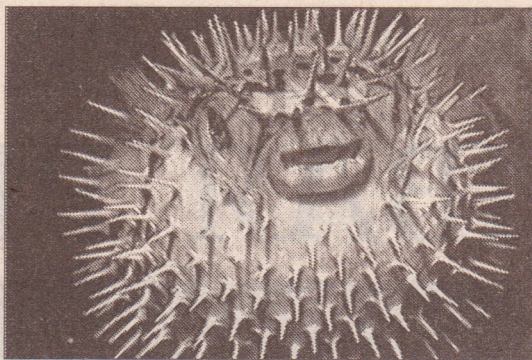
Самый красивый аквариум придумали голландцы. У этого народа вообще много прекрасных открытий (например, тюльпаны). Голландский аквариум можно созерцать бесконечно. Чтобы составить такой, надо иметь безупречный вкус. Основное в этом аквариуме — растения. Они подобраны по форме и цвету и посажены так густо, что не видно грунта. Весь этот пейзаж образует склон от задней стенки аквариума к передней. И все прекрасно видно. А отдельно надо в поте лица выращивать эти самые растения, поскольку их перечень не включает того, что предлагает наш Птичий рынок. В такие аквариумы почти не кладут коряг, совершенно не «украшают» их пластмассовыми замками и водолазами и запускают туда не более десяти видов рыбок. Голландский аквариум нынче считается «эталонном».

Существует также «немецкий» или «европейский» аквариум, который называют еще «русским». Как видно из расплывчатого названия, стиль оформления немецко-европейско-русского аквариума — неустоявшийся. Но это неважно, его все равно считают образцом дурновкусия, потому что принцип сего интернационального стиля — запихнуть в аквариум побольше всяких ракушек, камушков, корешков, злосчастных гномиков-домиков и затонувших кораблей.

Приятно, что не только всемирно признанные немецкие, голландские, чешские корифеи, но и наши специалисты занимали свою «нишу» в аквариумистике. И даже удерживают эту «нишу» до сих пор, что очень странно: клубы аквариумистов в настоящее время успешно распадаются из-за отсутствия финансов.

В Москве было два замечательных клуба, негласно конкурировавших друг с другом, — московский городской и «Нептун». Теперь они зачухли. А раньше там бурлила жизнь. В «Нептуне», например, проходу не было от посетителей, а ведущий передачи «В мире животных» Николай Дроздов в летний зной любил поплавать в огромном аквариуме вместе с карпами, молодым сомом и членами клуба. К тому же «Нептун» лет десять назад был прибежищем, тихим уголком и местом отдохновения. В том смысле, что руководство завода «Серп и молот», во Дворце культуры которого обосновался клуб, после экскурсий по цехам и прочей производственной бодяги вело зарубежные и отечест-

венные делегации прямиком в теплый и влажный «Нептун», где гостей ждали накрытые столы и где среди обитателей океанов, экваториальных рек и древних африканских озер в покое и благодати проходила неофициальная часть мероприятия.

Но это, как говорится, преданья старины глубокой. Сейчас «Нептун» преобразовался в постоянную выставку рыбок, что особых денег не приносит, потому как выгоднее всего в плане налогов продавать рыбок на временных выставках (которые, к тому же, не названы выставками-продажами). Раньше, надо сказать, приобретение рыбок с выставки считалось весьма престижным. Оформлялись документы (которые сейчас на «птичке» иной умелец может изготовить чуть ли не в присутствии клиента), все было без обмана. Кстати, на Птичьем рынке тогда еще не додумались до того, чтобы предлагать аксессуаров к аквариуму. Грунт, красивые камни и коряги начали у нас в стране продавать именно на выставках — примерно с 1968 года.

В это же время случился и продолжался еще лет пятнадцать расцвет отечественной аквариумистики. При всем при том, что новые рыбки попадали в нашу страну совершенно случайно. Привозить их из-за рубежа было совсем не так выгодно, как, скажем, одежду или обувь. Рыбки на Западе были недешевы. Там вообще все, что связано с хобби, стоит довольно дорого. Но были, были у нас энтузиасты! История сохранила имя журналиста Смирнова, который то и дело разъезжал по границам. Каждый раз он покупал новых рыбок, а в Союзе отдавал их хорошим аквариумистам. Смирнова постоянно преследовали три-четыре «хороших аквариумиста».

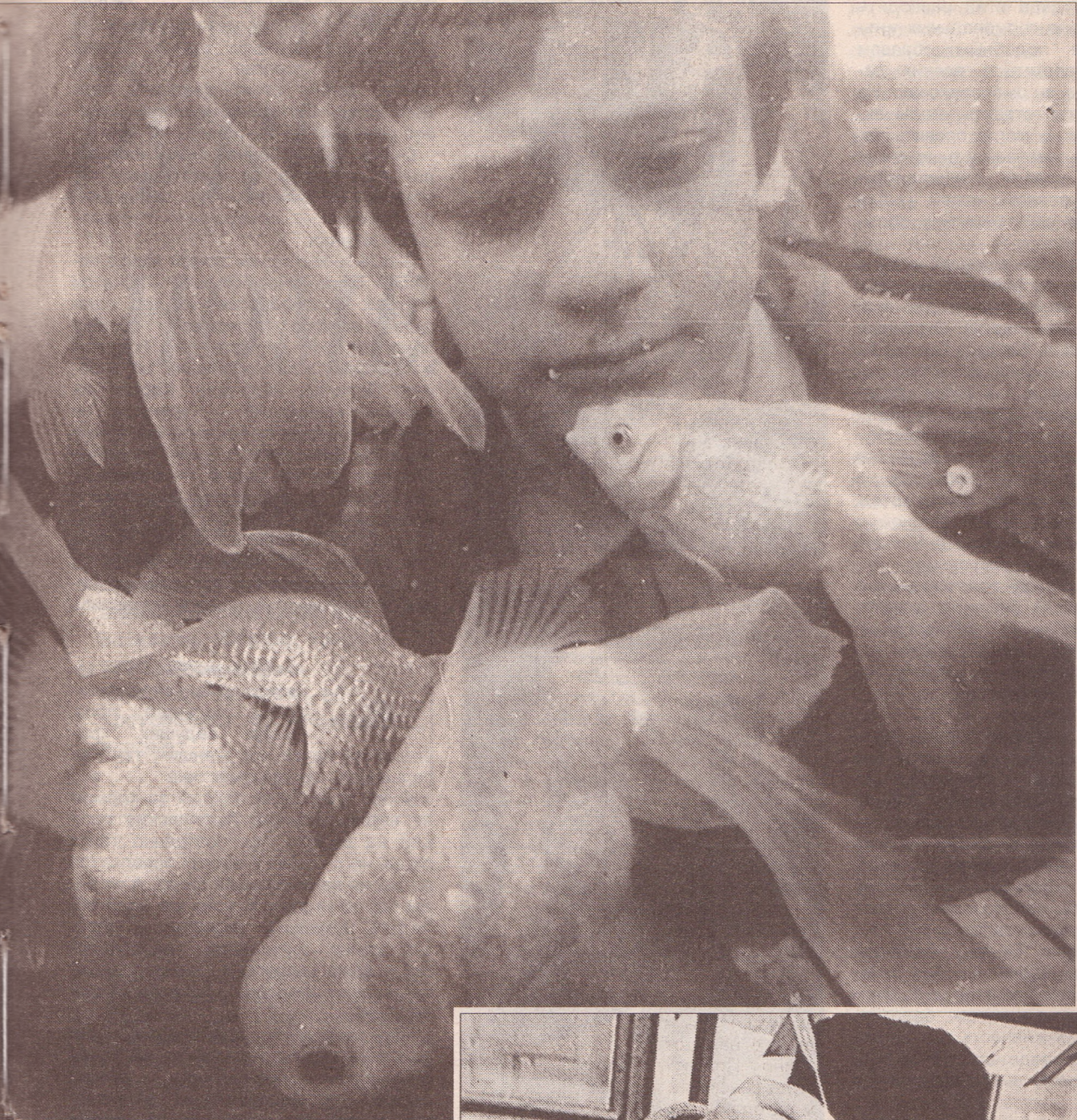

Содержать и разводить рыбок нашим энтузиастам, из-за нехватки специальной литературы, обычно помогала интуиция. Люди научились делать из обычной

жесткой воды — морскую или мягкую. И вообще, с появлением каждого нового вида рыбок подход к химическому составу воды или к корму становился все более творческим. Когда-то рыбы, которые есть сегодня практически в любом аквариуме, были огромной редкостью и гордостью аквариумистов. Те же барбусы или лабио...

Лабио (не путать с грузинским кушаньем!) раньше разводились только в Таиланде. У нас их держали по одной—две штуки самые крутые спецы. И были счастливы этим. Лабио, кстати, очень агрессивная, прямо-

таки бойцовая рыбка. Поскольку она растительоядная, то, как корова на пастбище, «держит» свое место среди водорослей, а чужаков отгоняет. Но так как в советских аквариумах всегда было не очень много места, то у нас рыбка лабио быстро перевоспиталась, перестала кидаться на всех подряд, а поступила, опять же, по-советски. Лабио стали объединяться в стайки, выбирать себе жертву и «долбить» ее до смертельного исхода. Прямо казарма или пионерский лагерь какой-нибудь.

В середине семидесятых аквариу-

мист Михаил Гудков стал разводить рыбок с помощью гормональных инъекций. Раньше подобным образом заставляли нереститься всяких сазанов и карпов в рыбсовхозах. На мой взгляд, затея ставить уколы аквариумным рыбкам могла осенить человека с очень нестандартным мышлением. Как сказали специалисты-аквариумисты, попасть иглой рыбке в нужное место действительно сложно. А что делать!

Итак, новые рыбки в нашей стране появлялись редко: всего лишь два-три вида в год (сейчас ежегодно привозят до двадцати видов). Странным образом развелся барбус. Он решительно никому не был известен, замечен был сначала в Одессе (видимо, завезли моряки). Оттуда несколько штук доставил в Москву аквариумист Леонид Кусков. Он барбусов «придержал», развел и выбросил на рынок, запросив ту цену, какую хотел. Барбус сразу стал самой модной и желанной рыбкой в стране. А Кусков, говорят, нажил целое состояние.

Конкуренция между советскими аквариумистами была бешеной, а методы соперничества — варварскими. Перед продажей редкой рыбки хозяева даже облучали и травили ее, чтобы не давала потомства.

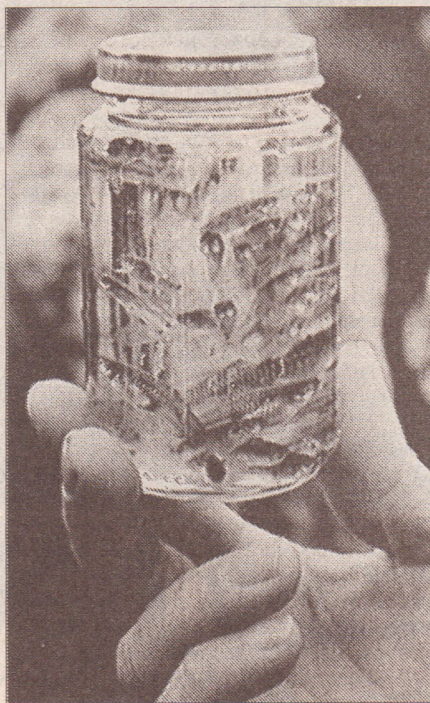
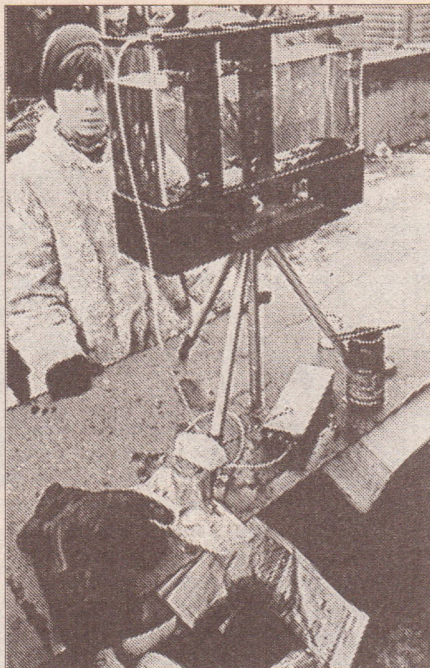

В какой-то период было выгодно вывозить из Союза традиционных дешевых рыбок. Сейчас

можно сделать капитал на корме. Западники кормят своих рыбок сухими концентратами, что вовсе не полезно. Рыбки любят червячков, и поэтому русский мотыль, провозимый через границу во влажных газетах, идет на их рынке хорошо. Почему буржуазные рыбки испытывают перебои с живым кормом, науке неизвестно. Очевидно, мотыль и другая болотно-канализационная живность там — дефицит. Не везде ведь есть такая красота неопишная, как Люблинские поля аэрации.

Мотыль — продукт нежный, он часто портится в дороге, и тогда уж весь поезд воняет, как эти самые поля. Заметим, что и в свежем виде мотыль воздуха не озонирует...

Вообще, рыбок надо кормить вкусно и разнообразно. Давать им, например, печень, сердце и другие деликатесы. Некоторые породы рыбок, лишившись этих продуктов, могут даже окраску потерять. Каждый аквариумист придумывает для рыбок свое меню. Кто-то добавляет им в корм крапиву, ряску или поливитамины. Кто-то вообще кормит хлебом. Можно наловить такой, как правило обильный — при сыром и теплом микроклимате рядом с аквариумом, —

корм, как тараканов (правда, они, как правило, токсичны).

Кроме своей молчаливости, рыбки хороши еще тем, что есть они должны немного. В природе они вообще всегда недоедают и прекрасно себя чувствуют. Но, к сожалению, рыбки чрезвычайно жадные животные, они не ведают никакой сытости, и нередки случаи, когда после щедрого кормления всеми членами семьи и их гостями у рыбок от пережора разрываются брошки и наступает сытая смерть.

Практически любую рыбку можно купить на Птичьем рынке. Самая дорогая и редкая сейчас рыбка стоит двадцать пять долларов. Суперэкзотических особей привозят из-за границы на заказ.

Очень модны сейчас сомы всех видов и размеров: от «настоящих», огромных и ужасных, до маленьких стеклянных — совершенно прозрачных и жалких.

А еще в последнее время народ полюбил электрических рыб — скатов и угрей. И приобретает их для украшения офисов. Бизнесмены вообще предпочитают держать рыб больших и солидных. Или небольших, но злобных. Пираний, например. Кормят их живыми крысытами — зрелище не для слабонервных. Но в то же время в одном аквариуме с ними спокойно плавают другие рыбки — наверное, невкусные, — опровергая все слухи о прожорливости пираний. Я все же засунула в аквариум палец, чтобы посмотреть, как хищницы накинутся на живое человеческое мясо, но пираний почему-то в панике метнулись прочь.

Аквариумистика — занятие для представителей сильного пола. Среди ведущих «рыболобов» почти нет женщин, так как серьезная аквариумистика — это тяжелый труд. Одни походы за кормом на вышеописанные Люблинские поля или на болота, где постоянно тонут люди, чего стоят! У многих появляется аллергия на нехороший запах. А от воды портятся руки. К тому же надо обладать немалыми знаниями в области химии, ихтиологии, гидробиологии и даже физики. Не каждая женская голова способна удержать столько всего.

Что характерно для спецов, которые занимаются рыбками не из одной лишь любви к прекрасному — можно сказать, профессионально занимаются, — так это сетования на то, как убыточен их бизнес. Они, конечно, скромничают. Их работа стоит их денег. Купля-продажа, нерест, корм, болотные сапоги, проклятые конкуренты, запах дерьма и — кошмар! — подъемы на заре.

О, как я понимаю тех многочисленных любителей, что рады скромной «банке» с десятком незатейливых гуппи или там неонов! И пусть иронизируют над ними мужественные бывалые аквариумисты. Главное — чтобы удалось и рыбку завести, и удовольствие получить.

Фото Б.Кремера, В.Кантора

Ксения КЛИМОВА

РУКИ

«НОМЕР ДВА»

Офис (три фанерные комнатки) и торговый зал вкупе с кладовкой составляют внутренние помещения магазина без названия. «Сэконд хэнд» — всего лишь игра в настоящий магазин, но преуспевает тот, кто играет всерьез.

Павел Константинович из подмосковного Калининграда создал не просто барахолку, а маленький мир «сэконд хэнда». Цены и вещи попали сюда из другого мира, где уже свое отработали. Теперь у них жизнь после жизни. Одежда из благополучных стран, которая видела обеспеченных хозяев, висит на кронштейнах, списанных из большого универмага. Выброшенные из ателье проката детские решетчатые манежи исполняют роль контейнеров для мелких вещей. Гениальная находка, потому что в таких контейнерах содержимое видно до дна во всем спектре цвета и материалов. Детские комбинезоны — отдельно, юбки — отдельно.

Сюда ходят люди небогатые и творческие, испытывающие трепет перед качественными вещами, способные разглядеть в мятой тряпке добротную линию и фасон. Они и несут в массы непривычную идею «сэконд хэнда». Но

на самом деле торговля из вторых рук имеет крепкие исторические традиции — на Руси всегда обожали продавать и покупать подержанное. Вот почему «сэконд хэнд», побочный брат «комка» и внебрачный сын «антиквара», у нас имеет шансы на процветание. Даже наши «звезды» в начале своей карьеры одеваются здесь. Жанна Агузарова, например, покупала вещи на Тишинском рынке.

«Сэконд хэнд» — философия, претендующая на глобальность, политика, идеология, а торговец вещами из вторых рук может стать героем нашего времени. Долой заносчивый шовинизм и советские штаны из драпполюя! Не стоит утверждать, что твоя куртка на стекловате лучше той, американской, из чистого хлопка только потому, что ее никто, кроме тебя, не носил. И пока не пришли времена гарантированного заработка на вещи первых рук, порадуемся шошным. Пробил час «сэконд хэнда».

Все это знает Павел Константинович, когда бросает на весы сверток с вьцами. Чтобы покупать штаны килограммами, надо преодолеть психологический барьер. Адаптироваться к «сэконд хэнду» помогают продавщицы, вооруженные сантиметрами. Они же обсудят с покупателями размеры детских акселератов и достоинства фигуры мамы. Продавщицы подержанного сплошь неторопливы и доброжелательны.

Основной принцип торговли «сэконд хэнда» — не вкладывать слишком много труда и денег, чтобы не повышать цену товара. Но и оставаться на уровне склада-подвала тоже невыгодно. Вещи, продающиеся в грязь, не внушают доверия. Знать, как удержаться на тонкой грани дешевой, но пристойной торговли, — значит владеть основным секретом «сэконд хэнда». Те, кто не научился лавировать, сидят на своем первом тю-

ке, купленном по случаю, и клянут капиталистов, приславших такие негодные тряпки.

Капиталисты за нашу бедность ответственности не несут. Они просто хотят избавиться от ненужных вещей. Допустим, покупает где-нибудь в Сан-Бернардино человек себе майку дикого зеленого цвета. Не успевает он помыть в этой майке машину, как жена, морща нос, заявляет: «Ты выглядишь толстым. И слегка похож на крокодила». И майка летит в благотворительный ящик. Мораль: чем больше жены критикуют мужей там, тем больше шмоток у нас здесь. «Там» — это, естественно, не только в Америке. Во многих городах Европы в людных местах стоят ящики с крышкой для сбора вещей, напоминающие теремки.

Но чтобы попасть в калининградский подвал, майка должна проделать немалый путь по складам, сначала благотворительным, потом коммерческим. На каком этапе к ее биографии подключаются коммерсанты, проследить совершенно невозможно. И ни один торговец «сэконд хэндом» не выдаст фирму, поставляющую ему товар. Он охотно покажет конкурентов, часто прежних партнеров, чуть ли не до порога конкурирующей фирмы проводит, если ты не нашел себе покупку в его подвале, но выдавать источник — извините. Рассказывают о шведской фирме, имеющей офис на Ленинском проспекте в Москве, намекают, что основные поставщики товаров к нам живут в Польше...

Главное понятие в торговле «сэконд хэнд» — тюк. Можно купить и притащить сразу контейнер, но в большинство магазинчиков в Москве и Подмосковье контейнер не влезет. Тюк развивает у торговца экстрасенсорные способности: без них нельзя, буравя тюк взглядом, оценить качество его содержимого. А содержимое может и подвести — к нам в страну попадают вещи, не побывавшие в сортировке, и внутри тюка может оказаться жуткое барахло. А может — кожа и замша.

Опытные продавцы знают, что содержимое тюка зависит от уровня благосостояния и социальной защищенности граждан той страны, откуда вещи прибыли. Выбрасывают там, где уверены в завтрашнем дне. Истинные «сэкондхэндисты» ценят послания из Швеции, Голландии, Австрии. Кроме данных об уровне благосостояния внутри тюка можно обнаружить косвенную характеристику некоторых психологических черт нации, чьи представители избавились от ненужного. Тюк немедленно выдаст американскую, сродни нашей, небрежность: вещи из Штатов могут оказаться грязными, хотя и совсем новыми.

Французскую прижимистость: в тюке может обнаружиться одежда 60-х годов — здесь ее оценят поклонники «ретро»-стиля. Английская аккуратность тоже окажется на виду: штаны из Англии часто снабжены колечком для ключей на кармане.

Некоторые торговцы «сэконд хэндом» любят рассказывать сказки о золотых цепочках и других ценных вещах, якобы обнаруженных покупателями в карманах поношенной одежды. Они полагают, что сказками можно привлечь внимание к своему товару. На самом деле в кармане каждой вещи должен лежать документ, свидетельствующий о ее качестве и о том, что вещь была обработана химическими парами. В большинстве случаев и лежит, когда товары едут не в нашу страну, а, например, из Дании в Африку. Но перекупщики, работающие на русский рынок, хватают одежду кучами без всякого сертификата. И тогда уже сортировка це-

ликом лежит на Павле Константиновиче или другом торговце. Часть одежды пригодна только для ветоши. Часть — для благотворительности: когда старушка не в состоянии оплатить кофточку, возможно, ей сделают подарок из вторичных запасов «сэконд хэнда». И лишь третья часть, самая весомая (как надеются коммерсанты), поступает в продажу по цене 5—9 тысяч за килограмм.

В Калининград к Павлу Константиновичу за вещами «сэконд хэнд» приезжают из Москвы. И в великий День Открытия Тюка еще до начала работы под дверями подвала выстраивается очередь. Чтобы узнать, когда придут новые тюки, разведчики неустанно звонят по телефону и интересуются елейными голосами. Естественно, дотошным достается лучшее. После краткой схватки в переполненном торговом зале они радостно утаскивают совсем новые вельветовые брюки. «Сэконд хэнд» — штука чрез-

вычайно азартная.

В первый же день продается 60 процентов веса всего тюка, и наступает период сонного спокойствия до новых поступлений и очередного ажиотажа. Рэкет не нарушал покоя подвальчика. Но не потому, что не интересуются, а потому, что сегодня любой нормальный торговец еще до открытия своей точки позаботится о «прикрытии».

Те, кто везет «сэконд хэнд» в массы и намерен угнездиться за 100 километров от Москвы, как торговцы несколько ненормальны. Не рвачи, не ждут быстрых денег, тепло относятся к конкурентам. Как правило, начинают складчину, купив контейнер. Потом партнеры разбегаются по мере поступления в их распоряжение подвалов и уголков в больших магазинах. Могучий ныне «РЭМ» начал с торговли подержанными вещами.

Но далеко не всякий «сэконд-хэндист» мечтает стать воротилой бизнеса и послать подальше ношенные тряпки. Торговцы из вторых рук демократичны и бескомплексны. Они охотно берут в обучение будущих конкурентов, и те работают как мастеровые «в людях» в эпоху раннего капитализма. Иногда фирма-поставщик ставит условием сотрудничества такие уроки. Поставщики Павлом Константиновичем довольны. И он доволен партнерами: всего один тюк с гнильем. Приехав и убедившись, что вещи сгнили, поставщики немедленно вернули деньги.

Опыт работы «сэконд хэнда» приучает не слишком полагаться на сухую обработку за рубежом и немедленно после покупки бросать вещи в стирку. Ясно, что у нас «сэконд хэнд» — находка для рукодельниц. Приложит ли кто-либо руки к этим вещам за рубежом — вопрос не владельцу маленького магазинчика, а государственным мужам, определяющим развитие торговли в стране.

Однажды вьюжным вечером у дверей подвала затормозил «Вольво». Павел Константинович напрягся: неужели все-таки за данную пожаловали? Но возможный рэкетир повел себя странно. Молодой мужчина в кожаной куртке, явно не бедный, задумчиво окинул взглядом кронштейны и контейнеры с одеждой, вынул руки из карманов и... запустил их в кучу трикотажа. Выяснилось: жена купила здесь дочке два комбинезона: один красный, другой желтый. Теперь ребенок хочет шапочку с красно-желтыми полосками или свитерок в цвет. Поищем, пороюдем, подождем. Да здравствует «сэконд хэнд»?

Фото Н. Преображенской

Елена
САЛИНА

Фото Э. Кузрявского
Юлия Балакина

ОХОТА ЗА СКАЛЬПАМИ,

или Бухгалтер, где ты, мой бухгалтер?

По ночам Юле снятся бухгалтеры.

Вот высокий, светловолосый мужчина, достаточно молодой, но с опытным, все понимающим взглядом, уверенно подходит к ее столу и четко произносит: «Я — бухгалтер».

Удар молнии, вспышка света, сладкий миг надежды. «Ду ю спик инглиш?» — замирая, спрашивает она. Американская улыбка растягивает красивые мужские губы. «О-о, йес», — с легким калифорнийским выговором отзывается бархатный голос.

Ради таких мгновений стоит жить.

Потому что бухгалтер со знанием иностранного языка — это «крупняк», это песня, это фантастика. Это порода специалистов, которая в России пока еще не выведена. Мама, роди меня обратно.

И какой же русский не мечтает сегодня поработать в инофирме! Считается, что это (загибайте пальцы): денежно, комфортно, престижно, наконец, просто приятно. В общем, сплошные плюсы. Хозяин тебе каждое утро: «Как я рад вас видеть» — и — шлеп! — презент на стол. А ты ему: «Сорри, мистер, но сегодня у меня опять болит голова».

Оказывается, подобные картинки рисуются в головах 95 процентов наших сограждан, желающих получить место в инофирме. И только 5 человек из 100 могут реально претендовать на это самое место. Таково мнение психолога Юлии БАЛАКИНОЙ, руководителя службы подбора кадров санкт-петербургского отделения консалтинговой фирмы «БизнесЛинк».

— Юля, в чем дело? Иностранцы настолько привередливы? Или наши люди совсем уж ни к чему не годны?

— Иностранцы, конечно, привередливы, но в меру. Часто их удается уговорить поступиться какими-то требованиями, явно невыполнимыми. Например, найти молодого специалиста с пятилетним стажем работы в западной фирме практически нереально. Они у нас еще не выросли. И молодые ребята хоть с каким-то опы-

том все пристроены. Они уже на должность, скажем, торгового агента не пойдут. Им хочется что-то получше, типа регионального менеджера. Это то, что мы называем «крупняк».

А есть должности попроще. Много заказов поступает на секретарей. Тут обязательно знание компьютера и делопроизводства, разговорный английский, приятная внешность — это нормальные требования. Желających работать — масса. Приходят хорошие, симпатичные девочки, но без языка. «Вот если вы гарантируете, — говорят, — что меня возьмут, я запишусь на курсы и подучу». Я им отвечаю: «Ваш будущий шеф хочет, чтобы вы его однозначно понимали с первого же дня. Сначала подучите, а потом приходите к нам снова...» Многие не возвращаются.

— Такова наша жизнь. Все мы десятилетиями учили языки, но никогда не имели практики...

— Правильно. Тем не менее я много работала с финнами и не встречала ни одного сотрудника приличного уровня, который не знал бы русского языка. Как минимум, разговорного. А у нас не принято запастись знаниями впрок. Хотя тоже бывают исключения.

Недавно я познакомилась с потрясающей женщиной, бухгалтером. А на бухгалтеров, особенно знакомых с аудиторской работой, у иностранцев колоссальный спрос. Но наши отечественные бухгалтеры вообще не говорят по-английски. Так вот эта женщина закончила в Петербурге аспирантуру (а сама она из Сибири, откуда-то издалека). 32 года, внешне — настоящая красавица, такая милая, мягкая. Когда она поняла, что без языка ей не обойтись, пошла на филфак, там закончила два курса, идеально выучив английский. Потом — курсы повышения квалификации, где готовят аудиторов. То есть человек долго и сознательно шел к своей карьере — таких мало.

— Знания плюс язык плюс внешность — этого достаточно, чтобы занять вакансию?

— Не всегда. Очень многое зависит от «интервью», на которое приглашается соискатель. Наши люди, к сожалению, совершенно не умеют себя подавать. Вместо того чтобы убедить работодателя, как он хорош, человек начинает говорить: «Да, вот в этом я не силен, этим вообще не занимался».

— По крайней мере, это честно.

— Да, но существуют определенные правила игры. Ни в коем случае нельзя ругать прежнюю работу. Лучше сказать, что не устраивал личный статус. Иначе фирмач может предположить, что и его фирму вы потом станете поливать грязью.

Средняя шкала расценок при оплате труда в инофирмах (в долларах США), по данным консалтинговой фирмы «БизнесЛинк»

Секретарь в приемной — 150—250;
референт — 200—250;
программист — 150—600;
водитель-механик — 150—400;
бухгалтер — 100—400;
главный бухгалтер — 300—1000;
агент по продажам — 100—500;
торговый представитель — 150—600;
юрист — 900—1000;
менеджер — 700—1000.

Постараться показать себя человеком общительным — торговый представитель, например, должен убедить клиента, что на него можно положиться.

Не все согласны с тем, что работать придется, скорее всего, не 8 часов в день, а гораздо больше. Сразу говорят: «Мне далеко добираться». Это тоже своеобразный показатель.

Очень важна заинтересованность именно в этой работе, весьма ценится лояльность конкретной организации. Один мой парень, Валера, который прошел на «Жилетт», перед «интервью» просто пробежался по магазинам и посмотрел, какие бритвы есть в продаже: наши, западные. Уже появилась тема для разговора. Если человек ничего не знает о фирме, куда идет работать, это говорит только, что он абсолютно в ней не заинтересован.

— А к внешнему виду какие могут возникнуть претензии?

— Тут многого не требуется. Аккуратность, строгий костюм — вот и все. Если журналист или компьютерщик может позволить себе ходить на работу в джинсах, то для клерка костюм — спецодежда. Я не видела ни одного западного менеджера, который пришел бы в офис в свитере. Когда два года назад одна голландская фирма подобрала себе наших девушек, первое, что она сделала, купила им всем костюмчики для работы.

— Всем одинаковые?

— Это не выглядело униженным. Им сказали: вот наш фирменный цвет, а блузочки вы можете носить, какие хотите. Причем это действовало буквально месяц-два, пока девочки не получили приличную зарплату и не смогли купить себе другие хорошие вещи.

Кстати, устраиваясь на работу, не следует слишком жаловаться на свою

прежнюю нищенскую зарплату. Фирмач этого не поймет — у него другая психология. Там зарплата может различаться не сильно, на какие-то проценты. Человек зачастую готов потерять пять процентов зарплаты ради, скажем, профессионального роста.

— Что ж, поговорим о деньгах. Работа в инофирме действительно сулит золотые, то бишь валютные, горы?

— Я бы так не сказала — все очень относительно. Сейчас есть отечественные предприятия, которые по оплате сравнялись с западными. В то же время разные иностранные фирмы могут оплачивать одинаковые должности совершенно по-разному, бывает отличие в 6—8 раз.

— Но русским сотрудникам все-таки платят значительно меньше, чем своим?

— Это однозначно. И нам грех жаловаться, пока сама страна не разберется с оплатой труда своих граждан. Какова страна — такова и оплата.

— Наши люди чувствуют себя ущербными?

— У кого хватает ума реально оценить ситуацию, тот с этим мирится. Правда, некоторым сотрудникам платят по западным меркам. Особо ценные специалисты — главные бухгалтеры, региональные менеджеры (русские директора), юристы, консультанты в консалтинговых фирмах — могут получать и три, и четыре, и шесть тысяч долларов.

— Но, в массе, отношение к русским сотрудникам не слишком уважительное?

— Иностранцы все время ждут каких-то подвохов, неприятностей. Финны, например, старательно выведывают, как наши работники относятся к алкоголю. Бывает очень смешно. Парню 28 лет, чистенький такой, хорошенький, кожа розовенькая, как у

младенца, а его спрашивают: пьете?

— Ну, финны-то у нас сами оттягиваются, будь здоров.

— Конечно, люди встречаются разные. Но я никогда не видела, чтобы фирмач, нанимая даже безусого мальчишку, не встал бы, не пожал ему руку, не улыбнулся. Если он будет невежлив, получится, что его зря учили.

А вот наши люди совершенно не желают улыбаться! Некоторые считают, что для секретарши унижительно пожать кофе. Ну, не хочешь этого делать — забудь об инофирме.

— А как у иностранных шефов насчет того, чтобы переспать с секретаршей?

— Я такого не слышала.

— Душевные качества наших соискателей хоть сколько-нибудь волнуют практических фирмачей?

— Обязательно. Все же не замыкается на 8 часах работы в офисе. Бывают командировки, когда придется вместе выезжать в тмутаракань, спать с клопами и питаться консервами. Даже первые «интервью» это показывают, если из четырех абсолютно равных кандидатов фирмач выбирает того, кто ему более симпатичен просто как человек.

Приезжает финский директор и берет высокого, в очках. Потом выясняется, что у него на фирме все высокие, в очках и жутко интеллигентные. На другой фирме у всех работающих какое-то безумное чувство юмора, едкое, колкое. На «интервью» просто стоял хохот. Они нашли друг друга — финский директор и русский замдиректора. Даже внешне оказались похожи: невысокие, кругленькие, лысоватенькие.

— Получается, что на нашем рынке труда образовались сейчас два мощных, направленных навстречу друг другу, потока, которым, тем не менее, довольно трудно пересечься. С одной стороны, масса неустроенных, жаждущих лучшей доли потенциальных работников, а с другой — огромное количество неудовлетворенных работодателей-иностранцев. Между ними — консалтинговые фирмы вроде вашей, которым тоже хочется заработать. А где гарантии, что все останутся довольны?

— Мы берем деньги только с заказчика и только в том случае, если он принял нашего кандидата на работу. Это всегда закладывается в контракт. Когда клиент попадает в «тяжелый», договариваемся, что он заплатит, допустим, через месяц, три, полгода. Если рекомендованный нами сотрудник ушел или его уволили раньше, мы бесплатно оказываем ту же услугу снова. Но полгода — это

для очень серьезных партнеров.

— Как вы заполняете свой банк данных?

— Самый простой путь — наши объявления. Типа: требуются кадры в такую-то фирму. Но если три года назад, когда я начинала этим заниматься, на объявления могли откликнуться 400—500 человек, то сейчас приходят 10—20. Многие уже устроены, и вообще народ стал более информированным.

Второй путь — личные контакты. Тем, кого я уже устроила, я всегда могу позвонить, поболтать, спросить, не нужен ли еще кто-то. Они, в свою очередь, порекомендуют нашу фирму друзьям.

Опять же переманивание. Да, идет настоящая «охота за скальпами», когда сильный специалист кочует из одного места в другое. Ведь если я увижу такого человека, я от него просто так не отстану.

Можно по институтам пройти в «дни карьеры». Сейчас выпускники встречаются очень сильные, но, как правило, они уже устроены. Студент, который не подрабатывает, большая редкость. Так и мечемся туда-сюда.

— А отечественные предприятия в подобных услугах не нуждаются?

— Звонят, спрашивают — платить не готовы. То есть идея квалифицированно подбирать кадры уже созрела,

но до того, что это стоит денег, еще не досрели. Кроме того, нашим часто требуется не сам профессионализм, а профессиональная изворотливость. А для бухгалтера «левые» деньги — это криминал. Зачем хорошему специалисту уголовщина, если за те же деньги он сможет спокойно работать в западной фирме?

— Цены на ваши услуги стандартны или как-то варьируются?

— К каждому клиенту подход, естественно, индивидуальный. Но цены зависят, скорее, от величины заказа и качества должностей. Ведь секретарь в приемной и личный секретарь, фактически помощник, — разные вещи. Если заказ крупный, применяется система скидок.

Проще и приятнее работать со старыми клиентами. С новыми бывают проколы, сразу не поймешь, что именно им нужно. Описание должностей стандартно, там нет нюансов.

Как правило, инофирма сначала открывает здесь офис, нанимает 3—4 сотрудников, а потом начинает разрабатывать и обращается к нам опять. Вот сейчас «Кока-Кола» собирается строить завод в Петербурге. Мы получили заказ на 240 человек. Будем искать.

А потом я оказалась на «битве гигантов». Московское отделение «Биз-

несЛинк» тоже подыскивало себе руководителя кадровой службы. В тот день как раз пришла одна из претенденток — молодая женщина-психолог, которая до сих пор занималась именно подбором кадров, но индивидуально. И Юлия Балакина, специально вызванная из Санкт-Петербурга, должна была провести с ней собеседование.

О, это было грандиозное действо. Невидимые пух и перья так и носились по кабинету, закрученные интеллектуальным тайфуном неземной силы. Два с половиной часа жесточайшего допроса с пристраиванием, замаскированного под дружескую беседу за чашкой кофе, пролетели мгновенно. Ей-богу, претендентка выглядела очень достойно.

— Вы, конечно, ее возьмете? — спросила я по окончании экзекуции.

— Боюсь, что нет, — вздохнула Юлия. — Она пользуется устаревшими методиками, она совсем не интересовалась, как работаю я. Наконец, в ее характере видна некоторая агрессивность — она не сработается с девочками, сидящими на картотеке. А мы их очень ценим.

Мне оставалось только позавидовать тем девочкам.

«Московские огни» — кому они светят?

Что такое социализм с человеческим лицом, мы так и не поняли и не узнали. Но, однако, и с капитализмом у нас не очень-то получается. Рассказываю. Решили мои знакомые купить квартиру. Фирм по недвижимости в Москве, как известно, хватает. И все гарантируют высшее качество обслуживания. Но оказалось, что лишь на бумаге. В одной конторе с ходу потребовали денег только за то, чтобы включить потенциальных покупателей в списки, в другой попросили серьезный залог, в третьей вообще накричали так, что непонятно было, кто кому услуги оказывать должен. Все эти мытарства продолжались до тех пор, пока кто-то не посоветовал обратиться в фонд недвижимости «Московские огни».

После хамства в многочисленных сомнительных конторах вежливость и компетентность работников фирмы «Московские огни» приятно удивляет. Впрочем, ничего особенно удивительного в этом нет, так как одним из первейших критериев приема на работу в фонд является наличие высшего образования и умение общаться с людьми. Прежде всего клиентом занимается юридическая группа, специально созданная в фирме для консультаций и юридической поддержки продавцов и покупателей. Вам досконально объяснят все ваши права и возможности и предостерегут от различных неожиданностей.

После этого ваши данные закладывают в компьютер. Для того чтобы не захлебнуться в потоке информации, поступающей от агентов и клиентов, фирма работает по специальной компьютерной программе «МАКЛЕР», которая уже приобрела популяр-

ность среди серьезных фирм Москвы. Система «МАКЛЕР» позволяет не только свободно ориентироваться в огромном количестве заявок и экономит драгоценное время, но и предостерегает от недобросовестных партнеров, что, естественно, очень важно.

Кроме всего прочего, «Московские огни» отличает от других фирм по недвижимости дифференцированный подход к клиентам. Рассматриваются заявки от всех категорий граждан — от богатых и не очень. В зависимости от возможностей покупателя подбирается и соответствующая квартира и определяется процент комиссионного сбора. Но в любом случае он не превышает пяти процентов, тогда как в большинстве других фирм он составляет не менее восьми процентов.

В перспективе работы фонда — международное сотрудничество с подобными фирмами США, Германии и Кипра. В скором времени через «Московские огни» можно будет запросто прикупить квартирку, например, в Хьюстоне или Гамбурге. Но это в будущем.

А пока могу сказать одно: при покупке или продаже квартиры обращение в фирму по недвижимости неизбежно, так как только там вы сможете избежать обмана и прочих неприятностей. А вот какую выбрать — это уже вопрос. Я лично настоятельно рекомендую фонд недвижимости «Московские огни».

Юлия ТРАНКВИЛИЦКАЯ

Тел.: 206-80-48, 206-81-41.

ПОВЕРИМ АЛГЕБРОЙ ИСТОРИЮ

Российская история завершится в 1999 году?

...Прошлым летом мы заключили пари. Он утверждал, что в районе 19 сентября произойдут события, которые повлекут за собой оформление новых институтов власти. Я лишь красноречиво пожимал плечами. В результате автор этих строк проиграл.

Евгений Андреевич НИКИФОРОВ — не честолюбивый последователь Нострадамуса, как вы было подумали, а научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Не так давно, посетив его вновь и поставив на стол оговоренную ставку пари в виде двух бутылок пива, я положил рядом диктофон, чем несколько смутил Евгения Андреевича. Однако после недолгих раздумий и моих горячих заверений в несомненной увлекательности рассказа о методике подобных прогнозов он согласился начать монолог, добавив: «Ладно. Пусть сейчас засмеют, зато потом убедятся во всем сами».

«Свои выводы я сделал уже давно, и то, что сейчас происходит, для меня было очевидным еще двадцать лет назад. Подобно тому, как астроном ждет взрыва сверхновой звезды, я сидел и ждал, когда произойдут эти события. Как наблюдателя, меня интересовало уже их конкретный ход...»

Я начал заниматься историей в конце пятидесятых. Тогда моей темой была русская мануфактура XVII века. И когда я изучал проблемы русской мануфактуры, то обратил внимание на совершенно потрясающую вещь. А именно на то, что социально-экономическая ситуация, которая наблюдалась в России в семнадцатом веке, однотипна или, строго говоря, изоморфна той ситуации, которая была в России во второй половине девятнадцатого века. И там и там государство, с одной стороны, допускало развитие рыночных отношений снизу и насаждало монополию сверху. Такая же ситуация повторилась в период нэпа. Ну и потом это все имело место уже при «перестройке». Выяснилось, что в русской истории случаются некие повторяющиеся инварианты. Постоянно воспроизводится одно и то же».

Тут Евгений Андреевич припомнил Ленина, который попытался изменить общество, но без успеха: воспроизвелась та же система, только в куда более худом варианте.

«Следовательно, решил я, где-то здесь Лениным была допущена методологическая ошибка. Надо ее найти. Я бросил свой семнадцатый век и стал заниматься Лениным. И вывод мой был весьма печален: не человеческое это дело — общество менять. Оно меняется само. Есть объективные процессы, в которые человек вмешиваться не может.

Общество — это органическая система. А любая органическая система

— человек, собака, амеба какая-нибудь — рождается, развивается, потом начинает стареть и умирает. То же самое происходит и с обществом. Отличие общества от биологических систем состоит в том, что оно иначе размножается. После разложения и гибели оно порождает новое общество, которое проходит точно такой же цикл. Но бывают ситуации, когда общество гибнет вообще. Как это произошло с Древним Египтом, Римом. Сейчас очень модно такое понятие, как пассионарность. Его ввел гениальный Лев Николаевич Гумилев. Пассионарность — это жизненная сила, которую со временем общество теряет».

Если обратиться непосредственно к русскому социуму, то, как утверждает Никифоров, тут следует выделить три стадии, а точнее, три разных общества, которые рождались, развивались, умирали. Гибель каждого очередного общества раньше называлась «смуты».

Итак, первым было Древнерусское общество, начало существования которого — примерно 882 год (взятие князем Олегом города Киева).

«Где-то в тринадцатом веке оно начинает разрушаться. Происходит, как говорил историк Сергей Михайлович Соловьев, отделение государственности от родового строя. Продолжается это до семнадцатого века. Потом, по окончании смуты в 1613 году, возникает Российское общество. Где-то до середины восемнадцатого века идет его становление, затем начинается разложение. После полного его развала в 1917 году и по окончании гражданской войны появляется социалистическое общество. Оно развивается до середины пятидесятых годов и примерно после двадцатого съезда начинает разрушаться до полного

краха в 1991 году. Сейчас у нас новое, четвертое общество, которое тоже, естественно, погибнет. Заметим, что все эти общества сменяют друг друга с ускорением. Первое просуществовало около семисот лет. Второе — около трехсот. Третье — семьдесят с небольшим. Можно ли по имеющимся трем точкам определить четвертую? Можно. Это сходящаяся геометрическая прогрессия. Значит, следующий этап составит около семи лет.

Возьму на себя смелость сказать точнее — шесть лет и девять с половиной месяцев.

Складывающийся ныне постсоциалистический режим будет формироваться до мая 1995 года, после чего начнет разлагаться до полной гибели, в конце 1998-го. Следующее, пятое общество должно будет существовать всего 0,155 года (или около двух месяцев). Но такое просто невозможно, потому что должно происходить формирование нового менталитета и новых материальных связей. Так что о таких сроках говорить просто несерьезно. Следовательно, далее 1999 года русская история не экстраполируется».

Помолчав где-то с минуту, я вдруг вспомнил, с чего, собственно, начался весь этот разговор, и произнес: «Хорошо. Но каким образом вы все-таки вычислили сентябрьские-октябрьские события?»

«Попробую представить упрощенную схему. Надо взять эти 6,8 года, отведенных постсоциалистическому обществу, и поделить пополам. Это будет два периода — развитие и разложение. Но и развитие имеет свои периоды: условно говоря, детство, отрочество. То есть получившееся число 3,4 надо тоже поделить примерно пополам. Нынешний этап начался с образования СНГ, с 1992 года. Совершив простые арифметические действия, мы находим конец сентября 1993 года. То есть дату, когда этот режим вступил в пору полноценного созревания. Все это, конечно, очень грубо. Могут быть отклонения туда-сюда, но мы же ведем речь просто о расчетной точке».

Меня, «как и всех россиян», естественно, чрезвычайно интересовало, что же произойдет с нами после 1999 года.

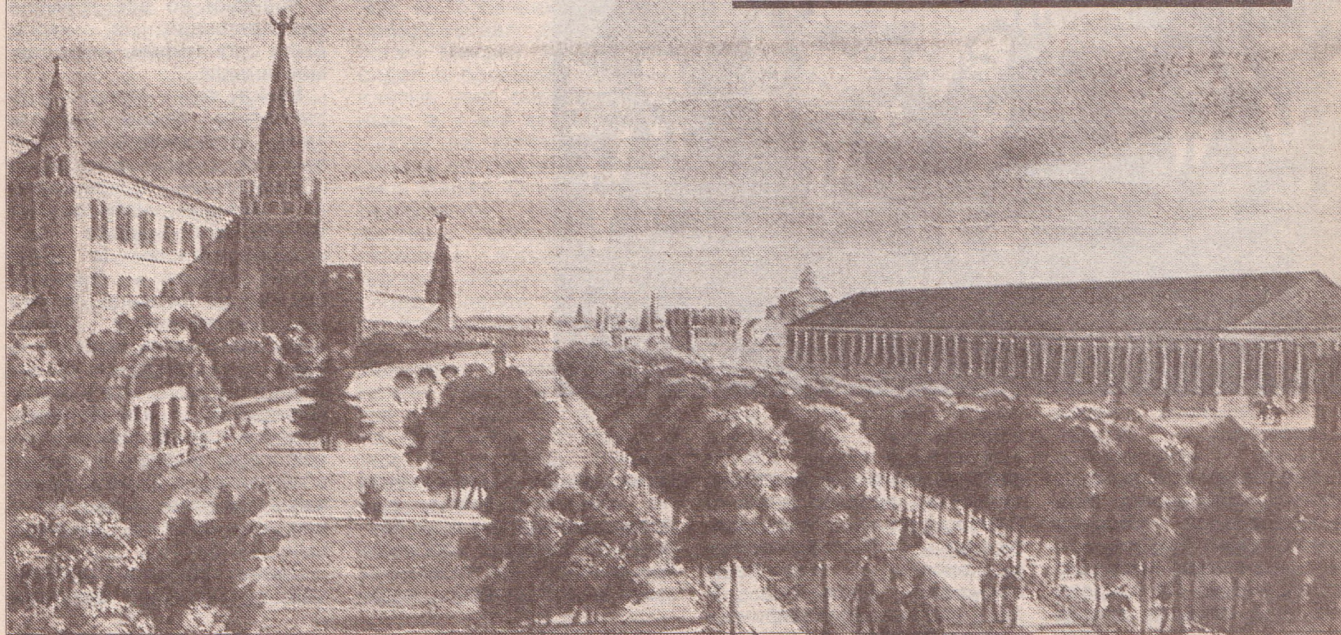
«Мне пока трудно ответить на этот вопрос, — сказал Никифоров, — я еще не нашел нужную методику. Впрочем, думаю, тут всего два варианта. Либо с этим обществом произойдет мутация, то есть изменение генотипа, либо оно окончательно погибнет...»

Бог с ними, с двумя проигранными бутылками пива. Я больше с Никифоровым не спорю. Однако если есть желание — ради Бога. Благо, дожидаться предсказанного совсем недолго. Надеюсь, с концом российской истории пиво не исчезнет с лица Земли.

Алексей БЕЛЯКОВ

Алексей МИТРОФАНОВ

Манеж

Манеж. 1825 год

Манеж — слово детское. Деревянная клеть с вертикальными планками, предназначенная специально для взращивания спиногрызов. Когда же спиногрыз произрастет, он вырвется из клетки, станет неконтролируемым, обязательно обидит чем-нибудь родителей и, может быть, сломает собственный манеж. Есть в Москве помпезное строение, словно детская клеть, обнесенное со всех сторон вертикальными колоннами. Называется оно — Манеж. В отличие от устройства, которому был посвящен первый абзац, — с большой буквы. Кажется, в этом и все их различие. Хотя тот Манеж и предназначен был первоначально для воинских учений и парадов, хоть назывался он похабно — экзерциргаузом, однако там произрастали и цвели всякие начинания, вырываясь потом за пределы Манежа и уступая то помпезное строение иным починам. Словно манежик из пункта проката вещей. К нему и относились как-то несерьезно. В частности, тургеневский Николай Артемьевич Стахов из «Накануне» был уверен, что посвистывать можно лишь у себя на даче и, конечно же, в Манеже.

«Огромный экзерциргауз, среди еще свежих развалин Москвы и подле университетского скелета, являет одну из причин, вредных благоденствию России. Вид этого огромного гроба рассудка противен душе и заставляет невольно пожалеть о достоинстве человека». Так писал в дневнике другой Тургенев. Николай Иванович, будущий декабрист. Его возмущало, что восстановление города начали с милитаристского объекта. Не ведал будущий соучредитель Северного общества, что Манеж — понятие широкое.

В основном же тот объект воспринимали как очередное чудо света. «Все с любопытством смотрят на сие необыкновенное здание», — писал А.Малиновский в «Обзрении Москвы». И было с чего. Как всякое чудо, мало-мальски себя уважающее, оно приковало к себе внимание практически всех сословий — от мала до велика. Разумеется, до сих пор осталась неразбериха с авторством Манежа. То ли Бове, то ли Бетанкур. То ли Бетанкур, то ли Монфер-

ран... Конечно же, возникло недоразумение с фасадом — его хотели разукрасить всякой героической символикой, но Осип Бове как главный архитектор фасадической части Комиссии для строения Москвы воспротивился: «На площади, где находится университет, не должно быть знаков войны. Здесь властвует наука».

Но главное в том, что над всем Манежем — шириной сорок пять метров — удалось навесить крышу без промежуточных опор.

Однако не везет московским чудесам. Уцелел, пожалуй, лишь Иван Великий. Невесту его, Сухареву башню, поломали. Сестру невестину, церковь Архангела Гавриила, молнией порушило. Даже «пост N 1» — и тот недавно сняли.

Не повезло и Манежу. В 1957-м его реконструировали — и застолбили пространство. Слабоваты оказались против мастеров прошлого века.

Играл первый бал. А точнее, парад. Торжественный, высокопарный. В честь победы над Наполеоном. И пролаивались отрывистые команды,

Печально знаменитое посещение Н.С. Хрущевым выставки в Манеже 1 декабря 1962 года

и блестили солдатские «Георгии» довольных бойцов-победителей, подчас надетые самим Кутузовым.

Но закончился праздник, и пошли учения. По очереди — то одна часть, то другая. «Завтрашнего дня имеют быть ученья... С 12 до 2 часов пополудни 3 батальону разводное к Экзерциргаузе». И так — каждый день. Словом, имелось от чего страдать нарождающимся декабристам. Один из них, Сергей Муравьев-Апостол, будущий руководитель восстания Черниговского полка, раз даже не выдержал и забунтовал прямо в Манеже — вступился за солдата, приговоренного полковником к наказанию розгами. Все настолько удивились, что солдат был сразу же прощен, а брат Сергея, Матвей, также известный декабрист, поцеловал смутьяну руку.

Но прошли декабрьские события, и Манеж стал понемногу обретать уют. Все реже там гремели полковничьи команды, все чаще там устраивалось нечто для досуга москвичей. В частности, традиционные до недавнего времени выставки бывали там еще до революции. Первая, о которой известно краеведам, проходила в 1831 году. «Здесь показывается модель предполагаемого быть вместо Москворецкого чугунного моста удивительной конструкции», — писал путеводитель.

Затем, в 1852 году, «была

открыта в Москве выставка сельских произведений в Экзерциргаузе», организованная Императорским московским обществом сельского хозяйства. В 1867 году — Этнографическая выставка с показом одежды, жилищ и ремесел народов России. Через 5 лет — Политехническая, к двухсотлетию со дня рождения Петра Великого.

Здесь проходили Первая международная выставка автомобилей и велосипедов, Морская выставка, тут показывали Александровскую колонну, выполненную из консервных банок фирмы Коркунова — такой была реклама в начале нашего столетия. И больше чем полвека здесь регулярно проводились выставки цветов, а также овощей.

Званные обеды, народные гулянья... Правда, их качество возмущало эстетов: «Убранство манежа довольно-таки безвкусное, — писал И.Щеглов. — Сатира очень невысокой пробы. Тут был и «пожарный с кумой», оба изрядно подвыпившие, и художники-декаденты с дикими физиономиями и таковыми же картинами на высоких шестах, и даже «ассенизационные бочки», к счастью, без запаха. Сатира, например, на московские «дешевые бани» изображена так: идет толпа простого люда, набранного тут же из зрителей, с узелками в руках и с носами, вымазан-

ными сажей; а карикатура на извозчика-лихача еще проще: взятый с улицы первый попавшийся оборванный ванька ехал по манежу, умильно ухмыляясь и, види-

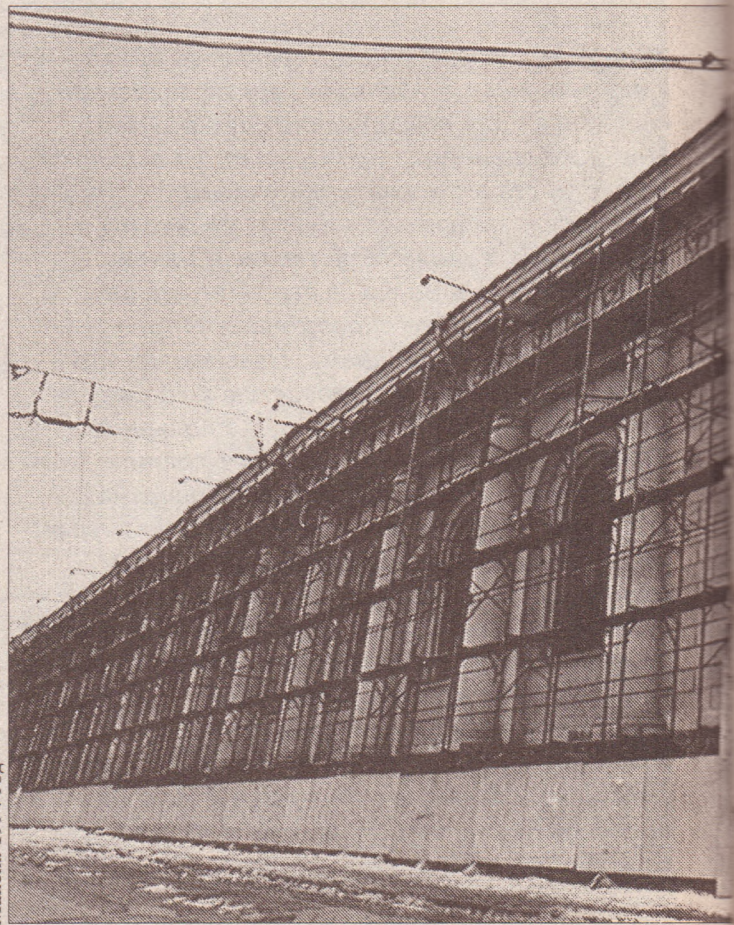
мо, недоумевая, за что ему аплодируют и освещают бенгальским огнем».

Правда, как писал тот же эстет, «зрителей, самых разношерстных, толпа несметная, и гвалта и смеха вполне достаточно».

Все-таки во все времена интеллигенция и народ были понятиями малосовместимыми.

Между тем в Манеже устраивались также радости «для благородных». Лентовский здесь показывал «Снегурочку» Островского на музыку Чайковского. Рубинштейн давал тут «концерт-монстр» (в нарушение правил — Великим постом). А Берлиоз, по его же собственному скромному признанию, просто не знал, куда деваться от аплодисментов. «Это самое громадное впечатление, какое я только произвел во всю свою жизнь», — писал композитор, в Европе давно вышедший из моды, но у нас, как водится, диковинный.

Здесь обучали москвичей искусству верховой

Манеж. 1994 год

езды. Богатые любители, кряхтя, взбирались на коня, конь начинал «козлить», любители летели на пол, почесывали уши бленные конюшники и боялись дать коварному животному кусочек пряника. Позднее, со временем прогрессу, в манеже стали обучать езде на велосипеде. Сам Лев Толстой не брезговал уроками. И рассказывал потом о некой толстой даме:

— У нее шляпа с перьями, и стоит мне взглянуть, как они колышутся, я чувствую — мой велосипед неотвратимо направляется к ней. Дама издает пронзительные крики и пытается от меня удрать, но — тщетно. Если я не успеваю соскочить с велосипеда, я неизбежно на нее налетаю и опрокидываю ее. Со мной это случилось уже несколько раз. Теперь я стараюсь посещать манеж в часы, когда, я надеюсь, ее там нет.

И философствовал Лев Николаевич, придравшись к поводу: «...Неизбежен ли этот закон, по которому то, чего мы особенно желаем

избежать, более всего притягивает нас?»

Так что цель, с которой строился Манеж, была со временем забыта. И его история — воспоминания о делах отнюдь не воинских. О том, например, как на одной из собачьих выставок присутствовал, дивя народ, богач Михаил Хлудов. Он сидел в большой железной клетке, пил стаканами коньяк, а у ног его, положив голову на колени хозяину, сидела прирученная им тигрица Машка. О том, как над редактором «Московского листка» господином Пастуховым потешался редактор «Развлечения» господин Соедов. Он то и дело подкладывал в карманы престарелому Николаю Ивановичу мельхиоровые ложки, Пастухов же, полагая, что таскал их из буфета, чуть было не сошел с ума. О развалах букинистов, о блинах на масляной неделе...

Один лишь раз вернулось здание к славному своему прошлому. Во время революции 1905 года оно пыта-

лось помешать перевороту. «Университетские ворота оказались запертыми — прибывавшие рабочие останавливались возле ограды. Когда народу собралось много, из слуховых окон Манежа и с чердаков домов, расположенных поблизости, началась ружейная стрельба — участники демонстрации оказались под перекрестным огнем», — писал Блохин, дружинник-большевик, по «гражданской» специальности — слесарь.

В том году удалось отстоять старый строй. Через двенадцать лет — увя.

Советская власть разместила в Манеже самокатный полк (мотоциклетных пехотинцев). А затем — гараж ВЦИК на полторы сотни рулей. Музейный отдел Наркомпроса РСФСР не раз ходатайствовал о выводе зловонных лимузинов из Манежа — памятник как-никак. Но, разумеется, безрезультатно. Только такая дура, как Коробочка из булгаковских «Похождений Чичикова», могла впереться «в учреждение» с тем, чтоб в Манеже открыть булочную. Все остальные понимали — «стратегический объект» неуязвим.

Правда, были планы переселить гараж в какой-то из монастырей, а в здании открыть «кинодворец» — с раздвижными стенами кинозалов, читальней, аллеями тропических деревьев и даже «камерой хранения» для детей. «Я сдаю няне ребенка, его пронумеровывают, мне дают номерок, а ребенка или укладывают спать, или забавляют игрушками. Кончился сеанс, и я получаю своего карапуза», — восхищались журналисты.

Однако не сложилось. Манеж был гаражом до середины века. А там, стараниями прогрессивных ходатаев, превратился в выставочный зал. Разумеется, открылся к случаю — выставкой художников к сороковой годовщине революции.

И была у него незавидная репутация — зала самого большого и самого скучного, официозного. Зато при Горбачеве первым всколыхнулся чуткий к новизне Манеж. Лишь во время пресловутой «оттепели» выставили здесь авангар-

дистов, но приехал Никита Сергеевич и обозвал несчастных живописцев «пидарасами». Здесь проходили конкурсы проектов всяческих мемориалов, показывали «социально острую» живопись, давали микрофон скандальному, а потому в те времена опальному Политковскому. Вознесенский же радовался новым манежным концертам:

*Манеж был Фалька
гробовщиком,
теперь в Манеже —
Гребенчиков.*

Но поддался Манеж и другой новизне. Уже в 1990 году здесь открыли выставку под названием «Кругозор перестройки». Там «фирмы» демонстрировали всяческую техническую документацию, коммерсанты заключали сделки, какой-то мужичок торговал за валюту иконками. Из доступного простому обывателю — только значок «Кругозор перестройки» за рубль, что было, кстати, недешево, и жетон американского шерифа — за червонец.

Новое течение пришло в Манеж по душе. Мелочи переклаивали на рули, рули на краски, краски на рубли. И сейчас в том здании автосалон «ЛогоВАЗ-Манеж», банк «Менател», А/О «Автомобильный всероссийский альянс»...

Манеж стал не то чтобы недоступен — просто напросто неинтересен мне. Как, видимо, и большинству москвичей. К тому же его снова реставрируют, он закрыт неприглядными серыми тряпками. Его словно не стало вообще. Как и складного камешка на площади его имени, как и Манежной улицы, ставшей Манежным оврагом, Манежной траншеей — не знаю, как сказать, но улицы уж нет. Копают и на площади. Под бездарный, опасный проект архитектора Улькина. (См. «Столица», N 28, 1993 г.)

Как хочется уснуть и ни о чем не думать.

КРАСОТА — ЭТО СТРАШНАЯ СИЛА

Без выстрелов и насилия, даже с некоторой элегантностью из Центрального банка Уругвая было похищено 100 тысяч долларов. Как заявила полиция Монтевидео, вместо пресловутой «фомки» грабители использовали извечную слабость мужчин к прекрасному полу.

За несколько минут до закрытия банка к кассе подошла прекрасная сенборита, одетая весьма элегантно и в то же время вызывающе. Ее заинтересовала информация о переводе денег на счет. Пока очарованный клиенткой служащий отыскивал несуществующий счет, а вся очередь, состоявшая преимущественно из мужчин, гладила на его прелестную обладательницу, сообщники красотки вынесли из кассы мешок со 100 тысячами долларов. Придя в себя лишь через несколько минут, служащий все же заметил пропажу денег и привел в действие систему сигнализации и автоматического закрытия дверей банка. Но было поздно. Сенборита и ее сообщники успели смыться...

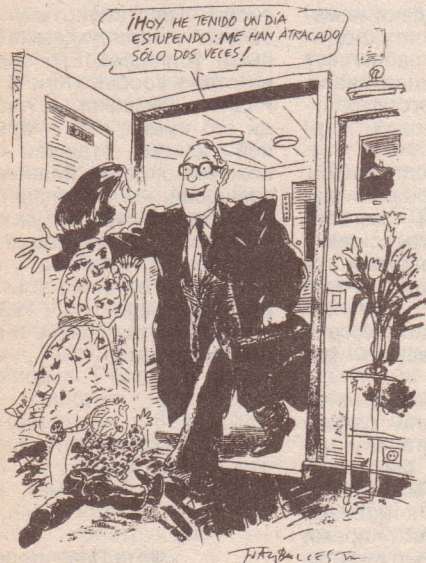
Полиции, занимающейся этим ограблением, остается уповать лишь на то, что очарованный прекрасной дамой служащий банка сможет вспомнить еще какие-нибудь приметы незнакомки, помимо ее ослепительной красоты.

ОБРАЗЦОВО-ПОКАЗАТЕЛЬНЫЕ ВОРЫ

Говорят, что дамские сумочки воруют в Мадриде чаще, чем в любой другой европейской столице. Казалось бы, испанским журналистам пора к этому привыкнуть, но, тем не менее, агентство ЭФЭ не смогло пройти мимо совершенно уникального случая: сумочку с деньгами украли не в метро, не на улице и не в магазине, а в образцово-показательной мадридской тюрьме. Причем пострадавшей оказалась Мерседес Хабардо — генеральный директор Управления исправительных учреждений Испании. Она посетила тюрьму с благородной целью — вручить премии заключенным, победившим в конкурсе на самое нежное любовное послание на волю.

Тюремное начальство распорядилось лишь заочных вечерней прогулки и не выпускать из камер, пока пропажа не найдется. Проведенный тюремщиками обыск не дал результатов: ни сумочки, ни премии обнаружить не удалось.

Сегодня был удивительно удачный день — на меня напали всего два раза.
Карикатура из журнала «Камбио—16» (Испания)

С МИРУ ПО НИТКЕ

ДЕЛА
УГОЛОВНЫЕ

КОБРА НАДЕЖНЕЕ ЭЛЕКТРОНИКИ

Назад к природе! — решил в один прекрасный день владелец газетного киоска в чешском городе Грабувец Ладислав Драбчинский. И раз и навсегда отказался от коварных решеток в витринах и дорогостоящих электронных систем охраны своей собственности. Его можно понять — жизнь показала несостоятельность традиционных средств безопасности. Ведь, несмотря на все вышеперечисленные меры предосторожности, за последний год палатку Драбчинского обворовывали восемь раз.

После долгих размышлений он приобрел по сходной цене в местном зоомагазине «обычную» кобру вместе с террариумом и повесил на дверях киоска объявление: «Внимание! Ночью этот объект охраняется ядовитым пресмыкающимся!»

Вот уже четыре месяца владелец недвижимости спит спокойно. Лишь однажды в помещении попытался забраться цыганенок, который не умел читать. До смерти испуганного мальчишку спас оказавшийся поблизости полицейский патруль, который арестовал злоумышленника, сохранив, по всей вероятности, таким образом ему жизнь.

«С такой охраной нет никаких проблем, — заявил журналистам Драбчинский. — Днем «сторож» мирно спит в террариуме, а ночью выползает на работу».

ХУДОЖНИК ЗА РЕШЕТКОЙ

Прежде, увидев такой заголовок, читатель немедленно представлял себе следующую картину: художник, не удовлетворивший своим творчеством власть имущим, томится за решеткой тюрьмы, вынашивая в голове гениальные идеи для будущих, еще более острых произведений, и, не имея возможности воплотить их на холсте или бумаге, выцарапывает эскизы гвоздиком на стенах камеры. Но теперь времена стали помягче, и это совсем другая история.

Христо Касабов, художник из дунайского города Русе, стал пока единственным из болгарских живописцев, который устроил показ своих работ в тюрьме. До этого два его вернисажа с большим успехом прошли в Гамбурге и Берлине. Но когда окрыленный художник вернулся на родину, там его ждал не очень приятный сюрприз — повестка в суд. Суд приговорил одаренного, но беспечного Касабова к 11 месяцам тюрьмы за неуплату алиментов бывшей жене.

Суровый приговор был несколько смягчен любезным отношением тюремной администрации к новому подопечному — ведь не каждый день в тюрьму попадает член Союза художников, картины которого выставляются в Вене, Пекине, Стокгольме... Творцу для работы была предоставлена мастерская, где он создал около 20 пейзажей, натюрмортов, рисунков и устроил очередную выставку, назвав ее «произведения тюремного периода». Неунывающий автор в интервью журналистам заявил, что «в тюрьме чудесные условия для работы. Есть кисти, краски, была проблема с рамками, но выход нашелся — пригодились рамы от портретов бывших членов Политбюро ЦК бывшей Болгарской компартии».

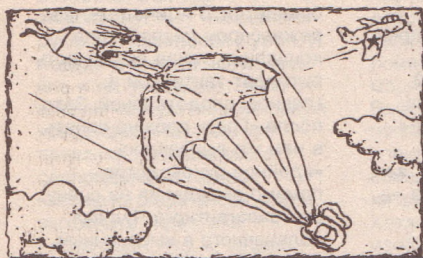
Художник полон творческих планов, и время для претворения их в жизнь у него есть — ведь Касабову еще полгода сидеть за решеткой.

ПРЕДЛАГАЮ

Отдых и лечение на курортах Карловых Вар.
Тел. 923-19-71.

Хочу помочь тем, кому совсем плохо: одиноким, пожилым. Приглашаю за город на отдых, могу принять несколько человек в благоустроенном доме. Уход обеспечу, помогает благотворительный фонд. Живу в Малаховке.
Тел. 392-17-04, Людмила Валентиновна.

Помогу сдать квартиру.
Тел. 205-38-85.

Любителям дорогих развлечений и острых ощущений — прыжки с парашютом.
Тел.: 272-20-38, 490-60-10.

КУПЛЮ

Старые картины, плакаты, живопись 60-х гг. Штейнберг, Вейсберг, Яковлев, Зверев, Немухин, другие.
Тел. 151-82-17.

Довоенные книги.
Тел. 306-40-19.

Журналы, плакаты до 1940 г.
Тел. 256-34-65.

Фотоальбомы 20—30-х гг.
Тел. 337-72-21.

ПРОДАЮ

Щенков бойцовых пород. Клуб «Зоопрактика».
Тел.: (095) 541-68-84, 541-68-68.

Herbalife.
Тел. 187-13-47.

Часы «Cardi—Vostok», механические, водонепроницаемые, противоударные, с кожаным ремешком, в футляре, гарантия.
Тел. 187-13-47.

Инвалидную коляску рычажную.
Тел. 563-78-93.

Высокопородных щенков БЛАДХАУНДА от всероссийских победителей уникального коричнево-подпалого и чепрачного окраса. Бладхаунд — это экзотическая величественная внешность, надежная защита, ласковый и преданный друг. Это спокойная, уравновешенная собака с устойчивой психикой, любит детей, хорошо уживается с другими животными в доме. Бладхаунд — великолепная гончая в работе по холодному и кровавому следу, выдающаяся ищейка и хорошая охрана.
Тел. 403-03-71.

Гараж «Ракушку» для автомобиля «Волга».
Тел. 284-30-45.

Спальный мешок, новый, на натуральной цигейке, верхнее покрытие — черная непромокаемая ткань.
Тел. 283-71-15.

Отечественные обои, облицовочную и плитку АГШ. Дешево.
Тел. 905-33-27, с 10.00 до 17.00.

Со склада в Москве кабельную продукцию различных сечений. Форма оплаты любая.
Тел./факс: 309-04-91.

МЕНЯЮ

3-комнатную квартиру со всеми удобствами в Алматы на одно-двухкомнатную квартиру в Москве или дом усадебного типа в близком Подмосковье.
Тел. 366-37-24.

ВНИМАНИЕ

Требуются квалифицированные рабочие строительных специальностей и проектировщики-конструкторы жилищного строительства на высокооплачиваемую работу.
Тел. 180-40-31.

Создаю службу знакомств для людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Живу в Подмосковье, в Дмитрове.
Тел. (222) 312-05, Ольга.

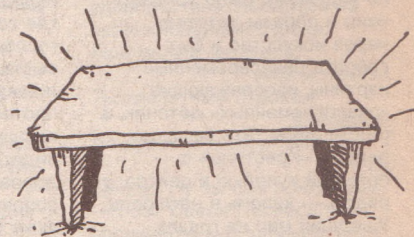
Лазерный центр предлагает эффективное лечение сосудистых, легочных, воспалительных и других заболеваний.
Ул. 1-я Сокольническая, д. 8 (рядом с м. «Сокольники»)
Тел. 269-43-54, Валентин Николаевич.

На постоянную работу в ВИНТИ РАН для подготовки реферативного журнала «Химия» требуются химики-органики на должность научного сотрудника или инженера II категории.
Тел. 155-43-57.

На временную работу в ВИНТИ РАН (можно по совместительству) требуется сотрудник на должность инженера II категории.
Тел. 155-43-57.

УСЛУГИ

Мебельная мастерская.
Тел. 257-91-33.

В.Тропинин
Портрет сына
художника

ДЕТСКИЕ РАДОСТИ

«Мир и образы детства»
Выставка
в Третьяковской галерее
на Крымском валу

На эту выставку, конечно, надо было бы идти с детьми. Шумной, немужской компанией переходить от экспоната к экспонату, прилипать к витринам и ахать: «Какой мячик смешной! какой глобус классный! ну и погремушка! правда, это Павла Первого тетрадки?» Вместе возмущаться, что сегодня школьное расписание не включает в себя игры — целый час, — как у тенишевцев. Вместе придирчиво изучать чьи-то столетней давности письма к родителям: «Ой, ошибка!» Нет. На эту выставку нельзя было идти с детьми: энтузиазм заразителен. А хоть идея и весьма хороша, исполнение оставляет желать. Задачей экспозиции, по-видимому, было показать «мир и образы детства» через искусство и быт: собрать разновременные картины, изображающие «разновременных» деточек, а рядом поместить бытовые реалии. «Крестины» с большой купелью в центре, а рядом — купель а натюрель. Ушедший мир на глазах восстанавливается: предмет как бы выступает из красочного полотна и материализуется, картина, даже посредственная,

обретает глубину — объем и плоскость перемигиваются друг с другом и, плавно друг у друга перетекая, с одинаковой обманчивой безмятежностью демонстрируют себя зрителю. Налет мистификации, впрочем, одинаково свойственный что прошлому, что искусству...

Однако все же возникает вопрос: что, собственно, в представлении авторов экспозиции есть детство как таковое и из чего складываются его мир и образы? Если из лучезарной беззаботности, то при чем тут школьные прописи? Если просто из суммы всего, что касается безмятежного возраста, то где припрятаны розги?

Почему живопись представлена в Третьяковке (подчеркиваю) вполне случайным набором полотен? Почему серовский Мика Морозов присутствует, а его же «Девочка с персиками» — нет? Почему вообще знаменитых имен до обидного мало? А вопросов, напротив, много. И главный: где советский период, господа устроители? Своей выставкой Третьяковка лишила меня детства — и я протестую! Почему мой плюшевый мишка недостойно сидеть рядом со своим дореволюционным собратом? Чем мое лото хуже барского? И почему бы назидательные пошлости Смольного института не дополнить вполне сопоставимыми советскими? Опять в угоду конъюнктуре

вычеркнули эпоху, и не одну. Верните мне детство! Хотя... ведь как раз и вернули. На самом деле, удовольствия было как минимум на полтора часа.

Алена ЗЛОБИНА

НАДЕЖДЫ, СБЫВШИЕСЯ НАПОЛОВИНУ

Гастроли
Санкт-Петербургского
Маленького балета

Два спектакля театра Андрея Кузнецова, показанные в Москве, вызвали особый интерес, сподвигнувший на посещение Театра эстрады даже таких, в общем-то, далеких от балета людей, как автор этих строк. Причина — в составе триумвирата авторов: ведь вместе с балетмейстером Кузнецовым над «Цикадами» и «Тремя грезами» работали режиссер Борис Юхананов и художник Юрий Хариков (можно добавить к ним и композитора Ханина, чьи камерные сочинения в «Цикадах» органично вписаны в ряд отрывков из других классиков: Брамса, Шопена, Генделя и Моцарта). Слухи об опыте экспансии на территорию самого чопорно-традиционного из искусств двух ярких персонажей искусства, занятого проблемами сугубо современными («постмодернистскими»), заинтриговали сами по себе. А тот факт, что отзывы о «Цикадах», премьера которых состоялась не где-нибудь, а в Эрмитажном театре, были в основном благоприятными, питал надежды, милые сердцу всякого «модерниста» (в широком смысле): на некий «нео-нео-классицизм», синтезирующий достоинства традиционной техники и новой художественной идеологии. Надежды, как водится, сбылись чуть больше, чем наполовину. И это уже много, особенно если учесть, что оба спектакля понесли серьезные потери в световом оформлении и сценографических эффектах: сцена, худо-бедно приспособленная для выступлений народных

любимцев разговорного жанра, оборудована малым числом прожекторов и не имеет даже колосников и падуг. Тем выше, впрочем, следует оценить изобретательское хитроумие Харикова, увешавшего сцену забавными муляжами бабочек, подарившего танцовщикам костюмы самых фантастических конфигураций и расцветок и даже устроившего громадный надувной шар. Что касается работы Юхананова, то его режиссерское вмешательство в динамичные вариации Кузнецова в глаза не бросается. В «Цикадах», где режиссером разработана концепция, такая скромность выглядит тактичной и, главное, плодотворной. Зато после «Грез» сложно понять, в чем же выразилось «идейное руководство», помимо выведения на сцену экстравагантного Чудища, облаченного в высоченный спиралевидный кокон-куколь. Может быть, оттого в «Грезах» заметнее и технические недостатки танцовщиков, и общая драматургическая рыхлость — отсутствие той «сказки», которую Аким Волинский почитал неременной основой балета и которую столь связно удалось сочинить в «Цикадах».

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

КТО НЕ ТОРГУЕТ, ТОТ СВИНГУЕТ

«Острова»
«Ленфильм» и «Shin-Eizo,
Ltd» (Япония),
реж. С.Аранович

Для начала одесский анекдот. Дженгльмен, покупая батон, узнает в очереди, что хлеб — это доля от продажи Черморского флота. «Не продешевили ли мы?» — спрашивает он. На что ему отвечают вопросом на вопрос: «Кому до этого принадлежал флот?» — «России!». «А кому мы его продали?» — следует новый вопрос. Аналогичной проблеме посвящен фильм известного режиссера Семена Арановича. Как нетрудно догадаться из названия и стран-производителей, речь

в нем идет о Курилах. Месяца три назад обаятельный Сергей Шолохов в выпуске своего «Тихого Дома» обаятельно выражал такую же озабоченность по поводу островов: как бы нам не продешевить. «Уж если они захотели взять — возьмут, — говорил он, — но какой ценой?» Японцы обаятельно улыбаются в ответ... Фильм Арановича представляет собой как бы сюиту-архипелаг в двух частях — или в двух островах: первая часть посвящена историческому экскурсу о «взятии» островов, а вторая — живописует быт нынешнего русского населения Курил. И первая и вторая части, как июль и январь, увязываются во вполне четкую политическую концепцию. Похоже, что практику «независимого беспредела» в нашем кинематографе снова стала вытеснять «практика Госзаказа». Что ж, музыку заказывает тот, кто за нее платит. Кстати, о музыке. Обычно правление Дома кино показы спорных картин оттеняет увеселительными развлечениями в других залах. Так было и на этот раз, что подтверждает спорность фильма Арановича. Минута в минуту в Белом зале открывал сезон джазовый клуб, предлагая зрителям разумную альтернативу: кто не хотел продавать Курилы, мог присоединиться к свингующим.

Всеволод СМИРНОВ

ЗАТМЕНИЯ ОТМЕНЯЮТСЯ

**«Русское затмение»
Театр им. А.С.Пушкина,
реж. В.Долгачев**

В пьесе Е.Греминой рассказывается история начала века о разбирательстве дела офицера, убившего свою любовницу (по ее просьбе), где следствие ведет муж погибшей, а показания дает сожительствующая практически со всеми персонажами служанка. Автор заметила, что это типичный «бульварный роман... и в то же время...». По модному нынче обыкновению Вячеслав Долгачев попытался воплотить в спектакле сверхсмысл, не слишком увлекаясь хитросплетениями фабулы. Хотя операционный стол, изображающий на сцене то кровать для интимных развлечений, то туалетный столик, то прилавок торговли, своим зеркально-никелевым блеском и плоской вздыбленностью располагает к обнаженности буквально до поджилок, к кровавым откровениям взрезанных сердец и вспоротых душ, игра актеров избегает напряженности любовного многоугольника, скользая по его абрису. В результате даже наркотические галлюцинации, подкрепленные хоть танго, хоть теньвым театром, у

«пустых» персонажей получаются скучными. Выходит, история Кармен, с которой перед гибелью сравнивает себя героиня, — serene сюжетец, где пара мужиков не поделили бабу, не имеет никакого значения рядом с таинственным мерцанием вечности. Для режиссера это так. Я не против таинств, я за то, чтобы, как говаривал Зошенко, были «они оба два»: сюжет человеческий и сверхсознательный. Подозреваю, что второй проявляется через первый. Иначе голой информацией останется умилившее меня в современном театре сообщение о том, что полное солнечное затмение, видимое исключительно с территории Восточной Европы, произошло 8 августа 1914 года, следующее — в 1954 году, а в XXI веке таких вообще не предполагается.

Нина ТИХОНОВА

РУЖЬЕ СТРЕЛЯЕТ, И ПТИЧКА ВЫЛЕТАЕТ

**П.Пепперштейн
«Великое поражение» и
«Великий отдых»
Изд. Obscure Viri**

Деятельность лидера группы «Медицинская герменевтика» Павла Пепперштейна для меня всегда была окутана тайной: его искусствоведческие «инспекции» в глубь нашего коллективного и собственного подсознания так сильно отдают мистификацией, что невольно веришь — именно здесь собака зарыта, причем довольно глубоко. И вот издательство Obscure Viri, ранее первым и, возможно, последним (по причине полной герметичности имени автора для большинства грамотных) отважившееся издать небесспорное, но бесспорно изящное и оригинальное прозаическое рукоделие художницы Юлии Кисиной, выпустило книгу стихов загадочного «медгерменевта». Для

определения домашних забав вечно покойного и вечно воскресающего соц-арта наиболее употребимо слово «иронический». В данном случае — ироническая поэзия. Хоть с души от него воротит, но, вспомнив семинары на филфаке, ничем иным ни себя, ни автора, ни читателя порадовать не могу, в частности, потому, что не хочется морочить людям голову рассуждениями про «обнуление литературных приемов» или «фетиш как объект искусства». Может быть, лучше всего пояснил свою задачу сам автор, отдав, безусловно, дань дискурсам и наррациям, но все же сказав при этом, что заезженные до дыр клише тесными в небытие «белогвардейцев», «фашистов», «советских союзов» и т.п. на самом деле являются прологом, а не эпилогом в сфере искусства, как чеховские ружья, мирно висящие на стене, пока не раздастся выстрел. Кавычек не ставлю, поскольку весьма вольно излагаю его мысль. В руках Пепперштейна одно из таких «ружей» породило декадентски-блатной цикл, в котором поэт последовательно признается, что он убил старушку, ребенка, девушку, мужчину, искусство, усталость, пространство, бумажку и картошку, — список, согласитесь, презентативный, — и каждый раз находит убедительный резон для собственного оправдания. В других циклах «стреляют» отзвуки заблудившихся среди советской мифологии Фета, Тютчева, Гумилева, Сологуба, Блока, Пастернака — и тут же гуляет пионерлагерный призрачок Лолиты... Эти стихи не так просты, как о них написано. И не так уж мудрены, чтобы не доставить удовольствия. Несмотря на проникновенные строки: *Мой милый читатель, тебя я люблю, Ты трепетным строкам внимаешь, Но все ж и тебя, и тебя я убью. Зачем? Ну ты сам понимаешь, — поэт Павел Пепперштейн проникновенно лиричен, ведь «творожок и пирожок» навсегда остаются для него символом всего самого светлого.*

И.Л.

Сцена из спектакля «Русское затмение»

Фото М.Гурьмана

Того, кто помнит роли Елены Кореневой, не надо уверять, что она актриса по призванию — женственная, очаровательная, кокетливая, нежная, пикантная, иначе говоря, счастливая обладательница того качества, которое и в будничной жизни, и на сцене называется артистизмом. Возможно, это качество усиливается, когда артистическая среда окружает с детства: ее отец — режиссер Алексей Коренев — много лет был на «Мосфильме» вторым режиссером, работающим именно с актерами, а в 70-е годы снял несколько телевизионных «хитов», в том числе сериал «Большая перемена». Так что естественным было, что Лена окончила Щукинское училище и была приглашена в «Современник» на одну из главных ролей в спектакле по «Запискам из подполья» Достоевского. Потом молодую актрису заметил Анатолий Эфрос, она перешла в Театр на Малой Бронной, где сыграла роль Верочки в его знаменитом спектакле «Месяц в деревне». Но дальше Кореневой в театре не везло — были вводы, невypуcщенные постановки. А работать хотелось, и зарабатывать надо было, поэтому она стала активно сниматься в кино: сначала на телевидении, а потом в смелом и скандальном «Романсе о влюбленных» Андрея Михалкова-Кончаловского, где герои пели и говорили стихами и актриса Коренева чуть ли не первой в отечественном кинематографе снялась обнаженной. Конечно, кинозрители, которых тогда в нашей стране было очень много, помнят ее работу в фильмах «Ася», «Сибиряда», «Ярославна, королева Франции», «Экипаж», «Идеальный муж», а те, кто, игнорируя навалившуюся видеоэпоху, продолжают ходить в кино, «Комедии о Лисистрате» Валерия Рубинчика и картину «Чернов. Chernov» Сергея Юрского. Чемпионы телепоказов — «Покровские ворота» и «Тот самый Мюнхгаузен» — тоже не давали забыть очарование актрисы Кореневой, уехавшей десять лет назад в Америку.

Елена КОРЕНЕВА:

«С иллюзиями надо расставаться»

В ее речи странным образом встречаются переведенные на русский язык английские обороты: «интернациональный кинофестиваль», «я была индифферентна к этому аспекту», «я имела проблему». Пролит на стол минеральную воду, она восклицает: «Oh, my God!» Потом бежит на кухню за тряпкой, напевая: «Ай-яй-яй-яй!» Я долго и безуспешно искала ее фамилию в кинословаре. Ну не было такой актрисы, Елены Кореневой, и все! Потом сообразила — словарь издан давно, в незапамятные времена, когда упоминать фамилии людей, оказавшихся на Западе, было невозможно.

Позже наши газеты о ней уже писали. О том, что она вышла замуж за американца, что там, за океаном, работала официанткой в русском ресторане, барменшей в кафе, дилером в художественной галерее, что сыграла Соню в «Дяде Ване», поставленном где-то в глухой провинции... И в последнее время все чаще приезжает в Россию.

— Елена Андреевна, вы приехали сюда, чтобы работать?

— Да, я сказала моим американским друзьям, что мне в России предлагают роль, и я уезжаю. В театре Александра Калягина «Et cetera» начались репетиции по пьесе Марии Арбатовой. Это молодой драматург, и в главной роли она увидела меня. Я буду играть журналистку — ироничную, сильную женщину.

В США в последний год я занималась в студии, целью которой было после нескольких месяцев репетиций выпустить спектакль. Но я хотела бы вернуться на московскую сцену. Мои знакомые американцы, которые здесь живут, говорили: «Да, в Москве много проблем, но какая интересная театральная жизнь в сравнении с Калифорнией и даже с Нью-Йорком».

Это правильно, в кризисные годы театр лучше выражает состояние народа, чем кинематограф. Я хочу просто как зрительница походить по московским театрам: недавно видела «Лешего» в театре Ермоловой. Я слышала, что курс ГИТИСа, которым руководит Петр Фоменко, сделал какой-то потрясающе виртуозный спектакль. Мне интересен как режиссер Владимир Салюк, мхатовский выпускник, с которым я буду работать в «Et cetera».

Она говорит отчетливо, ясно, когда произносит фамилии и названия, — медленно, по слогам: «Са-люк», «Эт-це-те-ра», чтобы диктофон записал так, как надо. На столе перед ней — бутылка минеральной воды из «валютки» и нарезанное яблоко.

Красивая картина. Как будто опытный дизайнер специально создавал. Большая, почти пустая комната, белый стол, широкое кресло, на котором, полностью в нем поместившись, сидит женщина с фигурой подростка, в черных лосинах, с короткой стрижкой. Голубоватый блеск воды в пластмассовой бутылке. Тонкий, свежий запах духов.

— Какие духи вы любите?

— Легкий лимонный аромат — на каждый день. А вечером, в такой чувственной обстановке, предпочитаю горько-сладкие. Мне нравятся французские духи, конечно же, как и всем. «Шанель № 19». У них нежный, не очень сильный запах.

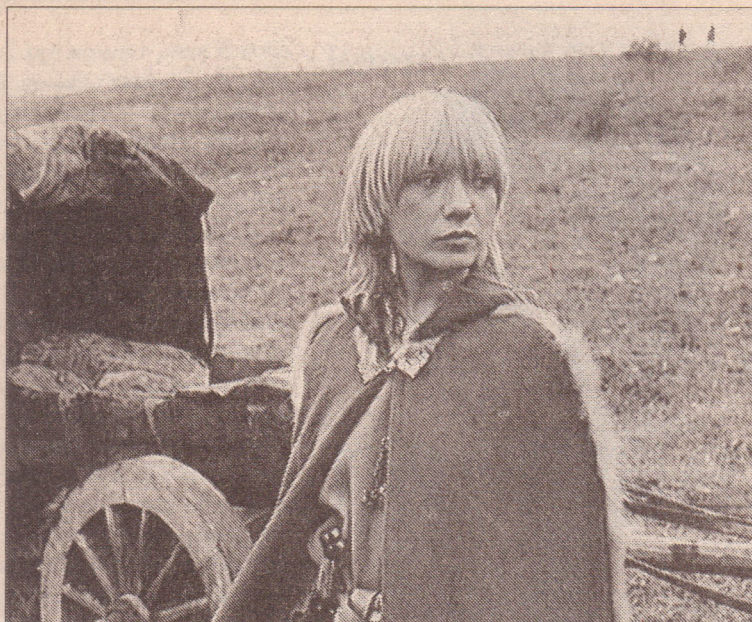
— Вы знаете, что в нынешней Москве можете их свободно купить на Тверской, на Новом Арбате?

— Я уже поняла, что все изменилось. Когда я уезжала, большинство московских женщин пользовались «Красной Москвой». Правда, я принадлежала к той группе людей, которая всегда знала, что такое Париж, хорошие магазины, дорогая косметика. Но я не получала удовольствия от того, что я такая избранная, нет...

Фото В. Плотникова

«Ярославна,
королева
Франции»

— Вы уезжали из Советского Союза в Америку. Спустя десять лет вернулись уже в Россию. Как бы в третью страну. Очень трудно так резко менять свою жизнь?

— Когда я первый раз снова оказалась в Москве, я шла по улице Горького, плакала и думала: «Боже мой, сейчас кто-нибудь из кинозрителей меня узнает — идет актриса Коренева и рыдает». Но я не могла остановиться. Потому что люди, с которыми были связаны воспоминания об этих домах, переулках, все уехали. Это не были диссиденты, которые эмигрировали по политическим соображениям. Просто так получилось. Кто-то женился, кто-то нашел за границей работу. Я поняла, что той Москвы, которую я вспоминала долгие годы, больше нет.

Потом прошло время, у меня появились новые друзья, новые воспоминания. Действительно, жизнь — театр, и вокруг происходит постоянная смена декораций. Привыкать к этому трудно. Я уже забыла, что такое русская зима. Ведь жила в Калифорнии последние четыре года.

— И, живя в Калифорнии, вы снялись у американского режиссера в американском фильме «У времени в плену» — о русских диссидентах. Наша критика писала об этой картине с какой-то нехорошей деликатностью — дескать, намерения у режиссера были хорошие и замысел интересный: надо же, человек родился в Америке — и вдруг сделал фильм о русских...

— «У времени в плену» — фильм проблематичный во многих смыслах. Но он будет включен в программу кинофестиваля в Палм-Спрингс и уже демонстрировался в Москве. Я играю

писательницу, опубликовавшую антисоветскую статью. Моя героиня попадает в тюрьму. Ее любимый человек уезжает на Запад. Перед съемками я разговаривала со многими диссидентами, встречалась с Ларисой Богораз. Мне приятно, что фильм показали на Московском кинофестивале.

— Как вам, кстати, это ваше мероприятие, которое не ругал только ленивый?

— Я слышала, как его критиковали. Говорили: «Какой позор, все плохо, скандалы, денег не хватило». Но я, сидя в кресле на закрытии, не чувствовала, чтобы передо мной происходил какой-то акт национального позора. Фестиваль как фестиваль. Хотя у меня были проблемы перед показом нашей картины. Мы хотели специально для переводчика прокрутить ее сначала по видео, но это оказалось невозможным — никакими силами. Комнату, где стояла видеосистема, почему-то заперли. Ключ унесли. Мы бегали, искали человека, который мог бы отпереть дверь. Выходной день, все пусто. Вы знаете, я как-то уже успела отвыкнуть от всего этого и подумала: «Да, Россия не изменилась».

— Вы помните ваши первые кинофестивали? Что они означали для вас, московской девочки начала семидесятых?

— Я впервые выехала за границу в Карловы Вары, после «Романса о влюбленных» Андрея Михалкова-Кончаловского. Меня фотографировали, брали интервью. Там я поняла, что надо становиться другой женщиной. Надо что-то делать с собой. Просто просыпаться, есть свой завтрак и идти на репетиции? Этого недостаточно. Надо работать над своим те-

лом, голосом... В это время у меня, кстати, появились и первые хорошие духи. Я стала выезжать — во Францию, Италию. Все как-то пошло одно за другим. У фильма был большой успех. Может быть, это мою жизнь и определило. Мне казалось, что судьба бросила мне вызов. Я должна была доказать — случайный это успех или нет. А я сама тогда этого не знала. Я жила только тем, что я актриса. Я поняла это как свою миссию, ради которой готова была многим пожертвовать.

— Чем пожертвовать?

— Вы меня хотите поймать на слове? Я связывала свою судьбу не с тем, чтобы выйти замуж и родить ребенка. И не с тем, чтобы эмигрировать и создать себе на Западе «красивую жизнь». Для меня было очень важно — состояться в собственных глазах. Поддерживать тот уровень, на который меня вынесло довольно рано. И я выполняла эту задачу. Может быть, это не очень привлекательное признание?

— Да нет. Вы всю жизнь играли женщин нежных, хрупких, может быть, немного инфантильных. Этот тип не был связан с какой-то одной эпохой, ваши героини, действительно, «на все времена». Иногда они были более решительными и смелыми, как Анна Ярославна — королева Франции. Иногда беззащитными, как тургеневская Ася или Роза в «Тайне Эдвина Друда». Но всегда непосредственными, женственными. Сколько английских леди вы сыграли! Сколько барышень из прошлого века! Сколько кротких и наивных взглядов больших глаз вы бросали на партнеров! Вам не кажется, что у вас характер несколько иной, чем у ваших героинь? Более практичный, более трезвый?

— Нет, мне всегда казалось, что я рассказываю о себе. В «Асе» я играла то, что тогда знала о любви, совместности людей, неудовлетворенности. Это было важно для меня в тот период жизни. В «Цезаре и Клеопатре» с Ульяновым я выразила то, что знала о взаимоотношениях с более сильным мужчиной, о том, что такое для женщины власть. Ну, этого я, положим, не знала. Но старалась понять.

Теперь я понимаю, что это был не очень профессиональный подход к работе. Мне сейчас интересно переосмыслиться. Провергнуть тот имидж, который я же сама нечаянно создала. Как ни странно, возраст дает мне сейчас большую свободу. Можно не идти на поводу у своей внешности. Вообще-то я сыграла гораздо больше лирических героинь, чем следовало бы, и практически не использовалась как комедийная актриса. Мне хотелось бы сейчас играть в фильмах абсурдистских, в фильмах ужасов. У меня пропущен

целый спектр ролей, без которых актриса не может сказать: «Я довольна собой». Нет, я собой недовольна.

— *Одна из ваших последних работ в кино перед отъездом на Запад — «Покровские ворота», ностальгический, изящный, остроумный фильм. Вернувшись, вы сразу снялись в «Комедии о Лисистрате» — картине, которая стала скандальной, благодаря обилию обнаженных тел, очень откровенным для того времени диалогам и кадрам, где Ольга Кабо и Константина Райкин демонстрируют себя в абсолютно натуральном виде. Вас не поразила такая перемена нравов в отечественном кинематографе?*

— Я нормально отношусь к эротике в кино. Существует мнение, что русские, когда им позволяют, обнажаются гораздо больше, чем принято на Западе. По-моему, это болтовня.

Я сама снималась обнаженной в «Романсе о влюбленных» и в «Сибириаде» Михалкова-Кончаловского. Чуть ли не первой в те годы. И обнаружила, что сама очень спокойно отношусь к тому факту, что я голая, а на меня все смотрят. И я жалею, что у меня было мало ролей с откровенной чувственностью, мало постельных сцен. Теперь мне жаль, что я сыграла мало героинь-любовниц. Кажется, я получила бы от этого массу удовольствия. Да и смотрелось бы наверняка красиво... А про «Лисистрату» — я даже не знала, что это был скандальный фильм. Что ж, маленький скандал в кино — всегда хорошо.

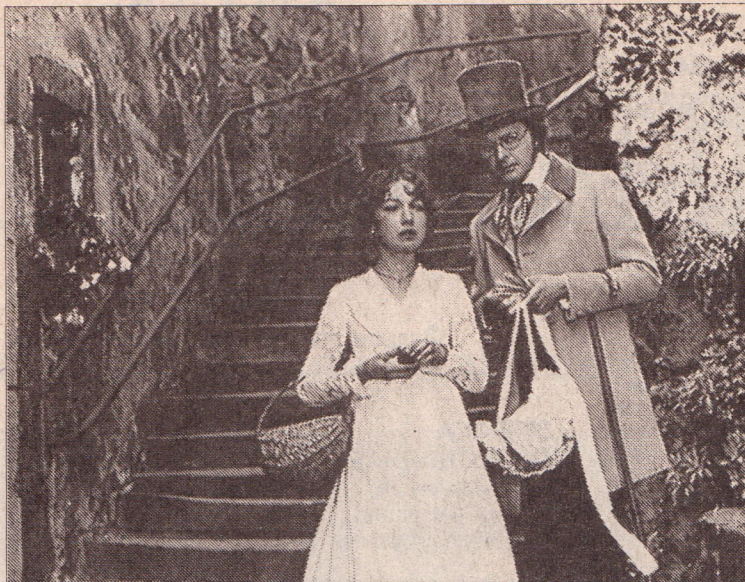
— *Мы сейчас вновь заговорили о фильмах Андрея Михалкова-Кончаловского. Вы встречались с ним в Америке? Можно ли сказать, что у него там есть успех?*

— Да, я редко, но встречалась с ним. Андрей — это единственный наш человек, который работал в Голливуде. Притом добился этого сам, собственными усилиями. Его имя известно в элитарных кругах профессионалов. Из картин, которые он снял, «Поезд беглецов», пожалуй, ближе всего подошел к массовому зрителю. И все равно Андрей остался экзотическим явлением в американской жизни.

— *Америка как-нибудь изменила вас, ваш характер? Вы старались к ней приспособиться? Или понимали, что это бесполезно и все равно вы тоже остаетесь экзотическим явлением в этой стране?*

— Недавно одна актриса, которая была у меня в гостях, сказала: «Лена, интересно, ты русская — и при этом абсолютно западная женщина!» Что-то ей, наверное, бросилось в глаза в моей манере разговаривать, относиться к людям. Живя на Западе, я повзрослела, потеряла многие иллюзии. Но я сторонница того, чтобы иллюзии терять.

Екатерина ГОНЧАРЕНКО

«Ася»

«Чернов. Chernov»

«Яблоко на ладони»

СЛЕЗЫ КАПАЛИ

«Вечная молодость»,
реж. Стив Майер

Пушкинское «Над вымыслом слезами обольюсь...» может служить эпиграфом к данной фантастической мелодраме. Итак, красавец авиатор в кожаной летчицкой куртке и с обаятельным лицом Мела Гибсона, безумно влюбленный в свою невесту, которая находится в коме после аварии, дает согласие на медицинский эксперимент. Его замораживают на пару лет, дабы он смог встретиться со своей спящей царевной, когда она

Мел Гибсон

проснется. Но, как известно, скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается. «Нескоро» растягивается на полвека с гаком, ибо во время второй мировой секретный контейнер с Иваном Царевичем Гибсоном теряется на армейских складах, где уже в наши дни его случайно находят два симпатичных пацана. Далее следует разморозка героя и сплошное слезовыжимание из зрителей, когда он начинает адаптироваться в непривычно новом мире, искать невесту и стареть на глазах. Апофеоз: полет к любимой бабушке на стареньком самолете. Хеппи-энд: два очень пожилых, но все еще симпатичных пенсионера застыли в объятиях друг друга. Красиво, как в кино.

Фильмы представляет Петр Смирнов

ЗМЕЮКА ПОДКОЛОДНАЯ

«Честная игра»,
Италия—Израиль,
реж. Марио Орфини

Триллерок. И еще тот. Представляете?! Муж, эта змеюка подкодная, обидевшись на жену, которая от него ушла, подбрасывает ей в квартиру змею натуральную, злобную и страшно ядовитую. И садится за компьютер, чтобы понаблюдать за развитием событий на экране, где мечутся «околючившиеся» микропередатчиками жертва и ее палач. Большого кошмара, хотя видеокошмариков насмотрелся вдоволь, я не видел (змей боюсь панически и, наверно, генетически). Впрочем, как вы помните: поднявший меч — от... Правильно, от змеи и погибнет. Но все равно страшно, аж жуть. На полном серьезе.

ВАН ДАММ УБЕГАЮЩИЙ

«Трудная мишень»,
США, реж. Джон Ву

Первая нога Голливуда — непобедимый Ван Дамм чаще всего выступает в роли нападающего (даже в «Самоволке» он дезертирует из Иностранного легиона, чтобы отомстить за смерть брата). В новом же боевике он предстает перед нами в роли беглеца, преследуемого по пятам организаторами охоты на человека, вплоть до самого финала. Правда, мишень, как явствует из названия, оказывается трудной, а точнее, недосыгаемой для злодеев, а если и достигаемой, то им же

на гибель. И все же при бегстве ногой-то не больно размахнешься, поэтому Жан-Клод переходит на огнестрельное оружие. И проигрывает (не по сюжету, а по соответствию собственному имиджу). А самой запоминающейся сценой остается та, в которой он нокаутирует гремучую змею. Но, увы, не ногой, а только кулаком.

ВПОЛНЕ ПРИСТОЙНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

«Непристойное предложение»,
США, реж. Эдриан Лайн

Создатель одного из самых гастрономо-эротических кассовиков «9 1/2 недель» и последующего самоопровержения (в «Роковом влечении» на очень страстных и завлекательных примерах Эдриан Лайн и Минздрав предупреждают о вреде внебрачных связей) на сей раз попытался впасть в чистое моралите в виде неоклассического любовного треугольника. Молодожены, обуреваемые любовью и финансовым кризисом, и дьявол-искуситель в лице эlegantного миллионера, который предлагает им one million dollars за одну ночь с прелестной героиней. Ничего непристойного в этом, как и в последующем согласии супружеской пары, лично я не вижу. Спрос рождает предложения, а рыночные отношения — они и в Америке рыночные отношения. Сгубило же молодоженов то, о чем повествует одна индийская притча. Помните? Как только человеку приказали думать о чем угодно, только не о старой обезьяне, так все его

мысли стали именно о ней. В картине же совместное решение супругов не вспоминать никогда в жизни о печальном эпизоде привело их к разрыву и последующему уходу жены к соблазнителью. Впрочем, это было бы не американское кино, если бы оно не оканчивалось счастливым финалом. А избежать назидательности и слащавости ему помогает великолепное актерское трио — Деми Мур, Роберт Редфорд и Вуди Харрисон. В результате чего из «Непристойного предложения» получается вполне пристойная мелодрама.

АГРЕССИВНЫЙ МНОГОЧЛЕН

«Чужой странник»,
1, 2, 3, 4 и т.д.,
Япония,
реж. Сако Курахими

Мультфильм. Многосерийный. Фантастический. Но только для взрослых, ибо эротический. На нашей планете бесчинствует инопланетный монстр, задавшийся целью поголовного изнасилования всех женщин на предмет высасывания из них жизненных сил. А поскольку в отличие от заурядных земных насильников космический чикатило обладает, скажем так, десятком наидлиннейших орудий преступления, то и количество жертв «групповухи» растет не по дням, а по часам. Монстру противостоят одна из них и ее доблестный жених, которые кроме борьбы с импортным сексманьяком занимаются еще и любовью. Но красиво, изощренно, а главное, по обоюдному согласию. А вот мультипликация в отличие от любовных поз очень примитивна и скрашивается лишь вполне натуральными вздохами и стонами актеров и актрис. Смотреть на сие можно исключительно с познавательной целью. А потому самыми рьяными потребителями этой эротяшки станут подростки, ибо взрослые, думается, все это уже проходили.

Виктор МАТИЗЕН

БЕСЦЕРЕМОМОННАЯ КИНОКРАТИЯ,

ИЛИ

Ежегодная раздача слонов

О том, что в России народовластие понимается весьма своеобразно, написано за последнее время очень много. Гораздо меньше известно о том, как оно трактуется в отдельных российских учреждениях. Например, связанных с кино. Богатую пищу для изучения этого животрепещущего вопроса дают различные публичные киноритуалы или, как выражаются со времен Остапа Бендера, «раздачи слонов».

Слоны «ВиКинГа»

Третье по рангу и последнее по времени вручение кинопризов в канун старого Нового года финансируется компанией «ВиКинГ» («ВидеокиноГрамотность») во главе с известным деятелем кинообразования Геннадием Поличко. Он предложил пресс-службе Киноцентра проводить ежегодный опрос кинопрессы и по его результатам определять фаворитов. Процедура вполне демократична: бюллетени (в принципе — именные) раздаются всем, про кого известно, что он пишет или говорит о кино. Таковых насчитывается примерно 200 человек — от киноведов, почти не печатающихся в массовых изданиях, до кинорепортеров, чьи беглые заметки появляются в газетах чуть ли не каждый день. Предварительной номинации нет, а призы определяются большинством голосов,

Чемпион года по количеству и качеству фильмов режиссер Владимир Хотиненко получает своего «слона от ВиКинГа»

независимо от доли этих голосов в общем числе разосланных или вернувшихся анкет. Вероятность манипуляций существует, но, похоже, незначительна, поскольку анкеты доступны и подсчеты нетрудно перепроверить. Сомнения в этой «раздаче слонов» вызывает в основном номинация «лучший киножурналист года», поскольку в ней смешаны несколько профессий и непонятно, по каким параметрам можно сравнивать, допустим, журналиста А., который за год оставил след в десятке изданий, критика Б., который пишет только в один печатный орган, журналиста В., который работает в разговорном жанре на радио или ТВ, и киноведа Г., который за год выпустил одну книгу. Мало того, что все эти люди находятся в разных «весовых категориях», профессионально судить о качестве их работы могут далеко не все опрошенные.

Слоны «Овна»

Второй по рангу российский приз — «Золотой Овен» — вручается под Рождество православное (поначалу «Овен», с плохо скрываемым желанием насолить «Нике», был назначен на то же время, что и она, но после столь же тихого, сколь и яростного скандала сменил старый стиль на новый). Поскольку приз учрежден компанией «Кинотавр» во главе с Марком Рудинштейном, никаких претензий к нему, по идее, быть не может: деньги его, и он делает с ними что хочет. Однако Рудинштейну и К^о — точно так же, как до него, допустим, Нобелю и Букеру, — для авторитетности потребовалось окружить приз не личным, а общественным ореолом. Казалось бы, имеется президентский совет «Кинотавра», куда входят люди достаточно известные и который вполне мог бы заняться определением кандидатов и назначением победителей: мы, Совет, что хотим, то и воротим, на то наша Советская власть. Ан нет. Как Рудинштейн не решился раздавать награды лично от себя и называть их «рудинштейновскими премиями», так не решился на это и целый Совет. Не решился — и ладно, мог поступить по-другому, как принято: тем или иным способом сформировать команду экспертов, чьи имена, по крайней мере, не вызывали бы смеха, и предоставить им право вынести решение. Но именно этого, очевидно, и не желали организаторы ритуала. «Овнистам» хотелось и демократическую мину соблюсти, и командные позиции не упустить.

И они нашли простейший способ усесться меж двух стульев: вручать

призы от имени анонимной общест-венности.

Данный способ уже в прошлом году с месяц служил предметом сплетен в Союзе кинематографистов, который, уж разумеется, отлично разглядел соринку в глазу соперника сквозь бревно в собственном глазу. Да и как было не разглядеть: некоторые призы вручались со ссылкой на «опрос журналистов и кинокритиков», однако быстро выяснилось, что практически никто из них опрошен не был, просто некто по своей воле вручил приз от их имени.

В этом году процедура принятия решений отличалась той же негласностью, что и раньше, но из компетентных источников удалось узнать, что в список «экспертов» входит сотня особ, приближенных к Совету, среди которых две трети кинематографистов и треть непрофессионалов. По идее, арифметический подсчет их голосов и должен был решить судьбу призов, однако, например, лучшим киносценарием г.с.а оказался человек, которого заведомо не могли вычислить «арифметически» (продюсер «Ералаша» Борис Грачевский), лучшими киножурналистами — социолог и главный редактор журнала «Искусство кино», но не киножурналист и не кинокритик (Даниил Дондурей), а также тележурналист и член Совета (Борис Берман). По этим номинациям результаты опроса показались Совету неудовлетворительными, и он своей властью назначил этих победителей, похерив всякую логику и выказав неуважение к собственноручно подобранным экспертам. Впрочем, я ровно ничего не хочу сказать против других призеров, которых знаю и уважаю.

Слоны «Ники»

Главным призом кинематографического года считается «Ника», при-суждаемая под католическое Рождество от имени Союза кинематографистов. В прошлые годы процесс премирования с запозданием повторял первый период горбачевской демократии: все члены СК получали бюллетени, где предлагался список неизвестно кем и как отобранных фильмов (отдельно игровых, документальных, научно-популярных и т.д.), из числа которых нужно было выбрать лучшие. Что и как выбирали люди, девяносто процентов которых не видело и десятой доли включенных в номинацию лент, и как сапожник по костюмам судил работу пиротехника — одному Богу известно, да и то лишь в том случае, если Он существует, но при данном регламенте избежать издержек было нельзя. Незвестная доля бюллетеней как-то и кем-то обрабатывалась, количественные данные не предавались гласности, а имена призеров оглашались во время пышной церемонии, на которую нужно было потратить вечер, дабы получить столько информации, сколько с лихвой уместится в двухминутном сюжете «Вестей». Вдобавок оказалось, что ценность этой информации равна нулю, поскольку имена некоторых победителей (например, Станислав Говорухин и Эльдар Рязанов) были очевидны, а каким образом судьба избрала или отринула других (в принципе достойных), можно было гадать на кофейной гуще зодиакальных созвездий.

В этом году процедура слегка видоизменилась: на этот раз фильмы на «Никку» выдвигались известно кем (студиями), но право подать голос за номинантов было отдано назначенным (а не избранным) членам так называемой кинематографической академии, список которой не был опубликован, очевидно, потому, что вызвал бы вопросы, совершенно ненужные закулисных дел мастерам. Кто был в счетной комиссии, что было сделано для уменьшения вероятности фальсификации и сколько голосов получили номинанты, осталось тайной, хранимой гендирекцией «Ники» в такой степени, что попытка критика и «академика» Андрея Шемякина публично указать на этот железный занавес вызвала бурю негодования в стакане Дома кино. И если в прошлом году «Никку» еще можно было с натяжкой считать профессиональным призом, то в этом она стала компанейским призом правящей в СК бюрократии, присвоившей себе право судить от имени всех кинематографистов и попирающей даже суммарное

Ирина Розанова и Сергей Маковецкий, поделившие «женского» и «мужского» актерского «Овна»

Актриса Ольга Кабо, на один вечер ставшая Никой отечественного кино

мнение самих «академиков», если оно по каким-то причинам не устраивает дирекцию «Ники». О какой демократии и вообще здравом смысле можно говорить, если приз за лучшую мужскую роль, присужденный одному актеру (Владимиру Гостюхину), в последний момент вручили другому (Элгуджи Бурдули), который, строго говоря, вообще не мог номинироваться на «Никку», так как не является россиянином и снялся не в российском фильме, — только потому, что первый заболел и не смог приехать на церемонию? И при подобном пренебрежении нормами элементарной корректности «никаниане» искренне оскорбляются: как это их, демократов по определению, смеют заподозрить в произволе? «Вы что, сомневаетесь, что Иванов, Иваненко и Иванович имеют право входить в академию, и в том, что Петров, Петренко и Петрович достойны выданных им наград?» — вопрошают эти люди, как будто дело в сомнениях и подозрениях, а не в беспардонной узурпации профессиональных прав.

Слоны «в законе»

Таким образом, на уровне микроструктуры отечественного кинематографа обнаруживается посконно-российский маргинальный принцип принятия решений, в котором, как пиво с шампанским, смешаны азиатчина с европейщиной, плебейщина с аристократчиной, диктатура с массовым волеизъявлением и олигархичность с демократичностью. Предложение вносится всеми, но выносится и вступает в силу лишь тогда, когда одобряется некоторыми, которые, по Оруэллу, равнее прочих, причем не-

отъемлемой частью процедуры является обман большинства меньшинством относительно ее сущности. Иначе говоря, советская демократия, как и следовало ожидать, пережила советскую власть.

Я намеренно не касался достоинств и недостатков награжденных лиц и фильмов — это совершенно отдельная тема. Меня интересовала только проблема микродемократии, без которой не бывает демократии как таковой. Увы, по опыту вращения в различных «кругах» я знаю, что сейчас она является не более чем фразой, поскольку демократические процедуры не соблюдаются ни на каком уровне. Как ни странно, при коммунистах чисто формальной демократии в микроструктурах, каковыми являются и киноорганизации, было больше. Люди, чувствуя, что на самом деле они бесправны, старались соблюдать самые мелкие и смешные формальности. Нынче, когда все уже не «твари дрожащие», а право имеют, плевать на порядок стало законом.

Наше отношение к демократии корыстно до неприличия. Пока человек «внизу», он требует равенства и следит за выборностью и соблюдением процедуры. Как только он же входит в круг «избранных» — превращается в элитариста и склонен принимать решения (как правило, касающиеся распределения благ, о чем, собственно, и речь) келейно.

Простой закон — стоящие в «хвосте» очереди всегда эгалитаристы. Это они кричат: не больше чем по два кило в руки! Те, кто в «голове» и знают, что им-то точно товара хватит, либо отмалчиваются, либо кричат: нет, по пять кило! Однако назавтра бывшие «головники» попадают в «хвост», а вчерашние «хвостисты» у прилавка набирают сумки. На том и стоим — везде, и в кино в том числе. На больших наших кинофестивалях гостей делят на две категории: простых и

избранных дирекцией. Последние даже едят отдельно, не говоря о «халвах» и презентациях, «простые» — довольствуются общей кормушкой. Так было, есть, будет и должно быть, поскольку известно, что «пряников сладких всегда не хватает на всех», а если бы хватало, то часть их обязательно была бы уничтожена, потому что сладок не только запретный пряник, но и тот, которым обделили соседа. Порядок этот называется иерархическим и основан на верной мысли, что неравенство двигает прогресс. Тем не менее всегда найдутся люди, возмущенные этим порядком. Правда, до той поры, пока сами не попадут в узкий круг. Это закон «дедовщины»: бывшие «салабоны», став «дедами», так же издеваются над новобранцами, а то и похлеще — ведь теперь справедливость состоит в этом.

Как ясно из текста, я не сторонник абсолютной демократии и тем более полного и всеобщего равенства. Но все же там, где демократия и равенство целесообразны, они, безусловно, нужны. Только и всего.

Постскриптум к «слонам»

Что касается «Ники», то я думаю, что ее присуждать должна, конечно же, не «масса» членов СК (вкус массы всегда консервативен и не служит обновлению искусства), а элита. Но поскольку «Ника» вручается от имени всего Союза, то сами «академики» все же должны избираться «массой» по гильдиям.

«Овнам» же, по-моему, следует держаться чисто элитарного принципа, незамутненного демократическими порядками.

А «ВиКинГу» надо бы сохранять чисто демократические и даже арифметические принципы, но при большей корректности формулирования номинаций.

Фото В. Киселева (НГ-фото) и А. Тягны-Рядно

ПОКУПАЕМ И ПРОДАЕМ
по выгодному для Вас курсу

меняем порванные банкноты

меняем 16 видов валют

СКВ

тел. 248-19-01
248-19-31

Павел Коган

ПОРТРЕТ ДИРИЖЕРА В ОЖИДАНИИ СЛАВЫ

Начну издалека. Во времена оны, когда в нашей стране в роли обязательного «общественного элемента» выступали женщины-работницы, женщины — труженицы села, женщины-строители, женщины — члены правительства, даже женщины-космонавты, не обошлось, естественно, и без женщин-дирижеров. Первое место среди последних с самого начала прочно заняла Вероника Дударова. Она руководила долгие годы Московским государственным симфоническим оркестром, который в те годы был более известен просто как «дударовский». Будучи женщиной не без таланта и остро чувствующавшей конъюнктуру, Вероника Борисовна не только для себя, но и для своего оркестра нашла вполне приличную нишу: оркестр плодотворно занимался эстетическим воспитанием подрастающего поколения и успешно пропагандировал советскую музыку.

Но вот пришли другие времена, и оркестранты задумались: как, мол, так — музыканты, работающие в разных оркестрах, в общем-то, профессионалы одного уровня, а слава у всех разная, и в Европу одни ездят, а другие нет? И пошли тогда в оркестре, как сейчас выражаются, крутые разборки. Разборки эти привели к тому, что Дударова из оркестра ушла. И на ее место — по желанию коллектива! — был утвержден Павел Коган. То есть оркестр сам пригласил к себе главного дирижера — случай, кажется,

беспрецедентный во всей истории нашей музыкальной жизни. Хотя, если рассудить здраво, нет ничего удивительного в том, что музыканты захотели работать под руководством молодого (ему не было еще и сорока лет), высокопрофессионального (ученик знаменитого профессора Янкевича), известного (лауреат престижного международного конкурса) скрипача-солиста, имевшего к тому же дирижерское образование и большой опыт работы с различными, в том числе зарубежными, оркестрами.

Мы долго говорили с Павлом Коганом. И в основном беседа шла об оркестре. Просто о чем-то другом маэстро (Коган в его окружении принято называть только так) разговаривать неинтересно. Дирижер рассказывал о ближайших гастролях, репертуаре, планах, об абонементных концертах в Большом зале. Коснулись и экономических проблем. Хотя оркестр и находится на госбюджете, денег этих, конечно же, не хватает. Нет у оркестра и собственной крыши над головой, что позволило Геннадию Хазанову как-то назвать коллектив «оркестром московских бомжей». Но и в этих ситуациях Коган отлично может разобраться, демонстрируя недюжинные предпринимательские способности. Вообще, замечу, все ответы дирижера были убедительны и ясны, подобно простым решениям математических задач.

— Вам не было страшно, что вы можете не оправдать ожиданий музыкантов?

— Чего мне, право, бояться? К тому времени у меня уже был опыт, и я хорошо представлял себе, что нужно оркестру. А уж воли достичь желаемого — этого мне не занимать.

— Спустя четыре года о своем согласии не жалеете?

— Нисколько. Были трудности. Но трудности — и какие! — возникают всегда: и когда приходишь в коллектив после великого дирижера, и когда берешь как бы «бесхозный» оркестр. Но мы достаточно быстро пробились на западноевропейский музыкальный рынок, а там, поверьте, места давно уже заняты. Может быть, сказалось то, что у меня в Европе уже было имя, я был знаком с ведущими импресарио, но... за красивые глазки и знакомства нас вряд ли бы стали вновь и вновь приглашать.

— Считается, что на Западе мы нужны как поставщики некоего «русского товара», а об остальном, дескать, и не следует мечтать.

— Да, мы везем за границу русскую классику и исполняем ее с огромным удовольствием — нам же есть чем гордиться. Тем не менее не хочется ограничиваться лишь этим, поэтому западные «колонизаторские» замашки я стараюсь ломать. Почему, спрашивается, только Бородин, Чайковский, Прокофьев? А почему еще и не Малер, Бетховен, Равель? И, чувствую, отношение к нам начинает постепенно меняться.

— Говорят, во время зарубежных гастролей порой доходит до курьезов: просят наших музыкантов сыграть с какой-нибудь, скажем, дочкой миллионера, а она, мягко говоря, не в форме...

— С солистами, на самом деле, есть проблемы. Не все, как хотелось бы, получается. И на то имеются вполне объективные причины. С теми, с кем мы желали бы играть и кому мы симпатичны, часто не можем встретиться из-за нестыковки в расписании гастролей — ведь они спланированы на годы вперед. На Западе импровизаций не любят, там все четко регламентировано. Вот и приходится порой идти на компромиссы. Как солист я сам не пойду ни на какой компромисс. Но сейчас для меня основное — интересы оркестра. И тут ради престижного зала, ради реноме музыкантов приходится в чем-то уступать. Но определенную грань в этом смысле я не перейду ни в каком случае...

О человеке, как правило, можно судить по его дому. У Павла Когана не просто квартира, а дом в полном смысле этого слова. Надежные двери, крепкие стены, кото-

рые и танком (не дай Бог, конечно) не разворишишь. И еще — удивительное сочетание холодного аристократизма и теплого домашнего уюта. Невольно возникает чувство, что дом этот существовал вечно, как вечно существовал мир вокруг него, что бури благополучно миновали его, а время лишь тихо подкатывало, никогда не захлестывая. Этот дом умеет защищать своих обитателей. Это, наверное, еще оттуда, из детства, из семьи. Ведь всем известно, что отец Павла — выдающийся скрипач Леонид Коган. А мама?..

— Мама у меня тоже музыкант. На очень престижном конкурсе скрипачей имени Эжена Изай в Брюсселе в 1937 году она получила третью премию. Первую тогда получил Давид Ойстрах.

— Родившись в такой семье, волея-неволей станешь музыкантом. Нетрудно представить и ваше детство: Центральная музыкальная школа, потом консерватория.

— Угадали, конечно. Я рано начал заниматься музыкой. Сначала с Глизаровой, ассистенткой одного из лучших педагогов Московской консерватории Юрия Янкелевича. Потом уже у него самого.

— Вы очень быстро добились признания...

— Смотря что считать признанием. Если победу на конкурсе, то да. Когда мне было 19 лет, я участвовал в конкурсе имени Яна Сибелиуса в Хельсинки и получил первую премию.

— Но потом вы с конкурсами «завязали». Да и с концертами, можно сказать, тоже.

— А зачем мне надо было еще в каких-то конкурсах участвовать? Конкурсы — это своего рода спорт, очень часто далекий от какого бы то ни было творчества. Вообще не участвовать в них — нельзя. Без лауреатства нечего и помышлять о карьере музыканта. Но меня с детства влекло дирижирование. Я и консерваторию закончил не только по классу скрипки, но и как дирижер.

— Может быть, все-таки сказались некоторая усталость от бесконечных занятий, от необходимости всегда быть в форме? Как-никак, а музыкант-солист несет огромные психологические нагрузки.

— Нет и еще раз нет. Быть дирижером — вот цель, которую я преследовал всегда. А совместить карьеры солиста и дирижера редко кому удавалось.

— А как же Рахманинов?

— На память приходят и другие имена — Густав Малер, Рихард Штраус. Но это же исключения.

— Складывается впечатление, что вам в жизни здорово везло. Семья, круг общения, о которых можно только мечтать, лучшие педагоги. Вы чуть ли не с детства знали, как себя реализовать. Наверное, о юности только радужные воспоминания?

— К сожалению, не совсем так. Моё поколение — почти все с поломанными крыльями. Иногда по-хорошему завидую нынешней молодежи. У нее есть та свобода, которая необходима человеку, чтобы развиваться, делать то, что ему предназначено. Для музыканта общение с коллегами не только в стране, но и за рубежом — воздух. А как было раньше? Выезд за границу — целая проблема, решается на уровне ЦК. Доходило до абсурда. В одну и ту же страну можно было попасть лишь раз в год. А если ты там понравился, тебя пригласили, ждут, предлагают отличные условия для работы? Э-э, напрасно было о чем-либо спорить — стена. Но моя дирижерская судьба все же, на мой взгляд, складывалась вполне удачно. Думаю, я вовремя начал дирижированием нельзя начинать заниматься очень рано, но и нельзя упустить время. В первом случае — мало еще что понимаешь, да и добиться уважения у оркестра трудно. Во втором — может просто не хватить сил.

— С каким же оркестром вы начинали работать?

— Меня многие приглашали. Я много ездил по стране. Довелось выступать и с оркестром Евгения Мравинского. Был такой цикл — «Дебюты молодых дирижеров». В его рамках я и продирижировал Восьмой симфонией Дворжака и скрипичным концертом Брамса. Солировал уже, к сожалению, покойный Андрей Корсаков.

— Вернемся все же в день сегодняшней. Совсем недавно, в конце прошлого года, состоялся юбилейный (как-никак пятьдесят лет оркестру) концерт. Исполнялись «Ромео и Джульетта» П.И.Чайковского и «Болеро» М.Равеля. Наверняка многие подумали: какое точное попадание в настроение декабря 93-го. А ведь концерт готовился задолго до этого времени. Прямо мистика какая-то.

— Все проще. Концерт замысливался как своего рода отчетный. Поэтому хотелось показать все, на что способны.

— Показать, на что способны, можно, сыграв и другие произведения...

— Безусловно. Но были еще резоны. Первый. Играем в Большом зале Московской консерватории, играет Московский же оркестр, значит, нужна русская классика. Как тут не обратиться к Петру Ильичу?

— Понятно. А за что такое предпочтение Равелю?

— Здесь тоже все ясно. Оркестр — это не просто единый организм, а организм, состоящий из ярких частей. Каждый музыкант хочет отличаться — Равель и дает такую возможность.

Павел Коган расчетлив и прагматичен. Он точно знает, когда, что и как делать. Он, словно большой шахматист, на много ходов вперед рассчитывает партию и пытается реализовать свой замысел. А замыслы у него грандиозные. Павел Коган живет в наше время, но, создается впечатление, совершенно не зависит от него. Время он принимает как данность и как еще одну из задач (помимо художественных и экономических), которые надо решить.

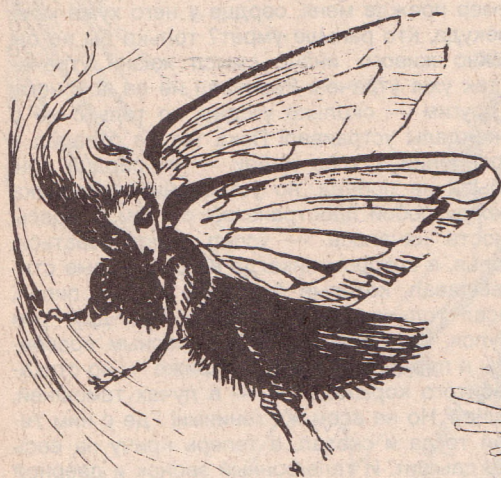
А может быть, подумалось мне, именно таким и должен быть истинный дирижер? Жесткая воля, точный расчет, ясно осознаваемая цель и лишь в редкие минуты на сцене — взрыв эмоций (даже не всегда заметный внешне, сколько внутренне) и долгожданная, выстраданная свобода.

И еще, совсем уже некстати подумалось мне, странная у нас все-таки жизнь. Странная и жутко неэстетичная. Порой из дома выходит не хочется, глаза бы ни на что не глядели. А если надо, то спешишь скорее спуститься в темном лифте, пробежать через запыленный подъезд, проскочить через (в лучшем случае) забитые фанерой двери, и дальше, дальше, скорее, скорее, мимо помоек, бесконечных железных гаражей, мимо жалких, грязных, одиноких собак. В метро. А там вдруг остановишься — такая перед тобой неожиданно вырастает оранжерея, такая красота. И все на продажу. И ирисы, и гвоздики, и хризантемы, и чуть ли не орхидеи. А розы — розы так со здоровый мужицкий кулак величиной. Стоишь. И занозой вопрос: что это, откуда это, зачем это? То ли это знак иных, не наших еще времен, отголосок каких-то неведомых нам миров? А то ли все проще: разлита, течет во всех нас, в наше время пусть и не осознаваемая нами, но другая — достойная, благородная, красивая — жизнь. Есть, есть она — это точно. Вот только как бы — уж не говорю, чтобы пожить этой жизнью, нет, — как бы увидеть, разглядеть эту жизнь.

Олег ПРОХАНОВ

Владимир СОЛОВЬЕВ*

ПОЭТ И МУХА

Нервический монолог с.-петербургского литератора Р.Х., бывшего члена бывшего Союза советских писателей с 1968 года

В детстве — папа, а теперь вот я, но по разным причинам. Папа — из гигиенических соображений, борясь с невидимыми вирусами и микробами, потому что разносчики, к комарам снисходителен, хоть и досаждали сильнее. Комары тоже попадались в расставленные повсюду ловушки, как, впрочем, и другие животные, — редкий гость, чертыхаясь, наткался на свисавшую с потолка липучку, а кошка чуть не померла, выпивши неосторожно мухомора с блюдца, но главной добычей оставались они. Любил наблюдать, как, прилипнув одним крылом к клейкой поверхности, отталкиваясь лапками, дергалась и билась, запутываясь все больше и больше, и вот уже только изредка вздрагивала в предсмертных судорогах, пока не замирала навеки, подобно ископаемому насекомому в янтаре или современному в паучьей паутине. Одну как-то пытался отцепить, но измазался клейкой массой и сам чуть не прилип — спасательных акций больше не предпринимал. А пауков папа специально разводил по углам и иногда производил подсчет вражеским потерям, включая паучи трофеи. Клейкие спиральки были самым эффективным оружием, но была своя прелесть следить, как жадно пьет смертельную влагу из блюдца, а потом сваливается кверху лапками да так и плавает мертвая, и

за пауком, который живую еще, трепещущую пеленал, как ребенка или мумию, переворачивая с бока на бок, пока не получался кокон.

Конечно, оставалась какая-то премудрая разносчица, а то и две: «Неистребимый народец» — говорил папа, имея в виду мушиный, никакой другой, и гонялся за ними целыми днями с мухоловкой, которую сам же и смастерил, — палочка с прибитым на конце куском резины, а хлопала почище пушки с Петропавловки: каждый раз вздрагивал, а мама в конце концов оглохла, хотя на самом деле оттого, что травила меня хиной, когда я был еще нежеланный эмбрион-фетус, аборт Сталин запретил, а потом уже я сам не хотел рождаться, потому что шла война народная, священная война, за правое дело, и маме сделали кесарево, изъяв меня насильственно, но какое это имеет отношение к мухам? А вот — мама оглохла и перестала реагировать, и я ей завидовал, потому что из-за всех этих папиных хлопков стал нервический ребенок, хотя на самом деле была тысяча других причин, пришлось обратиться к известному психиатру, фамилию забыл, да и не важно, но я ему нагрубил, и он сказал, что все упирается в мою распущенность и дурное воспитание, и написал на меня телегу директору школы, но это опять другая история, хотя на самом деле та же самая.

Было все это на даче в Сестрорецке, в году так 53-м, 54-м, 55-м и так далее — как себя помню, папа ловил мух, а я каждый раз вздрагивал, и облегчение пришло, только когда он, наконец, устал и умер от рака в больнице, кажется, Куйбышева на Литейном проспекте, за решеткой, но

* Владимир Соловьев — известный критик, литературовед, прозаик, соавтор (с Е.Клепиковой) сенсационной книги «За Кремлевской стеной» (1991). С 1979 г. живет в Нью-Йорке.

вход с Жуковского — всегда думал, в честь поэта, тем более рядом Некрасова, но оказался изобретатель самолета, а не братья Райт.

В конце концов и сам пристрастился, но просто прихлывал ладонью на оконном стекле, которое муха не видела, принимая за свободный выход на волю, а потом отрывал сначала одно, а потом другое и наблюдал, как живая и здоровая бегала по полу и иногда вздрагивала, пытаясь взлететь. Отучился, прочтя «Муху-Цокотуху», а спустя много лет успокаивал себя, что другие в детстве поступали хуже, надувая через соломинку лягушку и пуская в пруд — как она пытается нырнуть и не может, как моя муха взлететь. А пойманные стрекозы летали большой компанией на продетой через них нитке с болтающейся иголкой на конце — и это тоже не я, а Сережа Вязев, с соседской дачи. Еще был приятель, который взрезал своей кошке живот, чтобы заглянуть внутрь, а другой поджег зажатую стальной пружиной мышку и следил, как горящая и издыхающая тянулась к кусочку колбасы, из-за которого и попалась в мышеловку. Ах, дети, дети...

Уже став писателем, выстроил литературный ряд от «Мухи-Цокотухи» до «Мух» Сартра и «Повелителя мух» Голдуина — не в хронологическом порядке, а по мере знакомства с художественной литературой, им посвященной. Набралось с дюжину, но это была только присказка, а главным сюжетом стало воссоздание утраченной и никогда не написанной комедии про мух автора «Пчел», «Птиц» и «Лягушек» — потому и подзаголовок был игривый: «перевод с древнегреческого». Поэма принесла известность, был избран почетным членом Общества защиты животных, хоть недоброжелатели и утверждали, будто занял амбивалентную по отношению к мухам позицию, что так и не так.

Знали бы про мои теперешние ночные бдения!

Еще травил клопов, но это совсем другая история, написать которую уже не успею, да и кому это все надо — читатель схлынул, оставив всех нас на произвол судьбы. Тем более, методы другие: кровати сдвигались к середине комнаты, став ножками в консервные банки то ли с керосином, то ли с хлоркой, но клопы были хитрыми и смелыми и ночью сбрасывались десантом с потолка и кусали люто. Тараканов почему-то тогда не было, и знал я их только по книжкам, путая со сверчками, так как не видел ни тех, ни других. Клопы, как и комары, были зловреднее мух, но папа почему-то оставшиеся ему годы посвятил борьбе с последними, как разносчиками, хоть сезон охоты был ограничен летними месяцами. Это была страсть и, как любая, внушала страх и зависть.

А теперь вот, соорудив самодельную мухоловку из сложенной вчетверо газеты «Час Пик», сам охочусь по ночам за одной-единственной.

Сюда бы охотника-папу, хоть у него и пахло изо рта, и это было сильнее, чем любые идейные разногласия, всякие разные там конфликты отцов и детей и прочая лажа. Как-то дал мне выпить из своего стакана — чуть не стошнило. Папа заметил и обиделся, но промолчал, а я давился и пил. Сок яблочный — подумать только, какие были времена! — 11 копеек, а самый дешевый томатный — 9.

А сейчас?

Любую цифру назовешь — ошибешься, меняются каждый день, мыслию не угнаться. Если бы только цены — все к чертям собачьим. От прежней иерархии ценностей следа не осталось. Если нет Бога, то какой же я штабс-капитан? Если не нужна литература и умирают журналы, то кто я теперь? Какой к черту поэт, когда Катя, для которой был кумир, и та не выдержала. Выходила за поэта — поэт и красавица, поэт и муза, — а как началось, так подпускать перестала:

— Как надоел...

— Тебя слишком много...

— Как можно так навязываться...

Неужели это прелестное, нежное, теплое тело, эти зеленые шнифы во все лицо — а походка! обалдеть! — весь этот совершенный физический аппарат принадлежит такому ничтожеству? Да сколько угодно! Выходит, тогда и Венера Милосская... А почему, собственно, нет?

Была просто поклонница, соплинка, ошивалась на литературных тусовках, взяла из ничтожества, Пигмалион-Галатея, ввел в литературный мир на свою голову, стала искусствовед, ревновал безумно, приняв литературного соперника за любовного. Или в самом деле успели снюхаться до его отвала? Как узнать, как узнать? Ее спрашивать бесполезно, а теперь уж и некого. Но явно предпочитала его стихи моим — это точно, а значит, его — мне. Пусть гений, что с того, но шпана и жлоб — с него станет! Ему на дружбу раз плюнуть, хоть и не были никогда друзьями, но враги до умопомрачения. А теперь думаю — только бы не умер прежде меня, сердце у него хуже моего, хотя хуже некуда, кто раньше умрет? только бы не он! ненавидеть можно живого, иначе смысл жизни утрачивается, хоть и так уже утрачен. Ревновал не ее, а к нему — вот! С кем другим — сколько угодно, но только не с ним. А какие скандалы устраивал! Пока тот не отвалил в известном направлении, с глаз долой — из сердца вон. Это, конечно, была не победа, но устранение соперника — поделили между собой пространство: он там, я здесь. А потом гласность началась — успел попользоваться, выйдя из подполья, в котором никогда не был, новые стихи за старые выдавал, которые будто бы в стол писал, хоть всегда писал только для Гутенберга. Враг-друг тем временем вернулся, не утруждая себя телесным возвращением в пенаты и продолжая жить в Париже — но стихами. И вот у разбитого корыта, а он — в лучах тамошней, а теперь и здешней. Но не всем же гениями! Где с ним тягаться — так ей тогда и сказал, а теперь кричу на весь мир, но никто не слышит. И телефонный звонок и дверной молчок, и я один, все тонет в лицемерье — в лицедействе? в фарисействе? — вчерашние друзья бросили и подались кто куда — кто в бизнес, кто в Америку и проч. Вот именно, что прочь! И она ушла — так просто взяла и ушла.

Liebestod*.

Вот незадача — в школе немецкий учил, а на кой теперь леший, когда даже еж кумекает по-английски.

Остался один — один на один с мухой.

Заместо музы — муха.

Поэт и муха.

И еще раз чуть не стошнило, в гостях у тети Муси, почти Музы — сколько мне тогда? Семь? восемь? Сталин еще жив, помню точно. Брат двоюродный, балбес лет уже под тридцать и насмешник, и когда я заметил, что лает, и стал ловить, потому что, если сядет на еду, надо тут же выбросить, а поймал великовозрастный и раздавил прямо в моей тарелке с винегретом, измываясь над гигиеническими правилами нашего дома.

Вот тогда путем шока излечился, наконец, от мухофобии, а сейчас совсем по другой причине, потому что единственная и преследует лично меня, как императора Веспасиана или Тита или Домициана — или Диоклетиана? нет, это из другой компании, а тот из Флавиев, как и примкнувший к ним Иосиф, — кого именно, не помню точно, но у того в голове, а у меня еще нет. А путал все со всем, обрывки знаний, хоть и числился среди литературных собратьев эрудитом, но это не трудно — клаку с клоакой, кокетку с кокоткой, факира с халифом, мизантропа с филантропом и даже асфальт с сургучом. Божий дар с яичницей, но это о другом.

Великий путаник — а это откуда?

* Гибель любви (нем.).

Жена ушла вместе с остальным читателем, который не от меня одного, а от всей литературы схлынул, на фига она ему теперь, но все равно лично обидно. На стадионах выступал, писательский билет достаточно было предъявить, чтобы любая пошла, за каждой дыркой не ушивался, выбор был колоссальный, пока Галатею не подцепил, пусть вторичные половые признаки, но мы же цивилизованные люди, черт побери, это и есть наш павлиний хвост, соловьиная песнь и проч., и проч. А теперь что? Мускулатура? Автомат Калашникова? Бабки? В смысле баксы, гринь, зеленые, потому что наши не в счет.

А что теперь в счет?

Долларизация секса. Деэротизация человека. Стебное время. Волчье племя. Собачья жизнь, да и та не задалась. Никчемушник — вот кто я. Литература накрылась, мозгá не та. Пора уж вырубиться из этой жизни, отвалить к едрене-фене на свалку истории.

На один день пришлось — поэму из «Юности» возвратили и набор книги рассыпали: коммерческой ценности не представляет. Жертвы собственного успеха, потому что первыми на баррикадах в борьбе за свободу, был Гаврош, а теперь кто? Вернулся в пустой дом, один кот посреди комнаты развалился, лето, жара, кто на даче, а кто в Израиле, оглядел полки с рукописями: по-средневековому, скрипторий, а в моем случае — кладбище никому больше не нужных стихов. И сам никому не нужен — жена ушла, читатель бросил, лучший друг предал, хоть никогда другом не был и не предавал, но кислородные пути перекрыл, дышать нечем, за грудь хватаюсь, нитроглицерин не сосу, а глотаю. Лег рано, долго вертелся, черные мысли одолевали, вот и порешил кончат с этой бодягой, тем самым подтвердив свою поэтическую сущность. Хотя кому до этого дело? Устал, слишком долго живу, засиделся в гостях, телефон молчит, дверной — тоже, в почтовом ящике пусто — одни счета, которые нечем оплачивать, уже и на плаву не держусь, никогда не служил, жил на стихи и переводы благодаря дружбе народов, а сейчас какая дружба? Разбежались кто куда, а кому некуда — ничтожат друг друга. Весь вопрос — каким способом? Пистолета нет, цианистого калия нет, даже веревки надежной нет, не говоря уж о крюке, а этаж второй, руки-ноги переломаеть и жив останешься — всем на помешнице, а друг-враг будет злорадствовать, хоть и нет ему до тебя никакого дела, что самое обидное: я о нем — днем и ночью, а он обо мне — никогда. Почему я не женщина? Тогда был бы шанс! Однолюб и одноненавистник — вот кто я! Его только и любил, а потому ненавижу — как жаль, что тем, чем стало для меня его существование, не стало мое существование для него*. Дошел до ручки — его словами заговорил, собственных нет, даже мое сокровенное выразил не я, а он. Что делать, что делать. Вот тогда она и появилась.

Свет включил, очки надел — никого. Показалось.

Повернулся на другой бок, чтобы дальше думать черную думать — на чем остановился? Пытаюсь вспомнить — никак. Завтра подумаю, утро вечера мудренее, да не тут-то было: опять чувствую: не один. Снова включил свет, снова надел очки и притаился: слезу. Вот тут папу и вспомнил. Эта та самая, которую он так и не поймал.

Подошел к окну, раздвинул шторы — август 1993, улица Ленина в городе Санкт-Петербурге, который все еще называю Ленинградом, у собратьев темно, что ни говори, прозаикам легче, а мне уже не перестроиться, пытался, но не успеваю, замыслы и мысли устаревают на глазах еще до того, как садишься за машинку, многие компьютер приобрели, только что бы я на нем писал — назад, к гусиному перу! Может, так и назвать? Ускорение! Когда время несется, как ракета, поэт должен думать медленно, как чере-

пах. Хоть и неизвестно, как она думает.

Вот она! Сидит на краешке ночной лампы и задними лапками слюдяные крылышки чистит. Маленькая, но такие как раз самые зловредные. Со сложенной вчетверо газетой подкрался и застыл: на прозрачных крылышках узор, как на листьях, темные глазки в орбитах вращаются, как у стрекозы, а лапки так и сучит. Прицелился для верняка и — хлоп: лампа вдребезги, тьма кромешная, вот черт! Осторожно продвинулся к выключателю, чтобы не порезаться осколками — и минут пятнадцать, наверное, ползал по полу, убирая. А потом опять лег, в комнате такая тьма, что можно спать с открытыми глазами, черные шторы против белых ночей, пытаюсь успокоиться и заснуть, какое там — чувствую, на плече сидит. Или кажется? С головой накрылся, но душно, задыхаюсь, а когда одеяло сбросил, на нос села — не отвязаться. Вспоминаю — среди осколков ее вроде не было, думал, отлетела куда-нибудь в угол и лежит лапками кверху, как в детстве в мухоморе. Снова надеваю очки и иду к выключателю, на все натыкаюсь — хорошо хоть не на стекло. Между рамами мертвые лежали, но считалось, что заснули летаргическим сном, а к весне оживут. Мама, когда газетные полоски отклеивала, сбрасывала их тряпкой на улицу, а папа сердился: «Где мухи?», спрашивает. «Так они же мертвые...» «Какие же они мертвые? — возмущается папа. — Это у них зимняя спячка, как у медведей. А потом они проснутся и вернуться домой — мне же их и ловить». А на самом деле рад — что бы он делал в оставшиеся ему годы без охоты на мух? Открытие сезона ждал с предвкушением. Завел специальную тетрадку, где вел подсчеты трофеем. Судя по годовым цифрам, то ли мух становилось все больше и больше в мире, то ли он с каждым годом совершенствовал свое искусство по истреблению мушиного племени, и неизвестно, чего бы достиг, если бы не смерть в больнице Куйбышева от рака двенадцатиперстной. Вот прообраз моей смерти, если бы не сердце и если сам не опережу, потому что передается по наследству, хотя не обязательно.

Выискивал по углам, но нигде — а может быть, все-таки убил? Что ищу — муху или мушиный труп? Надеялся так до смерти и прожить поэтической жизнью, но заарканила судьба, только воспоминания и остались, но и вспомнить как-то не о чем — воспоминания не о бывшем, а о небывшем. Работал, как машина, не человек, а профессия. Галатея права, все равно к кому ушла, лучше бы ни к кому, как-то не очень приятно представлять ее с кем-нибудь за этим занятием — хорошо, до Парижа далеко, хоть и не так, как прежде. Формализм мужской ревности: переживаю из-за физической измены, которой, может быть, и не было, а из-за душевной, эмоциональной — не стал бы. Предпочел, чтобы она в кого-нибудь по-настоящему втрескалась, но чтобы не изменяла физически, пусть даже случайно и единично. А здесь потому и заподозрил, что она вдруг раскусила ремесленную природу моих стихов и что враг-друг, в отличие от меня, настоящий, — вот зависть и обратилась в ревность. Все-таки вряд ли, хоть он на нее и положил, но он на всех без исключения, любвеобилен тогда был, но его больше охота интересовала, чем добыча, а потому — вряд ли. Как же так — он мне соперник, а я ему нет? Выходит, зря себя мучу, ее измена — игра моего воображения, как и муха, которой нет, а есть только разбитая зазря лампа.

Вот, сидит себе на машинке, которая мне уже не понадобится, а ей зачем? Ну, погоди! Черт, куда это мухоловка запропастилась? А когда под кроватью нашел, муха опять исчезла, и теперь уж не знаю, видел ли на самом деле. В показании собственных чувств не верю. Как отличить сон от яви? Все еще сплю или уже проснулся? Или умер? Муха — это сон или смерть? Или вся моя писательская жизнь была сон, а сейчас проснулся и умер и ловлю муху? Кто

* Реминисценция из стихов И.Бродского (ред.).

я? Или что я, потому что неизвестно, «кто» ли я? Что я? Откуда, куда и зачем? Не все ли равно теперь. Координаты потеряны, выпал из гнезда, затравили-таки хиной, идет война народная, священная война, кто не с нами, тот против нас, долой стыд и литературу с корабля современности на свалку истории.

Хитрая! На сложенную газету села. Как поймать муху, которая сидит на мухоловке?

И почему все должны быть гениями? А Баратынский — гений? А Тютчев? А Лермонтов с Некрасовым и Фетом? Установка на гения — смерть поэзии. Вдохновение — это романтическая выдумка, а поэзия — труд литературных чернорабочих, я всегда писал, обложившись книгами, но были и прорывы, лучшие стихи в уборной сочинил — там блокнот в свиной коже на проволоке и авторучка с золотым пером, подарок поклонницы из Саратова, не полагаясь на память и не дожидаясь вдохновения. Какая там муза — всего сам добился! Не муза, а муха. А эти гады теперь: имитатор, облучился советской славой, деградирует и проч. Прочь отсюда, проклятая! Подкрался — и хлоп-

а потом ползаю, ищу, очки слетели с носа, снова нацепил. Вижу — лежит. Или это пятно на полу? Дотронулся пальцем, она и взлетела — в шоке была.

Ночь напролет. Кот вместо того, чтоб помочь, следит с недоверием, обленился, сволочь, и стал как боров, а теперь сбежать норовит, как Катька-Галатея, чует, что мое время истекло и по инерции живу. Поймать, оборвать крылья и коту на съедение, хоть и не заслужил, мерзавец. Или самому съесть — так надежнее. Сердце щемит, нитроглицерин не помогает, с пола не встать, вот и сплю или умер, подложив руку под голову, с музой в обнимку.

Она же муха.

Так и лежу мертвее мертвого, а на мне муха. Вот такими и найдут нас спустя дни, недели, месяцы, годы, столетия, как в Помпеях, потому что ангелы отлетели, звонки молчат, литература отменена за ненадобностью.

Нью-Йорк, 1993

Рис. Е.Виноградовой

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ СКАЗКИ

Людмила ПЕТРУШЕВСКАЯ

Хэви метал

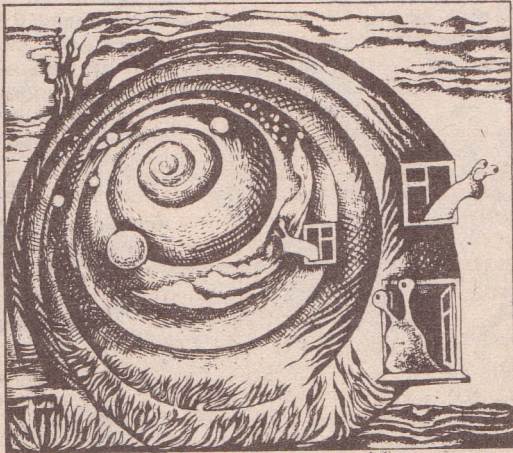

Рис. В.Фроловой

Улитка Герасим прогуливался, волоча за собой цепь, на которой раньше (когда-то) у него сидела амeba Рахиль (Муму), пока не поделилась.

Воспоминания были не из лучших, Рахиль, помнится, дико к нему привязалась и оттого выла ночами, и улитка Герасим так был рад, когда удалось ее выгнать, что в дальнейшем даже не притрагивался к цепи: мы не любим возвращаться к тому, что причиняло нам страдания, писал еще Спиноза, а Герасим ему верил.

Объяснение было простое — Герасим, старый холостяк, не мог и не хотел заниматься домашним хозяйством типа отвязывания ненужных вещей, так что цепь все время волочилась

следом, напоминая о постылой привязанности амeбы Рахиль (Муму) и о том, как Герасим пытался утопить Муму, не зная, что амeбы не тонут.

Поганая была история, и цепь все время волочилась следом за улиткой Герасимом, снижая тем самым его крейсерскую скорость (6 см/час).

Но тут — бывают в жизни совпадения — ему повстречалась шумная компания, инфузория Ася с малышками амeбами Ра (Му) и Хиль (Му).

С бьющимся сердцем инфузория Ася вела сироток мимо родной цепи, но ни улитка Герасим, ни малютки амeбы не шелохнулись. Ра (Му) и Хиль (Му) продолжали орать, выть и беситься как бесились, а Герасим мягко ехал в своем фургоне, не показываясь, как вагоновожатый.

Однако надо же случиться такому, что бесноватая малютка амeба Хиль (Му), когда уже улитка Герасим благополучно прокачался мимо, обратила внимание на цепь и стала ее рвать и дергать на себя, и то же самое делала и малютка Ра, но уже в своем направлении.

Улитка Герасим, почувствовав сильные толчки, как при землетрясении, вытащил свою рогатую рожу в иллюминатор и, увидев сразу двух амeб на цепи, испугался, сделал зверское лицо, затрубил, закачал ветвистым лбом, а потом быстро счастился в трюм и там отомкнул цепь и выкинул ее в дырку кингстона.

На все это он потратил не больше часа, и сорок пять минут ушло на кингстон.

А малютки амeбы даром времени не тратили, метелили цепь, представляете положение?

Освободившись, улитка Герасим вцепился в штурвал и резко (без цепи) ушел со старта со скоростью 7 см/час.

Сам не ожидал такого спурта, позорно бежал от старой привязанности.

Что касается беспечных малюток Му-Му, то они получили цепь в полное собственное владение, обмотались ею по самым параподии, т.е. глухо, и с криком «heavy metal» (тяжелая метла) поканали в парк.

А сконфуженная инфузория Ася пошла за ними, понесла им завтрак.

Предыдущие «Дикие животные сказки» читайте в №№ 22—52, 1993 г., №№ 1—4, 1994 г.

Нагие Бэллы Матвеевой

Нагота — что может быть более прельстительным для художника? Именно она — наступающая нас во время посмертного раздевания, любовного сожития и освежающего купания, — именно она является наиболее безусловным воплощением зримого. Нагота — жалкая и героическая, тлетворная и божественная. В ней явственно видится какое-то живое отсутствие: нагота всегда заставляет тосковать о недостижимом, но страстно желаемом. Нагота неизменно пробуждает некое смутное воспоминание, которое не находит своего предмета, и эти проблески возможного пронзают душу и не дают ей покоя. Такое очевидное отсутствие чего-то, а быть может, и элементарное отсутствие очевидности берedit художника, более того, именно оно и является двигателем его работы, ибо не есть ли труд художника просто желание найти то, что утрачено, и утрачено безвозвратно?

Бэлла Матвеева, как и многие художники до нее, ищет «роскошь, негу и покой», как сказал некогда Бодлер. Эти поиски всегда ведутся на грани того, что предписано «хорошим вкусом», и Бэлла Матвеева тут не исключение. «Роскошь, нега и покой» есть миф о земном рае, и миф, конечно же, буржуазный. Нагота представляется здесь двумя лишь значениями: то символом Красоты, то символом Непристойности. Нагота предстает в буржуазном мифе модной и фамильярной, как и сам современный секс. В то же время нагота неизменно стилизуется в этом мифе — стилизуется чрезвычайно искусно и

рафинированно. Бэлла Матвеева — художник, который воплотил это буржуазное изысканное сознание в самой небуржуазной стране — России. При этом Матвеевой удалось сохранить весь местный «колорит», всю отечественную жесткость и вязкость. Изображая абсолютную негу и абсолютный покой, Матвеева в то же время умело играет на наших собственных идеологических и эстетических штампах. Эта игра уходит корнями в иконографию эпохи «модерн» и дальше — к первым имперским мифам русской государственности. В современном массовом сознании модерн до сих пор остается

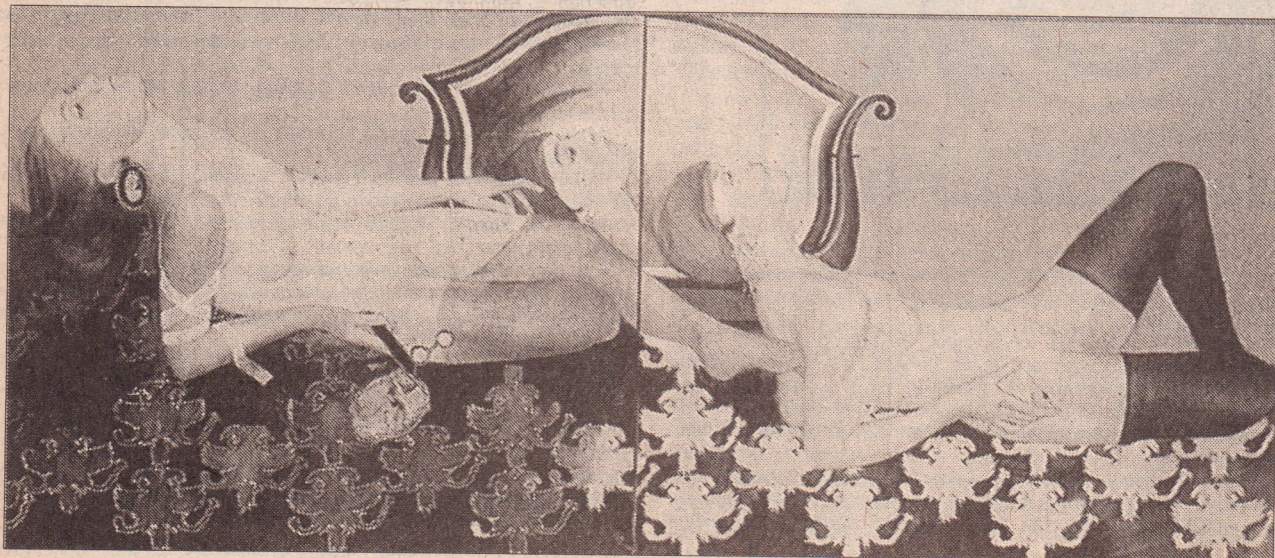
эталоном прекрасного, высокохудожественного, артистического. Матвеева знает об этом, но подвергает это знание тончайшему сомнению.

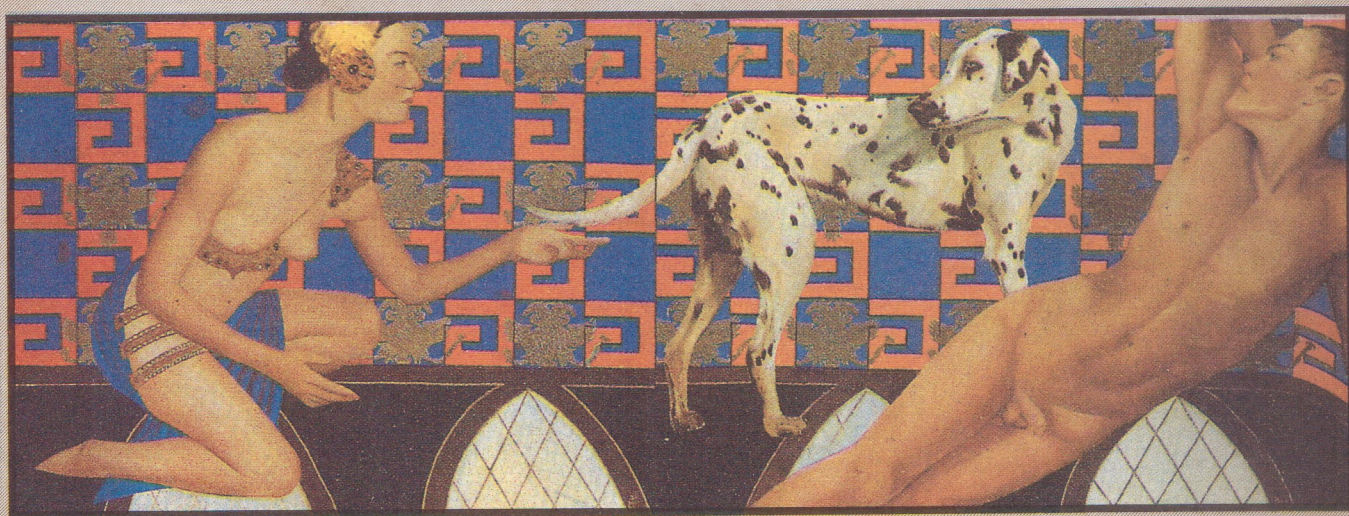
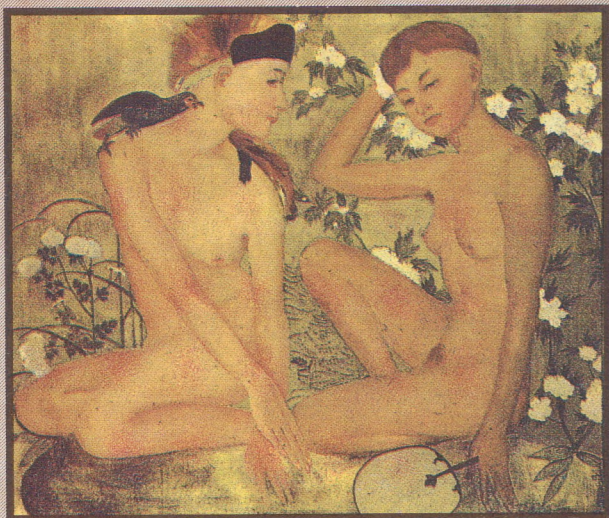
Вместе с тем ей, как и другим современным художникам, оказала неоценимую услугу порнография. Порнография показала, что нагота есть, в сущности, последняя социальность — социальность, которая не «жеманичит с чернью, но препирается с Богом». Простоватость порнографии, диспропорция и неумеренность, свойственные ей, наконец, все то, что может отталкивать и, следовательно, обучать и направлять к познанию, — все это Бэлла Матвеева су-

мела взять на заметку и использовать в своей работе. Ее произведения и прельщают и отвращают одновременно. Этого добиваются только действительно хорошие художники.

Итак, вот они лежат — нагие герои Матвеевой. Иногда даже сидят, даже двигаются. Однако они абсолютно статуарны, как и полагаются носителям философии «роскоши, неги и покоя». Они статуарны, пост-рефлексивны, обморочны. Они забылись дурным сном буржуазного мифа, перенесенного на родину мифа общинного. Этот сон не кошмарен, он даже исполнен некоего старческого эротизма.

Александр БРЕНЕР

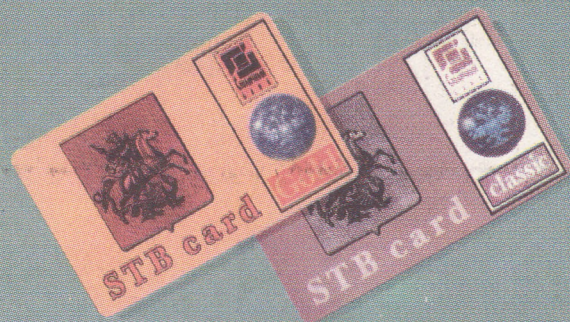

Работы Бэллы МАТВЕЕВОЙ. 1990—1992 годы

Наличные деньги могут остаться лишь на полотнах старых мастеров да в нашей памяти

Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card

Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.
Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.
Телекс: 411913 SBANK SU. Телетайп: 114250 СМОЛЯК